

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Алтайский государственный педагогический университет»

На правах рукописи

Заруцкая Светлана Валериевна

**КОНЦЕПЦИЯ КОНВЕРГЕНЦИИ ЦЕННОСТЕЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВВ.**

5.10.1. – теория и история культуры, искусства

Диссертация на соискание учёной степени
кандидата философских наук

Научный руководитель:
доктор философских наук, доцент
Эльвира Ивановна Забнева

Барнаул – 2026

Оглавление

Введение.....	3
Глава 1. Теоретико-методологические основания построения концепции конвергенции ценностей культуры.....	22
1.1. Основные направления концептуализации конвергенции ценностей культуры.....	22
1.2. Культурфилософские основания концепции конвергенции ценностей	42
1.3. Поиск оснований концепции конвергенции ценностей культуры в философии, искусстве, науке и других формах культурного развития	60
Глава 2. Культурфилософская рефлексия «художественного поля» в концепции конвергенции ценностей отечественной культуры второй половины XIX – начала XX вв.....	90
2.1. Принципы «онтологизации» в концепции конвергенции ценностей отечественной культуры второй половины XIX – начала XX вв.....	90
2.2. Опыт конвергенции ценностей культуры в концепции синтеза знаний Павла Флоренского	99
2.3. «Художественное поле» как результат конвергенции ценностей отечественной культуры второй половины XIX – начала XX вв..	114
Заключение.....	128
Список литературы.....	133

Введение

Актуальность темы диссертационного исследования. Для отечественной культуры в различные исторические отрезки ее развития характерна тенденция к обозначению и сохранению своей самобытности и включенности в диалог с другими культурами. Данная тенденция делает возможным обобщение опыта развития культуры сквозь призму культурфилософского анализа, что позволяет получить эвристически значимые результаты, свидетельствующие о культурной идентичности, формировании устойчивых ценностно-смысловых комплексов с важными системообразующими принципами.

Обращение к культурно-историческому периоду второй половины XIX – начала XX вв. дает возможность продемонстрировать, как в конкретном промежутке пространства и времени ценностно-смысловая система отражала вовлеченность носителей культуры в художественное творчество, в идейные искания и философию, мудрствование, формируя при этом своеобразные комплексы ценностей и культурных норм, проясняющие сущность бытия, символизацию реальности, воплощение духовности, моральных оценок и т. д.

Расцвет культуры в указанный период предопределяет научный поиск ключевых смысловых феноменов, позволивших культуре достичь такого высокого уровня развития. Предположив, что одним из таких процессов социокультурной динамики является конвергенция ценностей, мы тем самым стремимся показать, как данный феномен позволяет объяснять преемственность культуры, сохранность ее ключевых традиционных ценностей, определять границы культурной идентичности и т. д.

При этом понимание конвергенции ценностей как процесса социокультурной динамики, определяемого с точки зрения развития внутреннего потенциала самой культуры, затрагивающего практически все значимые элементы культуры (например, традиции, обычаи, ритуалы и другие), обуславливает возможность применения данного подхода к анализу

различных социокультурных изменений, происходящих и в архаичные времена, и в условиях современности. Исходя из чего, можно как рассчитывать на возможность обосновать преемственность традиций культуры в эпохальном срезе, так и рассматривать конвергенцию ценностей в аспекте взаимовлияния различных элементов культуры друг на друга, в результате которых наблюдается «символический обмен» опытом поколений носителей культуры, идейными исканиями, возможностями обеспечения духовной безопасности.

Таким образом, актуальность темы исследования определяется в возможности концептуализации конвергенции ценностей как универсального для разных культур и периодов культурно-исторического развития процесса или явления, отражающего культурную идентичность, трансляцию социокультурного опыта от одного поколения к другому и, в конечном счете, обеспечивающего сохранение традиционных духовно-нравственных ценностей и норм как основу духовной безопасности.

Научная проблема. В философско-культурологических исследованиях, посвященных анализу отечественной культуры второй половины XIX – начала XX вв., преобладающим исследовательским направлением является поиск объяснительных «парадигм» для переосмысления культурного наследия с акцентом на выявлении причин и последствий кризисности культуры, влияния на нее различных социальных, политических и иных детерминантов, социокультурных «разломов» и т.д., а между тем такие «парадигмы» не всегда способны прояснить особенности достаточно устойчивых и бурно развивающихся социокультурных явлений и процессов, например, в эпоху Серебряного века русской культуры, с точки зрения их ценностно-нормативной определенности. Следовательно, в теории и истории культуры имеется запрос на разработку культурфилософских концепций, целью которых является «онтологизация» культуры с выявлением точек сопряженности и консолидации ценностных структур человеческого бытия. Создание концепции конвергенции ценностей отечественной культуры второй

половины XIX – начала XX вв. в рамках данного диссертационного исследования отвечает таким интересам современного социально-гуманитарного знания.

Степень научной разработанности проблемы исследования. Проблематике ценностно-нормативной определенности в развитии культуры на различных исторических этапах посвящен пласт исследований, осуществляемых в рамках теории и истории культуры, культурологии, философии культуры.

Представленные в научном знании работы можно упорядочить следующим образом. Прежде всего, это общетеоретические работы, направленные на интерпретацию системных оснований социокультурного развития, раскрывающие закономерности и принципы ценностно-нормативных изменений в пространстве культуры. Авторы этих работ внесли вклад в понимание ценностно-нормативной определенности в развитии культуры, оценку и обобщение различных детерминантов социокультурного развития, сложных процессов взаимопроникновения и интеграции различных элементов культуры, ее ценностей и норм, традиций и инноваций (И.Ю. Алексеева¹, В.И. Аршинов², В.Г. Буданов³, Д.И. Дубровский⁴, В.Г. Горохов⁵, М. Кастельс⁶, Л.П. Киященко⁷, М.В. Ковальчук⁸, В.А. Лекторский⁹,

¹Алексеева И. Ю. Что такое общество знаний? М. : Когито-Центр, 2009. 96 с.

² Синергетическая парадигма / М. : Прогресс-Традиция, 2011. 495 с.

³ Буданов В. Г. Квантово-синергетические онтологии в становлении постнеклассического образа антропосферы будущего. М. : Макс-Пресс, 2008. С. 63-67.

⁴Дубровский Д. И. Проблема идеального. Субъективная реальность. М. : Канон+, 2002. 366 с.

⁵Горохов В. Г. Основы философии техники и технических наук: учебник для студентов и аспирантов. М.: Гардарики, 2007. 335 с.

⁶Кастельс М. Информационная эпоха: общество и культура. М. : Изд-во ВШЭ, 2000. 608 с.

⁷Человек как открытая целостность : монография / Новосибирск : Академиздат, 2022. 420 с.

⁸Ковальчук М. В. Конвергенция наук и технологий и формирование новой ноосферы. М.: НИЦ "Курчатовский ин-т", 2011. 15 с.

⁹Лекторский В. А. Философия, познание, культура / РАН, Ин-т философии. М. : Канон+, 2012. 383 с.

И.Р. Пригожин¹⁰, Е.В. Фидченко¹¹, Т.В. Черниговская¹², А.Е. Чучин-Русов¹³ и другие).

Далее в научном дискурсе представлены работы, направленные на изучение процесса консолидации ценностей и норм, что обусловлено динамичными социокультурными изменениями. Авторы исследований рассматривают ценности как важную основу для формирования идентичности и интеграции разнородных элементов человеческого коллективного и индивидуального бытия (И.В. Кондаков¹⁴, В.А. Котеля¹⁵, Н.И. Лапин¹⁶, Д.С. Мережковский¹⁷, Е.А. Попов¹⁸, Т.А. Семилет¹⁹, П. Сорокин²⁰, И.В. Фотиева²¹, Ш. Н. Эйзенштадт²² и другие).

Для целостного понимания феномена культуры в данном исследовании используются культурфилософский подход, характеризующийся пониманием культуры как сложной системы, включающей ценности, нормы, традиции и символы (З. Бауман²³, Э.И. Забнева²⁴, Р. Инглхарт²⁵, Э. Кассирер²⁶,

¹⁰Пригожин И. Р. Определено ли будущее? : [сборник статей]. Изд. 2-е., испр. М. ; Ижевск : Институт компьютерных исследований, 2005. 239 с.

¹¹Фидченко Е. В. Коммуникативное действие в гуманитарном познании .М. : Б. и., 2003. 21 с.

¹²Черниговская Т. В. Как искусство влияет на мозг. Лекция. URL: <https://yandex.ru/video/preview/4528317266173318616>

¹³Чучин-Русов А. Е. Культурно-исторический процесс: форма и содержание. Вопросы философии. 1996. № 4. С. 3-14.

¹⁴Кондаков И. В. Введение в историю русской культуры : учеб. пособие для вузов. М. : Аспект-пресс, 1997. 686 с.

¹⁵Котеля В. А. Философия духовной культуры: русская традиция. Белгородский гос. технол. ун-т. Белгород : Изд-во БГТУ, 2009. 233 с.

¹⁶Лапин Н.И. Общая социология : учеб. пособие для студентов вузов. 2-е изд., доп. М. : Высш. шк., 2009. 451 с.

¹⁷Мережковский Д. С. О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы. СПб : Типо-лит. Б. М. Вольфа, 1893. 192 с.

¹⁸Попов Е. А. Виталистские тенденции и стратегии в социодинамике русской культуры: монография / Федеральное агентство по образованию, Алтайский гос. ун-т. Барнаул : Изд-во Алтайского ун-та, 2006. 230 с.

¹⁹Семилет Т. А. Культурвитализм – концепция жизненных сил культуры : монография. Барнаул : Изд-во Алтайского университета, 2004. 142 с.

²⁰Сорокин П. А. Общедоступный учебник социологии. Статьи разных лет / Ин-т социологии. М.: Наука, 1994. 560 с.

²¹Фотиева И. В. Онтологические основы морали: Комплексный подход в исследовании: автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.05. М., 1999. 24 с.

²²Эйзенштадт Ш. Н. Революция и преобразование обществ. Сравнит. изучение цивилизаций / М. : Аспект Пресс, 1999. 416 с

²³Бауман З. Индивидуализированное общество. М. : Логос, 2005. 390 с.

²⁴Забнева Э. И. Социально-философское осмысление политического бытия общества : учебное пособие. Ульяновск : Зебра, 2021. 138 с.

²⁵Инглхарт Р. Культурная эволюция: как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир. М. : Мысль, сор. 2018. 346 с.

²⁶Кассирер Э. Познание и действительность. Понятие о субстанции и понятие о функции. СПб. : Шиповник, 1912. 454 с.

С. Лангер²⁷, О.Ю. Малинова²⁸, Г. Риккерт²⁹, В.С. Степин³⁰, А. Тойнби³¹, М. Хайдеггер³², О. Шпенглер³³, К. Ясперс³⁴ и другие).

Среди исследователей, изучавших культуру через призму ценностей, выделяются Р. Барт³⁵, В. Виндельбанд³⁶, Б.П. Вышеславцев³⁷, Т.А. ван Дейк³⁸, М.С. Каган³⁹, И. Кант⁴⁰, Ю. Кристева⁴¹, К. Леви-Стросс⁴², Н.С. Розов⁴³, Э. Холл⁴⁴, М. Шелер⁴⁵, У. Эко⁴⁶, М. Элиаде⁴⁷, Р.О. Якобсон⁴⁸. Представленный в их работах подход позволяет выявить многообразие типов ценностей, их функции и ключевую роль в формировании культурного ландшафта и определении специфики соотношения универсальных и уникальных особенностей культур.

Отдельного рассмотрения требует направление, посвященное изучению уникальности и самобытности каждой культуры, в частности отечественной культуры с ее ценностно-смысловыми особенностями. Изучение этих особенностей позволяет более точно определить точки соприкосновения и расхождения в ценностных системах культуры, а также выявить потенциал

²⁷ Лангер С. К. Философия в новом ключе. Исследование символического разума, ритуала и искусства М. : Республика, 2000. 286 с.

²⁸ Малинова О. Ю. Конструирование смыслов: Исследование символической политики в современной России: монография. РАН. Отд. полит. науки. М., 2013. 421 с.

²⁹ Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. СПб. : Образование, 1911. 196 с.

³⁰ Степин В. С. Философия науки. Общие проблемы : учебник для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук. М. : Гардарики, 2006. 384 с.

³¹ Тойнби А. Д. Постигание истории : сборник М. : Прогресс, 1990. 730 с.

³² Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления [пер. с немецкого]. М. : Республика, 1993. С. 221-238.

³³ Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. М. : Академический проект, 2022.

³⁴ Ясперс К. Смысл и назначение истории. 2-е изд. М. : Республика, 1994. 527 с.

³⁵ Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика М. : Прогресс, 1989. 616 с.

³⁶ Виндельбанд В. Прелюдии : Филос. ст. и речи. СПб. : Д. Е. Жуковский, 1904 VI, [2], 374 с.

³⁷ Вышеславцев Б. П. Сочинения. М. : Раритет, 1995. 459 с.

³⁸ Дейк Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация : сборник работ. М. : Прогресс, 1989. 310 с.

³⁹ Каган М. С. Философия культуры : учебное пособие. СПб. 1996.

⁴⁰ Кант И. Собрание сочинений : в 6 т. Т. 4. М. : Мысль, 1965. 491 с.

⁴¹ Кристева Ю. Избранные труды: Разрушение поэтики. М. : РОССПЭН, 2004 (ГУП ИПК Ульян. Дом печати). 652 с.

⁴² Леви-Стросс К. Первобытное мышление. М. : Терра-Кн. клуб, Республика, 1999. 382 с.

⁴³ Розов Н. С. Ценности в проблемном мире: философские основания и социальные приложения конструктивной аксиологии. М. : Директ-Медиа, 2013. 360 с.

⁴⁴ Hall Edward Twitchell Understanding cultural differences Germans, French and Americans .Yarmouth (Me.) : Intercultural press, 1990. XXI, 196 p.

⁴⁵ Шелер М. Избранные произведения. М. : Гнозис, 1994. 490 с.

⁴⁶ Эко У. Открытое произведение : форма и неопределенность в современной поэтике. СПб. : Symposium, 2006. 408 с.

⁴⁷ Элиаде М. Миф о вечном возвращении Архетипы и повторяемость. СПб. : Алетея, 1998. 249 с.

⁴⁸ Якобсон Р. О. Работа по поэтике . М. : Прогресс, 1987. 460 с.

для их взаимообогащения (М. М. Бахтин ⁴⁹ , Н. А. Бердяев ⁵⁰ , Н. Я. Данилевский ⁵¹ , К. Леонтьев ⁵² , Д. С. Лихачев ⁵³ , Н. О. Лосский ⁵⁴ , Ю. М. Лотман ⁵⁵ , Е.Н. Трубецкой ⁵⁶ , П.А. Флоренский ⁵⁷ , С.Л. Франк ⁵⁸ , А. С. Хомяков⁵⁹, Л. И. Шестов⁶⁰).

Важным аспектом социокультурных исследований является учет динамики процессов культурного взаимодействия, оказывающих существенное влияние на формирование ценностных ориентаций носителей культуры, на процессы сближения различных ценностных структур бытия, например, цивилизационных, религиозных, языковых, мифологических и других, фокусировка внимания на раскрытии особенностей преломления в культуре значимых социальных, политических и экономических изменений (С.С. Аверинцев ⁶¹ , С. Ф. Анисимов ⁶² , Ю.Б. Боров ⁶³ , Г. С. Выжлецов ⁶⁴ , В. И. Гараджа⁶⁵ , Л.Н. Гумилев⁶⁶ , С.П. Курдюмов⁶⁷ , М.К. Мамардашвили⁶⁸ ,

⁴⁹Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. 2-е изд. М. : Искусство, 1986. 445 с.

⁵⁰Бердяев Н. А. Смысл творчества. М. : АСТ ; Хранитель, 2007.

⁵¹Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М. : Институт русской цивилизации, 2008. 816 с.

⁵²Леонтьев К.Н. «Цветущая сложность» не сливающихся в одно признаков как критерий развития общества. URLruskline.ru/analitika/2014/03/15/knleontev_cvetuwaya_slozhnost_ne_slivayuwihsy_a_v_odno_priznakov_kak_kriterij_razvitiya_obwestva/

⁵³Лихачев Д. С. Избранное : мысли о жизни, истории, культуре. М. : РФК, 2006. 334 с.

⁵⁴Лосский Н. О. Избранные труды. М. : Российская политическая энциклопедия/ 2010. 839 с.

⁵⁵Лотман Ю. М. Культура и взрыв. М. : Гнозис ; Издательская группа «Прогресс», 1992. 272 с.

⁵⁶Трубецкой С. Н. Собрание сочинений кн. Сергея Николаевича Трубецкого : Т. 1-6. Философские статьи. М. 1906-1912, 1908. IV, 623 с.

⁵⁷Флоренский Павел, священник. Философия культа (Опыт православной антропологии). 2-е изд. М.: Академический проект, 2018. 685 с.

⁵⁸Франк С. Л. Реальность и человек. М. : Республика, 1997. 478 с.

⁵⁹Хомяков А. С. Сочинения : в 2 т. Т. 2: Работы по богословию. М. : Медиум МФФ, 1994. 478 с.

⁶⁰Шестов Л. Н. Сборник статей, посвященных интеллектуальному наследию Л. И. Шестова М.: РОССПЭН, 2016. 463 с.

⁶¹Аверинцев С. С. Поэтика ранневизантийской литературы. М. : Coda. 1997. 342 с.

⁶²Анисимов С. Ф. Человек и машина: (Философ. проблемы кибернетики). 1959. 56 с.

⁶³Боров Ю. Б. Эстетика: отношение к действительности. Творчество. Произведения. Природа. Природа и виды искусства. Художественный процесс. Обращение к искусством. М. : Русь-Олимп: 2005. 829 с.

⁶⁴Выжлецов Г. С. Аксиология культуры / С.-Петерб. гос. ун-т. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1996. 148 с.

⁶⁵Гараджа В. И. Религиоведение : учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений и преп. ср. школы. 2-е изд., доп. М.: Аспект Пресс, 1995. 351 с.

⁶⁶Гумилёв Л. Н. От Руси до России : очерки этн. истории. М. : ОЛМА Медиа Групп, 2013. 319 с.

⁶⁷Курдюмов С. П. Мир человека: неопределенность как вызов / Институт философии РАН ; отв. ред. Г.Л. Белкина ; ред.-сост. М. И. Фролова ; среди авт. И. А. Бирич. М. : URSS, 2019. 520 с.

⁶⁸Мамардашвили М. К. Философские чтения. СПб. : Азбука-классика, 2002. 832 с.

А.П. Назаретян⁶⁹, И.Р. Пригожин⁷⁰, В.Я. Пропп⁷¹, А.Н. Радищев⁷², Х. Стюарт⁷³, В.П. Тугаринов⁷⁴, О.М. Фрейденберг⁷⁵, Г. Хакен⁷⁶, А. Н. Чумакова⁷⁷ и др.).

Особое внимание уделено работам, анализирующим механизмы, посредством которых значимые социальные и социокультурные изменения, обусловленные различными нормативными, этическими и иными детерминантами, находят свое отражение в культурных феноменах, формируя новые культурные практики и инновации (А.С. Ахиезер⁷⁸, И. Валлерстайн⁷⁹, М. Вебер⁸⁰, М. Хоркхаймер и Т. Адорно⁸¹ и другие).

Для понимания влияния масштабных изменений на культурный ландшафт конкретного периода следует обратиться к работам, охватывающим рецепцию социокультурной динамики во второй половине XIX – начале XX вв., во времена заметных трансформаций в развитии культуры. В исследованиях идет поиск ответов на вопросы: каким образом эти масштабные изменения повлияли на конвергентные процессы в культуре, какие новые формы культурного взаимодействия они породили, что лежит в основании таких взаимодействий, как складывается трансляция социокультурного опыта между поколениями носителей культуры и т.д.

⁶⁹Назаретян А. П. Антропология насилия и культура самоорганизации: очерки по эволюционно-исторической психологии. Изд. 4-е., стер. М.: URSS, ЛЕНАНД, 2015. 256 с.

⁷⁰Пригожин И. Р. Определено ли будущее?: [сборник статей]. Изд. 2-е., испр. М.; Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2005. 239 с.

⁷¹Пропп В. Я. Морфология (волшебной) сказки. Исторические корни волшебной сказки. М.: Лабиринт, 1998. 511 с.

⁷²Радищев А. Н. Избранные философские и общественно-политические произведения: М.: Госполитиздат, 1952. 672 с.

⁷³Hall S. Representation: Cultural Representations and Signifying Practices. Sage. 1997.

⁷⁴Тугаринов В. П. Избранные философские труды. Л.: Изд-во Ленинградского университета. 1988. 344 с.

⁷⁵Фрейденберг О. М. Миф и литература древности. 2-е изд., испр. и доп. М.: Вост. лит. РАН, 1998. 798 с.

⁷⁶Хакен Г. Синергетика. Принципы и основы, перспективы и приложения: в 2 ч. М.: URSS, 2015. Ч. 1. 448 с.

⁷⁷Чумаков А. Н. Метафизика глобализации: культурно-цивилизационный контекст. Российская акад. наук, Ин-т философии. М.: Изд-во "Канон+" РООИ "Реабилитация", 2006. 514 с.

⁷⁸Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта. (Социокультурная динамика России) Новосибирск: Сибирский хронограф, 1997. Том 1: От прошлого к будущему. 1997. 804 с.

⁷⁹Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном виде. СПб.: Унив. кн., 2001. 414 с.

⁸⁰Вебер М. Работы М. Вебера по социологии, религии и культуре. М.: ИНИОН, 1991. 301 с.

⁸¹Хоркхаймер М. Диалектика Просвещения: Философские фрагменты М.: Медиум; СПб.: Ювента 1997.

(Г. Брандес⁸², Ф. Brentано⁸³, Ф. Бродель⁸⁴, П. Бурдьё⁸⁵, К. Вельцель⁸⁶, В. Дильтей⁸⁷, Э. Дюркгейм⁸⁸, Г. Зиммель⁸⁹, Х. Ортега-и-Гассет⁹⁰, И. Тэн⁹¹, З. Фрейд⁹² и др.).

Исследование специфики конвергенции ценностей на примере отечественной культуры второй половины XIX – начале XX вв. предполагает обращение к трудам следующих авторов: Б. Н. Аверин⁹³, А. Бенуа⁹⁴, Н. А. Бердяев⁹⁵, В. Г. Есипов⁹⁶, В. Л. Захаров⁹⁷, Е. М. Кочеткова⁹⁸, Н. П. Крымова⁹⁹, А. Ф. Лосев¹⁰⁰, С. К. Маковский¹⁰¹, Н. А. Оцуп¹⁰², Д. С. Святополк-Мирский¹⁰³, А. Пойман¹⁰⁴ и других.

Эвристическое значение имеют также работы, позволившие выявить закономерности взаимодействия различных ценностных структур в условиях тех или иных культурных практик и творческих актов, а также раскрыть многообразие способов культурной рефлексии эпохи (М. М. Бахтин¹⁰⁵,

⁸²Брандес Г. Главные течения литературы девятнадцатого столетия. М. : Издание В. Неведомского, 1881. 408 с.

⁸³Брентано Ф. Избранные работы. М. : Дом интеллектуальной книги. 1996. 176 с

⁸⁴Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 1: Структуры повседневности: возможное и невозможное. М., 2006. Т. 1. 551 с.

⁸⁵Бурдьё П. Оппозиции современной социологии // Социологические исследования. 1996. № 5. С. 36-50.

⁸⁶Вельцель К. Рождение свободы. М. : ВЦИОМ, 2017. 403 с.

⁸⁷Дильтей В. Сущность философии. М. : Intrada, 2001. 159 с.

⁸⁸Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. М. : Канон, 1996. 430 с.

⁸⁹Зиммель Г. Избранное. Проблемы социологии. М. ; СПб. : Университетская книга, 2015. 416 с.

⁹⁰Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. Избранные труды. М. : Весь мир 2000. 704 с.

⁹¹Тэн И. А. Философия искусства. М. : Искусство, 1996. 350 с.

⁹²Фрейд З. Собрание сочинений. СПб. : Восточно-Европейский ин-т психоанализа, 2011. Т. 2: Автопортрет. 2011. 251 с.

⁹³Аверин Б. Н. Поборник свободы и права (Б. Н. Чичерин и социал.-филос. мысль России второй половины XIX в.). Изд-во ТГУ, 2003. 168 с.

⁹⁴Бенуа А. Литературные памятники. Мои воспоминания : в 5 книгах. Т. 2. М. : Наука, 1980. 743 с.

⁹⁵Бердяев Н. А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX в. и начала XX в. Судьба России. М. : Сварог и К, 1997. 540 с.

⁹⁶Есипов В. Г. Раскольничьи дела XVIII столетия : в 2 т. СПб. : Тип. товарищества «Общественная польза». 1861-1863.

⁹⁷Захаров В. Л. Культура и власть: записки министра культуры СССР. М. : Художественная литература, 2014. 382 с.

⁹⁸Кочеткова Е. М. Изучение композиции как отдельного предмета на уроках изобразительного искусства // Современные проблемы высшего образования. М., 2021. 672 с.

⁹⁹Н. П. Крымов – художник и педагог. Статьи, воспоминания. М. : Изобразительное искусство, 1989. 224 с.

¹⁰⁰Лосев А. Ф. «Я сослан в XX век...»; под ред. А. А. Тахо-Годи. М. : Время, 2002.

¹⁰¹Маковский С. К. На Парнасе Серебряного века. М. : XXI в. ; Согласие, 2000. 557 с.

¹⁰²Оцуп Н. А. Литературные очерки. Париж : Б. и., 1961. 264 с.

¹⁰³Святополк-Мирский Д. С. История русской литературы с древнейших времен по 1925 год. Новосибирск : Изд-во «Свиный и сыновья», 2005. 964 с.

¹⁰⁴Пойман А. История русского символизма. М. : Республика, 1998. 413 с.

¹⁰⁵Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. М. : Художественная литература, 1972. 470 с.

А. Белый¹⁰⁶, В.А. Блюмкин¹⁰⁷, В.Д. Днепров¹⁰⁸, М.А. Лифшиц¹⁰⁹, К.В. Мочульский¹¹⁰, В.Я. Мукаржовский¹¹¹, Ф. Ницше¹¹², М.А. Волошин¹¹³, В.В. Кандинский¹¹⁴, Ю.Н. Тынянов¹¹⁵, Г.В. Флоровский¹¹⁶ и другие).

Анализ различных направлений исследований позволил приблизиться к построению концепции конвергенции культурных ценностей на культурфилософском уровне, раскрывающем глубинные ценностные основания и смыслы человеческого бытия. Однако ключевые аспекты построения такой концепции нуждаются в более предметном обобщении научного дискурса и выделении в нем основополагающих принципов, позволяющих дать оценку эвристической значимости авторской концептуализации.

Объект исследования: отечественная культура второй половины XIX – начала XX вв. как ценностно-смысловая система.

Предмет исследования: концепция конвергенции ценностей отечественной культуры второй половины XIX – начала XX вв.

Цель диссертационного исследования: разработать концепцию конвергенции ценностей отечественной культуры второй половины XIX – начала XX вв.

Основные задачи исследования:

1. Оценить основные исследовательские возможности концептуализации конвергенции ценностей культуры конкретного исторического периода с точки зрения переосмысления вариативности и

¹⁰⁶Белый А. Стихотворения. Берлин ; Петербург ; М. : Изд-во З. И. Гржебина 1923. 506 с.

¹⁰⁷Блюмкин В. А. Этика и жизнь. М. : Политиздат, 1987. 109 с.

¹⁰⁸Днепров В. Д. С единой точки зрения : литературно-эстетические очерки. Л. : Советский писатель. Ленингр. отд-ние, 1989. 376 с

¹⁰⁹Лифшиц М. А. Проблема Достоевского. М. : Академический Проект, 2013. 267 с.

¹¹⁰Мочульский К. В. А. Блок, А. Белый, В. Брюсов. М. : Республика, 1997. 478 с.

¹¹¹Мукаржовский В. Я. Исследования по эстетике и теории искусства. М. : Искусство, 1994. 605 с.

¹¹²Ницше Ф. Полное собрание сочинений : в 13 томах / Ин-т философии. М. : Культурная революция, 2005. Т. 1: Рождение трагедии. Из наследия. 2012. 416 с.

¹¹³Волошин М. А. Лики творчества. Л. : Наука : Ленинград. отд-ние, 1988. 848 с.

¹¹⁴Кандинский В. В. О духовном в искусстве. Международное литературное содружество. 1967. 159 с.

¹¹⁵Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. М. : Наука, 1977. 574 с.

¹¹⁶Флоровский Г. В. Пути русского богословия. Киев : Христиан.-благотвор. ассоц. «Путь к истине». 1991. 599 с.

сопряженности различных ценностных структур человеческого бытия.

2. Аргументировать выбор культурфилософского подхода как наиболее релевантного для обоснования концепции конвергенции ценностей отечественной культуры в конкретную эпоху ее развития.

3. Проанализировать основные направления концептуализации конвергенции ценностей отечественной культуры второй половины XIX – начала XX вв., базирующиеся на принципах «онтологизации» культуры.

4. Осуществить системный аксиологический анализ отечественной культуры рассматриваемого периода, результаты которого положены в основание построения соответствующей концепции конвергенции ценностей.

5. Определить эвристическую значимость применения основных положений концепции конвергенции ценностей на примере философско-культурологического подхода П. Флоренского.

6. Дать характеристику «художественного поля» как результата конвергенции ценностей отечественной культуры второй половины XIX – начала XX вв. в рамках соответствующей концепции.

Источниковая база исследования включает в себя: философские труды Н.А. Бердяева, С. Н. Булгакова; представителей славянофильства (К. С. Аксаков, И. В. Киреевский, А. С. Хомяков); представителей западничества (В.Г. Белинский, А. И. Герцен, Н. Г. Чернышевский); Вл. Соловьева, П.А. Флоренского, А. С. Ахиезера, Н. С. Розова, В.М. Межуева и других; художественные произведения: романы и повести Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, А.П. Чехова; произведения поэтов Серебряного века А. Ахматовой, А. Белого, А.А. Блока, В.Я. Брюсова, О. Мандельштама; работы писателей Г.И. Успенского, В.Г. Короленко; музыкальные произведения: оперы и симфонии П.И. Чайковского, М.П. Мусоргского, Н.А. Римского-Корсакова, А.Н. Скрябина, С.В. Рахманинова; произведения изобразительного искусства И.Е. Репина, В.И. Сурикова, В.М. Васнецова, И.И. Левитана, М.А. Врубеля, К.С. Петрова-Водкина, К.А. Сомова, З.Е. Серебряковой и других;

эстетические и критические работы В.Г. Белинского, В.М. Гаршина, М.С. Кагана, А.В. Луначарского, Д.С. Мережковского, Д.И. Писарева, В. В. Стасова, Л.Н. Столовича, Н.Г. Чернышевского; документальные материалы: эпистолярное наследие (письма, дневники) деятелей культуры; воспоминания и мемуары современников, позволяющие реконструировать атмосферу эпохи и восприятие художественных явлений; материалы периодической печати (журналы, газеты), отражающие общественные дискуссии о культуре и искусстве; иконографические материалы: произведения графики, скульптуры, созданные в период второй половины XIX – начала XX вв., фотографии и репродукции, позволяющие визуально представить культурный ландшафт эпохи.

Гипотеза исследования состоит в том, что построение концепции конвергенции ценностей отечественной культуры второй половины XIX – начала XX вв. позволяет предложить объяснительную теоретико-методологическую модель для анализа особенностей индивидуального и коллективного бытия носителей культуры в указанный период через призму философии, литературы, музыки, идеологии и других форм культуры и, таким образом, определить специфику консолидации ценностей в сформированном «художественном поле».

Теоретические основания исследования определяются целью и задачами работы и включают следующие направления научной рефлексии.

1. Осмысление культуры как ценностно-смысловой системы в аксиологическом ракурсе: О.Н. Астафьева¹¹⁷, Ф. Brentano¹¹⁸, Г. В. Ф. Гегель¹¹⁹, Г. Зиммель¹²⁰, Р. Инглхарт¹²¹, Э. Кассирер¹²², В.А. Котеля¹²³,

¹¹⁷Астафьева О. Н. Эвристические возможности синергетики в исследовании современных социокультурных процессов: автореф. дис. ... д-ра филос. наук: 24.00.01 / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. М., 2002. 49 с.

¹¹⁸Брентано Ф. Избранные работы. М.: Дом интеллектуальной книги, Русское феноменологическое общество, 1996. 176 с.

¹¹⁹Гегель Г. В. Ф. История философии. Сочинения. Т. 8: Философия истории. М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1935. 470 с.

¹²⁰Зиммель Г. Указ. соч.

¹²¹Инглхарт Р. Указ. соч.

¹²²Кассирер Э. Познание и действительность. Понятие о субстанции и понятие о функции. СПб.: Шиповник, 1912. 454 с.

¹²³Шевченко Н. И. Философия духовной культуры: русская традиция. Белгород: Изд-во БГТУ, 2009. 233 с.

Н. И. Лапин¹²⁴, К. Леви-Стросс¹²⁵, Н.В. Медведев¹²⁶, Р. Отто¹²⁷, Т. Парсонс¹²⁸, Е.Г. Риккерт¹²⁹, Т.А. Семилет¹³⁰, С.С. Хоружий¹³¹, Н.И. Шевченко¹³², К. Ясперс¹³³ и другие).

2. Идеи русских мыслителей второй половины XIX – начала XX вв. как основания концепции конвергенции ценностей: С. Булгакова (концепция «софиологии», учения о Софии как Премудрости Божией, как посреднице между Богом и творением); В. Вернадского (учение о ноосфере как сфере разума, формирующейся под влиянием человеческой деятельности и требующей интеграции научного знания для решения глобальных проблем); Л. Карсавина (философия всеединства, стремление к интеграции всех сфер человеческого бытия); Вл. Соловьева (концепция «всеединства» как стремление к синтезу науки, философии и религии); Н. Федорова (проект «общего дела» как попытка объединения науки, техники и религиозной веры для достижения бессмертия и воскрешения предков); П. Флоренского (стремление к синтезу научного и религиозного знания, разработка «конкретной метафизики», основанной на изучении символов и конкретных явлений бытия).

3. Культурфилософский ракурс исследования культурной идентичности, самобытности культур (А.Я. Гуревич¹³⁴, Н.Я. Данилевский¹³⁵, О. Шпенглер¹³⁶ и другие).

4. Философско-культурологические исследования, затрагивающие осмысление развития культуры в период второй половины

¹²⁴Лапин Н. И. Общая социология: учебное пособие для студентов вузов. М.: Высш. шк., 2009. 451 с.

¹²⁵Леви-Строс К. Указ. соч.

¹²⁶Медведев Н. В. Герменевтическое понимание историчности человека // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2018. С. 163-171.

¹²⁷Отто Р. Превратить предназначение в судьбу: новый диалог с собственной душой. СПб.: Весь, 2009. 247с.

¹²⁸О социальных системах / Талкотт Парсонс. М.: Акад. Проект, 2002. 830 с.

¹²⁹Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. СПб.: Образование, 1911. 196 с.

¹³⁰Семилет Т. А. Указ. соч.

¹³¹Хоружий С. С. Опыты из русской духовной традиции. М.: Парад, 2005. 445 с.

¹³²Шевченко Н. И. Вопросы теории и истории философии. Белгород: БелГТАСМ, 1997. 21 с.

¹³³Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Республика, 1994. 527 с.

¹³⁴Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. М.: Искусство, 1984. 349 с.

¹³⁵Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М.: Институт русской цивилизации, 2008. 816 с.

¹³⁶Шпенглер О. Указ. соч.

XIX – начала XX вв. (М. Вебер¹³⁷, Г. Зиммель¹³⁸, И.А. Ильин¹³⁹, Х. Ортега-и-Гассет¹⁴⁰, З. Фрейд¹⁴¹; современные авторы О.Н. Астафьева¹⁴², В.М. Межуев¹⁴³, В.С. Степин¹⁴⁴ и другие).

Методологические основания и методы исследования.

В качестве ключевого методологического основания диссертации выступает культурфилософский подход. Он позволяет осмыслить культуру не просто как совокупность элементов, но как сложноорганизованную, динамичную и саморазвивающуюся ценностно-смысловую систему. Именно в такой оптике концепция конвергенции ценностей культуры приобретает свою исследовательскую значимость.

Дополняет культурфилософский подход системный подход, в рамках которого систематизации подвергаются ценности конкретной культуры, рассматриваемой как самодостаточный феномен, имеющий свою уникальную ценностно-нормативную организацию.

Использование герменевтического подхода открывает возможности для широкой интерпретации ценностей культуры, различных аспектов их сопряженности с многогранными смыслами бытия. Данный подход позволяет раскрывать знаково-символическое содержание различных ценностных структур, подлежащих анализу в рамках предлагаемой концепции конвергенции ценностей культуры.

Применение аксиологического подхода позволяет осмыслить сложную систему доминирующих ценностей, норм, универсалий и значений. Данный подход направлен на изучение иерархии ценностей и их функциональной роли в процессах формирования идентичности, социальной регуляции и

¹³⁷Вебер М. Работы М. Вебера по социологии, религии и культуре М.: ИНИОН, 1991. 301 с.

¹³⁸Зиммель Г. Указ. соч.

¹³⁹Ильин И. А. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 1. М.: Русская книга, 1996. 400 с.

¹⁴⁰Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. Избранные труды. М.: Весь мир, 2000. 704 с.

¹⁴¹Фрейд З. Собрание сочинений. СПб.: Восточно-Европейский ин-т психоанализа. 2011. 251 с.

¹⁴²Астафьева О. Н. Эвристические возможности синергетики в исследовании современных социокультурных процессов. М., 2002. 49 с.

¹⁴³Межуев В. М. Идея культуры. Очерки по философии культуры. М.: Прогресс, 2006. 408 с.

¹⁴⁴Степин В. С. Философия науки. Общие проблемы: учебник для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук. М.: Гардарики, 2006. 384 с.

культурной интеграции, а также на анализ представлений об этических, эстетических, гносеологических и прагматических ценностях.

Применение конвергентного подхода в настоящем диссертационном исследовании позволяет рассматривать культуру как динамичное пространство, где интегрируются различные ценностные системы, что дает возможность выявить механизмы их взаимодействия и взаимопроникновения, а также определить факторы, способствующие или, напротив, препятствующие их соотношению.

Решение конкретных задач исследования предполагает соответствующий выбор методов исследования. В их числе как общенаучные методы (анализ, синтез, сравнение, обобщение, типология и др.), так и специальные методы: культурно-исторический метод, решающий задачу выявления специфики культуры в исторической перспективе, метод историко-генетического анализа, позволяющий обозначить ключевые этапы в формировании системы ценностей и их развитии, а также метод семиотического структурирования, направленный на выявление «художественного поля» культуры.

Научная новизна диссертационной работы проявляется в следующих ключевых результатах исследования:

1. Представлены теоретико-методологические аргументы для разработки авторской концепции конвергенции ценностей культуры.

2. Обоснован выбор культурфилософского подхода как наиболее адекватного для построения концепции конвергенции ценностей, что позволило выявить и систематизировать ключевые исследовательские принципы, обеспечивающие целостный анализ ценностно-смысловой системы отечественной культуры второй половины XIX – начала XX вв.

3. Разработана авторская концепция конвергенции ценностей, обосновывающая достижения отечественной культуры второй половины XIX – начала XX вв. не только социокультурным «разломом» и переходом к индустриализму и модернизму, но и сближением ценностных структур,

отражающих ключевые для носителей культуры идеи, взгляды, философские искания, творческие акты и т.д.

4. Осуществлён системный аксиологический анализ отечественной культуры второй половины XIX – начала XX вв., в ходе которого выявлены и проанализированы доминирующие ценности, оценка состояния которых в рамках предлагаемой концепции конвергенции позволяет утверждать формирование такого ценностно-смыслового комплекса как «художественное поле» культуры.

5. Раскрыты особенности концепции конвергенции ценностей культуры на примере обобщения философско-культурологических идей П. Флоренского.

6. Определены факторы разворачивания «художественного поля» в пространстве отечественной культуры второй половины XIX – начала XX вв.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Основополагающими аргументами для создания концепции конвергенции ценностей культуры являются необходимость осмысления «объединяющего фактора» для достаточно разрозненных, неупорядоченных и нередко противоречивых по отношению друг к другу ценностных структур человеческого бытия; оценка значимости обобщения процессов социокультурной динамики, оказывающих влияние на формирование «художественного поля» (термин П. Бурдьё); а также поиск нового ракурса в переосмыслении культурного наследия конкретного исторического периода в аспекте, например, сближения различных видов искусств, интеграции культурных норм и т. д. Кроме того, аргументом в пользу концептуализации конвергенции ценностей культуры может служить необходимость пересмотра сложившихся в теории и истории культуры подходов идентификации и культурфилософской рефлексии «слома» ценностей, кризисности развития культуры, революционно-идеологической детерминации социокультурных процессов, относительности преемственности ценностных структур от эпохи «золотого века» культуры с его установками на реализм и акцентуацию

природного начала в бытии к Серебряному веку русской культуры с выраженными ориентациями на модернизм, символизацию реальности и т.д.

2. Применение культурфилософского подхода в построении концепции конвергенции культурных ценностей позволяет усилить теоретико-методологические позиции «онтологизации» культуры при анализе обозначенной в диссертации исследовательской проблемы. При этом под «онтологизацией» культуры понимается процесс и результат переосмысления в рамках соответствующего исследовательского поля теории и истории культуры ключевых для развития культуры ценностных структур бытия, в том числе тех, которые подвержены конвергенции.

3. В основании авторской концепции конвергенции ценностей отечественной культуры второй половины XIX – начала XX вв. лежит ряд исследовательских принципов, являющихся необходимым условием для переосмысления культурного наследия с точки зрения «онтологизации» культуры: историко-генетический поиск сопряженности ценностных структур бытия от второй половины XIX к началу XX вв.; интерпретация традиционных идей (например, житетворчества, всеединства и других) с целью выявления смысловых «опор» для конвергенции ценностей культуры; интериоризационный анализ, направленный на обобщение социокультурного опыта носителей культуры, проявляющегося в их активной культуротворческой и научной деятельности, соотносимой с поиском новых возможностей для переосмысления традиционных ценностей и выявления инновационных ценностных структур в рассматриваемый период.

4. Значимым результатом системного аксиологического анализа отечественной культуры второй половины XIX – начала XX вв., осуществленного в рамках предложенной концепции конвергенции ценностей, стало выявление такого ценностно-смыслового комплекса как «художественное поле» культуры. При этом под «художественным полем» в контексте диссертации понимается состояние культуры, возникшее как «ответ» на сочетание ценностей и норм культуры (таких, например, как

соборность, всеединство, любовь к ближнему и др.), отраженное в различных культурных практиках, творческой деятельности представителей отечественной культуры и искусства, способствующее укреплению культурной идентичности и обеспечению духовной безопасности носителей культуры.

5. Эвристическая значимость концепции конвергенции ценностей отечественной культуры второй половины XIX – начала XX вв. определяется возможностью использования ее основных положений для философской рефлексии идей и подходов разных мыслителей, соотносимых с поиском оснований сочетания различных ценностей. В частности, в философско-культурологическом подходе П. Флоренского обнаруживаются идеи диалога между искусством, религией и наукой, с одной стороны, преломляющиеся в определенном сочетании ценностных структур бытия, а с другой стороны, опирающиеся на сочетание традиционных для культуры ценностей.

6. Основными факторами развертывания «художественного поля» отечественной культуры второй половины XIX – начала XX вв. являются: преломление социального и экзистенциального опыта поколений носителей культуры в соответствующих ценностных структурах бытия; закрепление в пространстве культуры консолидирующих идей, основанных на традиционных ценностях и нормах и т.д.

Теоретическая значимость диссертационного исследования определяется тем, что оно вносит вклад в теоретико-методологическое исследование конвергенции ценностей культуры, предлагая новый взгляд на динамику культурного взаимодействия в условиях глобализации и межкультурной коммуникации. Результаты исследования углубляют понимание механизмов, факторов и последствий конвергенции ценностей, способствуют выработке самостоятельного целостного исследовательского направления по изучению ценностных структур человеческого бытия в их взаимосвязи. Работа способствует развитию направления культурфилософской рефлексии при изучении ценностно-смысловых систем

человеческого бытия. Исследование предоставляет новые возможности для интерпретации феномена отечественной культуры второй половины XIX – начала XX вв. через призму ее «художественного поля».

Практическая значимость исследования определяется возможностями использования полученных результатов при совершенствовании культурной политики, направленной на сохранение и трансляцию традиционных ценностей, обеспечение консолидации носителей культуры, объединение общества вокруг национальной идеи. Понимание механизма конвергенции позволяет создавать более эффективные стратегии сохранения культурной идентичности. Исследование способствует развитию диалога культур, предоставляя научную базу для понимания общих ценностей и точек соприкосновения между различными культурами, что поможет укреплению межкультурного взаимопонимания и снижению межэтнической напряженности. Результаты исследования могут быть использованы для разработки практических рекомендаций для музеев, библиотек, театров и других культурных институций, направленных на сохранение и популяризацию культурного наследия.

Соответствие паспорту научной специальности 5.10.1:
п. 9. Историческая преемственность в сохранении и трансляции культурных ценностей и смыслов. Традиции и инновации в истории культуры;
п. 11. Архитектоника культуры. Многоуровневое строение культуры и культурно-исторического процесса; п. 25. Искусство как феномен культуры;
п. 32. Культура и общество. Социокультурная динамика.

Степень достоверности и апробации результатов. Достоверность результатов обеспечивается ориентацией на теоретико-методологические положения, разработанные авторитетными мыслителями и учеными в области философии, теории и истории культуры, а также на известные работы критиков их идей и взглядов. Также достоверность подтверждается наличием широкой источниковой базы исследования и опорой на соответствующие методы исследования.

Апробация результатов обеспечивалась посредством публикаций по теме диссертации и выступлениями с докладами и сообщениями на международных, всероссийских и региональных научных мероприятиях. Всего было опубликовано 8 работ, а основные идеи диссертации раскрыты на следующих мероприятиях: III Международная научно-практическая конференция «Антропология: человек в природе и обществе» (Кемерово, Институт развития образования Кузбасса, 27–28 ноября 2025 г.); II Международная научная конференция «Диалог культур как основа развития международного сотрудничества» (г. Химки, Московский государственный институт культуры, 23 апреля 2025 г.); XLVIII Международная научно-практическая конференция «Актуальные вопросы современной науки и образования» (г. Пенза, МЦНС «Наука и Просвещение», 2025 г.); XIII Международная научно-практическая конференция «Социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве» (г. Барнаул, Алтайский государственный университет, 10–11 июня 2025 г.); II Международная научно-практическая конференция «Антропология: человек в природе и обществе» (Кемерово, Институт развития образования Кузбасса, 28–29 ноября 2024 г.); I Международная научно-практическая конференция «Антропология: человек в природе и обществе» (Кемерово, Институт развития образования Кузбасса, 30 ноября – 1 декабря 2023 г.).

Структура диссертации отражает логику исследования и состоит из введения, двух глав и шести параграфов, заключения и библиографического списка, который включает 280 источников, общий объем диссертации 176 страниц.

Глава 1. Теоретико-методологические основания построения концепции конвергенции ценностей культуры

1.1. Основные направления концептуализации конвергенции ценностей культуры

Современная эпоха глобальных вызовов и трансформаций характеризуется пересмотром траектории социального развития, что, в свою очередь, актуализирует необходимость переосмысления системы ценностей, определяющих поведение и выбор человека. Возникающие острые социальные проблемы требуют научного осмысления, поскольку задача науки заключается в целостном охвате реальности, выявлении скрытых рисков и угроз, разрушении стереотипов и предвосхищении будущих изменений. Именно научная сфера располагает когнитивными и методологическими инструментами, позволяющими не только анализировать проблемы современного общества, но и конструировать будущее, а также всесторонне изучать прошлое, открывая новые смысловые горизонты.

Во второй половине XX в. завершился период доминирования «неклассического мышления», которое в начале столетия пришло на смену трехвековому «классическому» подходу. В результате в истории человеческого познания – будь то естественные или гуманитарные науки, искусство или философия, обобщающая все эти направления, – зародилась новая гносеологическая модель. Эта модель стремится объединить в себе лучшие черты как классической, так и неклассической методологий. Как утверждают Е. Князева и С. Курдюмов, «синергетический стиль мышления» является характерной чертой постнеклассической науки, представляя собой своего рода синтез сильных сторон детерминистического и вероятностного взглядов на мир^{145, 146}. Развивает эту мысль в своей работе «Философская

¹⁴⁵Князева Е. Н. Конструирование будущего // Экономические стратегии. 2010. № 4. С. 2-11.

¹⁴⁶Курдюмов С. П. Симфония горения // Мир человека: неопределенность как вызов / Ин-т философии РАН; М.: URSS, 2019. 520 с. (Синергетика: от прошлого к будущему; № 88).

теория ценностей» и М. С. Каган: мы имеем «отчетливое представление о новом типе системно интегративного мышления, который складывается сейчас во всех сферах духовной деятельности, преодолевая их былую разобщенность и самоизоляцию»¹⁴⁷.

Ряд исследователей, включая В. И. Аршинова¹⁴⁸, В. Г. Горохова¹⁴⁹, В.А. Лекторского¹⁵⁰, Д.А. Медведева¹⁵¹, Э. М. Мирского¹⁵², А. Е. Чучина-Русова¹⁵³, полагают, что современный этап развития характеризуется наступлением эпохи конвергентности, в которой будут сформированы принципиально новые механизмы синтеза, охватывающие производственную, социальную, культурную и экзистенциальную сферы. Эта точка зрения предполагает, что конвергенция выступает не просто как сближение или взаимодействие, но как процесс формирования качественно новых систем и структур на основе интеграции различных элементов. Конвергенция предлагает новое понимание реорганизации социума, что важно для оценки преобразующей силы культуры, выявления ее роли в формировании нового социального порядка и понимания механизмов, посредством которых культурные процессы влияют на развитие общества в условиях конвергенции.

Идея конвергенции, несмотря на неоднозначное восприятие, оказала существенное влияние на общественное сознание и научные дискуссии, заняв доминирующее положение в представлениях о векторах развития социума. Социолог Пьер Бурдьё подчеркивал важность «открытости» понятий в научном исследовании. Он утверждал, что понятия «могут и, в некоторой степени, должны оставаться открытыми», поскольку именно это свойство, по

¹⁴⁷Каган М. С. Философская теория ценностей. СПб.: Петрополис, 1997. 204 с.

¹⁴⁸Синергетическая парадигма. Синергетика инновационной сложности: М.: Прогресс-Традиция, с. 2011. 495 с.

¹⁴⁹Горохов В. Г. Основы философии техники и технических наук: учебник для студентов и аспирантов. М.: Гардарики, 2007. 335 с.

¹⁵⁰Лекторский В. А. Философия, познание, культура / Ин-т философии РАН. М.: Канон, 2012. 383с.

¹⁵¹Медведев Д. А. Новые технологии и продолжение эволюции человека? // Философские науки. 2008. № 1. С. 97-117.

¹⁵²Мирский Э. М. Междисциплинарные исследования и дисциплинарная организация науки. М.: Наука, 1980. 30 с.

¹⁵³Чучин-Русов А. Е. Культурно-исторический процесс: форма и содержание // Вопросы философии. 1996. № 4. С. 3-14.

его мнению, «придает им характер, заставляющий думать, и, следовательно, способность производить научный результат»¹⁵⁴.

Эта идея созвучна с оценкой австрийского философа Людвиг Витгенштейна, который называл такую открытость «эвристической добродетелью»¹⁵⁵, что указывает на важность всестороннего осмысления конвергенции как сложного и многоаспектного культурного феномена, пронизывающего различные сферы человеческой деятельности.

Термин «конвергенция» берет свое начало от латинского слова *convergo*, означающего «приближаюсь», «схожусь», и обладает множеством значений и аспектов. Дефиниция «конвергенция» широко используется в различных научных областях, таких как математика, экология, биология, лингвистика и других.

Явление конвергенции, наблюдаемое в различных областях знания, представляет собой процесс формирования сходных характеристик у изначально дивергентных систем под воздействием общих факторов селекции или взаимодействия. К примеру, в экономической теории конвергенция отражает процесс сближения экономических систем различных стран по ряду показателей. В эволюционной биологии конвергенция представлена в развитии аналогичных морфологических и функциональных признаков у филогенетически отдаленных таксонов, обусловленных адаптацией к сходным экологическим нишам. А в лингвистике конвергенция характеризует сближение структурных элементов или даже целых языковых систем, возникающих в результате длительного языкового контакта.

Концепция конвергенции в научных исследованиях часто рассматривается в диалектической взаимосвязи с феноменом дивергенции. Дивергенция предполагает процесс бифуркации сложных систем. Термин «дивергенция» был введен в математический дискурс в 1878 году У. Клиффордом¹⁵⁶, одним из основоположников векторного анализа, в то время как концептуализация

¹⁵⁴Бурдые П. Оппозиции современной социологии // Социологические исследования, 1996. № 5. С. 36-50.

¹⁵⁵Витгенштейн Л. И. Философские исследования. М.: АСТ, 2018. 347 с.

¹⁵⁶Клиффорд У. О природе вещей в самих себе. URL: <https://www.academia.edu/1286891375>.

величины, комплементарной дивергенции, а именно конвергенции, приписывается Дж. Максвеллу¹⁵⁷, внесшему значительный вклад в развитие теории электромагнетизма. Таким образом, два ключевых понятия, описывающих противоположные тенденции в развитии систем, были введены в науку представителями фундаментальных естественных наук.

Использование понятий дивергенции и конвергенции в разных науках говорит о том, что речь идет об общих принципах работы сложных систем. Рассматривая мир как единое целое, можно наблюдать, что процессы сближения и расхождения происходят повсюду. Это помогает находить общие законы, управляющие развитием любых систем, от языка и общества до живых организмов, так как они описывают общие принципы работы сложных систем, проявляющиеся на всех уровнях, включая культурные структуры.

Дивергентные и конвергентные тенденции играют важную роль и в философском осмыслении мира. Они присутствовали в научном дискурсе задолго до рождения самих понятий. Противоположность явлений дивергенции и конвергенции составляет ядро понимания механизмов формирования и трансформации всех типов систем, раскрывая присущую им внутреннюю двойственность. Данные процессы проявляются в любом иерархическом уровне систем, начиная от природных объектов и заканчивая сложнейшими культурными структурами общества. Они представляют собой две взаимодополняющие стороны единого процесса, характеризующегося постоянным переходом от дифференциации элементов к их интеграции и обратно. Этот принцип был впервые выражен древнегреческим мыслителем Гераклитом Эфесским, утверждавшим, что мир развивается путем постоянного взаимоперехода противоположностей: «Мир рождается через разделение и воссоединение»¹⁵⁸. Именно эта концепция стала основой гераклитовского учения о развитии и изменении, подчеркивающего

¹⁵⁷Цит. по: Постников А. П. О природе электромагнетизма. Опыт общедоступ. излож. теории Максвелла и его последователей. М.: Тип. Г. Лиснера и А. Гешеля, преемн. Э. Лиснера и Ю. Романа, 1900. 64 с.

¹⁵⁸Гераклит Эфесский. Все наследие на языках оригинала и в русском переводе / М. : Ad Marginem, 2012. 346 с.

глубинную взаимосвязанность процессов распада и синтеза в природе вещей¹⁵⁹.

Генезис идей о динамическом единстве полярных сил восходит к натурфилософии Гераклита Эфесского. В его трактовке бытие предстает не статичным состоянием, а непрерывным процессом сопряжения противоположностей. Принцип энантиодропии (взаимоперехода полярностей) и тезис о том, что «война есть отец всего», закладывают онтологический фундамент для понимания диалектики развития. Знаменитые формулы о всеобщей текучести сущего (*panta rhei*) позволяют рассматривать античное мировоззрение как первичный этап концептуализации процессов дифференциации и интеграции, которые в современном гуманитарном знании определяются через категории дивергенции и конвергенции

Данные интенции сформировали методологическую базу для трансформации представлений об исторической динамике, что в XVIII–XIX веках ознаменовало переход от классической рациональности к диалектическим моделям познания. В контексте формирования интеллектуального ландшафта эпохи Просвещения и романтизма особое значение приобретает трансцендентальная философия Иммануила Канта, заложившая гносеологические и этические основания для рефлексии над процессами ценностной интеграции.

В «Критике способности суждения» Кант обосновывает статус эстетического суждения как субъективно-всеобщего. Несмотря на отсутствие объективного понятийного критерия прекрасного, претензия субъекта на «общее чувство» (*sensus communis*) постулирует возможность межкультурной коммуникации на почве эстетического опыта. Подобная универсальность вкуса, не опирающаяся на логическое доказательство, выступает прообразом художественной конвергенции, где эстетическая ценность становится связующим звеном для различных культурных субъектов¹⁶⁰.

¹⁵⁹Гераклит Эфесский. Указ. соч.

¹⁶⁰ Кант И. Собрание сочинений: в 6 т. Т.4. М. : Мысль, 1965. 491с.

Параллельно с этим, в практической философии Канта категория категорического императива задает формальные условия этической конвергенции. Требование действовать согласно максиме, претендующей на статус всеобщего закона, переводит моральный выбор из плоскости партикулярных интересов в сферу универсальной значимости. Хотя кантовский этический проект центрирован на автономном разуме, его интенция к универсализации моральных норм создает необходимый прецедент для сближения аксиологических систем. Таким образом, через признание внеопытных, априорных структур человеческого духа, Кант намечает контуры ценностного консенсуса, который в дальнейшем станет фундаментом для концептуализации социокультурного диалога и интеграции.

Методологическим фундаментом для осмысления механизмов ценностной конвергенции выступает гегелевская диалектика, рассматривающая развитие как процесс преодоления внутренних противоречий. Ключевым для данного исследования является понятие «снятия» (*Aufhebung*), в котором момент отрицания партикулярных культурных форм сочетается с сохранением их жизнеспособного содержания в рамках нового, более сложного единства. В этом видении взаимодействие различных аксиологических систем предстает не как механический конфликт, а как диалектический процесс, ведущий к формированию интегративных (конвергентных) структур, где частные культурные смыслы обретают статус конкретной всеобщности.

Историософская концепция Гегеля, центрированная на телеологическом движении Мирового духа (*Weltgeist*), позволяет интерпретировать мировую историю как последовательное раскрытие рациональности и свободы. В контексте культурологического анализа это означает, что каждый «народный дух» (*Volksgeist*) при всей своей уникальности является необходимым этапом в становлении универсальной культуры. Процесс самопознания Духа реализуется через взаимодействие и взаимопроникновение национальных традиций, что в конечном итоге инициирует движение к аксиологическому

консенсусу. Таким образом, гегелевская философия объективного и абсолютного духа предвосхищает современные модели конвергенции, трактуя культурную динамику как синтез многообразия, направленный на достижение высшей целостности и универсализации гуманистических оснований бытия¹⁶¹.

Особое место в генезисе идей ценностной конвергенции занимает натурфилософская и эстетическая концепция Ф.В.Й. Шеллинга. В отличие от жесткого панлогизма Гегеля, шеллингианский подход смещает акцент с рациональных структур на иррационально-интуитивное постижение бытия, где искусство выступает высшим «органом философии». Согласно Шеллингу, именно в художественном творчестве достигается точка «безразличия» (индифференции) между субъективным и объективным, сознательным и бессознательным. В контексте современной культурологической рефлексии это позволяет трактовать искусство как универсальное пространство аксиологического синтеза: манифестируя абсолютные истины в чувственных образах, художественное поле становится медиатором между локальными культурами, обеспечивая их содержательное сближение на дорациональном уровне.

Существенный потенциал для осмысления духовной конвергенции заложен в шеллингианской интерпретации мифологии. Рассматривая мифологический процесс как объективную стадию саморазвития духа, мыслитель постулирует внутреннее родство символических форм различных народов. Мифология здесь выступает не набором случайных сюжетов, а выражением фундаментальных онтологических констант человеческого бытия. Данный тезис позволяет обосновать существование единого «пра-аксиологического» фундамента, на котором базируется многообразие культурных традиций.

В поздний период, обращаясь к «философии откровения», Шеллинг предпринимает попытку историко-философской реконструкции религиозного

¹⁶¹Гегель Г. В. Ф. Сочинения. Т. 8: Философия истории / пер. А. М. Водена ; Коммунист. акад. при ЦИК СССР, Ин-т философии. М. : Государственное социально-экономическое издательство, 1935. 470 с.

сознания. Его стремление выявить инвариантное ядро в различных теологических системах свидетельствует о поиске универсального духовного горизонта. Признавая уникальность каждой религиозной традиции, Шеллинг в то же время рассматривает их как этапы единого пути к постижению абсолютной истины. Таким образом, его философия подготавливает теоретическую почву для понимания конвергенции не как унификации, а как органического сопряжения духовного опыта человечества, стремящегося к обретению утраченной целостности¹⁶².

Девятнадцатый век продолжил развитие идеи синтеза культуры, науки и искусства. Нельзя не упомянуть концепцию тотального произведения искусства (*Gesamtkunstwerk*) Рихарда Вагнера, которая предполагает синтез всех видов искусств (музыки, драмы, поэзии, живописи, сценического оформления), способный не просто выразить глубокие философские, духовные идеи, но и выступить субъектом преобразования общества¹⁶³.

Символизм как литературное и художественное направление конца XIX в. предвосхищает некоторые аспекты современной концепции конвергенции, особенно в сфере интеграции различных видов искусства и поиска универсального языка для выражения сложных идей. Символисты искали универсальные символы, аллегории и метафоры, способные выразить глубокие духовные истины, общие для разных культур и времен.

Их стремление к созданию универсального языка, понятного каждому, перекликается с современной идеей конвергенции как средством преодоления культурных и языковых барьеров. Символы, используемые в искусстве, выступают в роли «интерфейса», объединяющего различные уровни понимания и восприятия. Обращение символистов к мифологии, религии и эзотерике свидетельствует об их стремлении к интеграции различных систем знаний и верований. Они искали общие корни в разных культурах, чтобы

¹⁶²Шеллинг Ф. В. Философия мифологии: в 2 т. Т. 1: Введение в философию мифологии. СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2013. 479 с.

¹⁶³Цит. по: Баунов С. А. Р. Вагнер: Рихард Вагнер Его жизнь: Биограф. очерк С. А. Баунова. С портр. Р. Вагнера, грав. в Лейпциге Геданом. СПб. : тип. газ. «Новости», 1891. 95 с.

создать целостную картину мира. Это соответствует современной тенденции к междисциплинарным исследованиям и интеграции различных областей знания для решения сложных проблем.

Анализ универсальных механизмов формирования культуры и их взаимосвязи с символическим восприятием действительности представлен в исследованиях Сюзанны Лангер. Ее знаменитое произведение «Философия в новом ключе: исследование символики разума, ритуала и искусства»¹⁶⁴ подчёркивает мысль о том, что способность к символизации выступает основополагающей чертой человеческого сознания, выделяя его среди остальных живых существ. Согласно Лангер, человек – это *homo symbolicus*, субъект, создающий и воспринимающий мир посредством символов. Язык, мифология, искусство и ритуалы выступают основными формами, придающими миру значение и структуру, способствуя формированию мировоззрения и системы ценностей.

Символизация становится важнейшим инструментом познания и трансформации окружающей среды, обеспечивая не только отражение, но и глубокое понимание происходящего. Базовые эмоциональные реакции и желания приобретают культурные формы, превращаясь в этические нормы, эстетические представления и социальные структуры. Именно символическое выражение лежит в основе процессов интеграции разных культурных традиций и взаимопроникновения различных ценностей. Концепция Лангер демонстрирует, что конвергенция и взаимодействие множества ценностных ориентиров возможны благодаря общим символическим структурам, позволяющим различным культурам взаимодействовать и обогащать друг друга. Таким образом, осознавая ценности как продукт символического творчества, мы можем говорить о динамичности, адаптивности и открытости человеческих культур, способствующих диалогу и взаимопониманию народов. Принцип символизации реальности, при этом, является не просто

¹⁶⁴ Лангер С. Философия в новом ключе: Исследование символики разума, ритуала и искусства. М.: Республика, 2000.

одним из способов отражения мира, а глубинным механизмом его осмысления и преобразования.

Особый интерес для осмысления механизмов ценностной интеграции представляет эстетическая концепция Фридриха Ницше¹⁶⁵, развернутая в его ранней работе «Рождение трагедии из духа музыки». Предложенная им дихотомия аполлонического и дионисийского начал выступает не просто как классификация художественных стилей, но как фундаментальная модель взаимодействия антагонистичных векторов культуры. В этой системе аполлоническое начало (индивидуация, мера, пластическая ясность) и дионисийское (витальный порыв, экстатическое растворение границ, изначальное единство) рассматриваются как взаимонеобходимые силы, чье продуктивное напряжение конституирует подлинное бытие культуры.

В контексте исследования процессов конвергенции ницшеанский синтез этих начал в пространстве античной трагедии может быть интерпретирован как ранний прообраз динамической интеграции ценностей. Ницше постулирует, что жизнеспособность культуры обеспечивается не победой одного начала над другим, а их органическим сопряжением, где иррациональная глубина опыта обретает строгую эстетическую форму. Таким образом, ницшеанская модель предвосхищает современные представления о конвергенции как о сложном процессе, в котором происходит не нивелирование различий, а взаимообогащение разнонаправленных когнитивных и экзистенциальных установок — рационально-логических и эмоционально-интуитивных, — что в итоге приводит к возникновению новых, более емких культурных смыслов

Прямой аналогией конвергенции, где происходит слияние различных областей знаний и подходов (науки, технологии, этики и т. д.) для решения сложных проблем и достижения более глубокого понимания реальности, выступает теософия, религиозно-философское учение, стремящееся к синтезу

¹⁶⁵Ницше Ф. Полное собрание сочинений: в 13 т. / Ин-т философии. М. : Культурная Революция, 2005. Т. 1. Ч. 1: Рождение трагедии из духа музыки. Из наследия (сочинения 1869–1873 годов). 2012. 416 с.

разных религий и философских систем в поисках универсальной истины. Теософы верили в существование скрытых духовных законов, управляющих миром, и считали, что искусство может служить средством выражения этих законов. Ядро теософии заключается в стремлении объединить различные религиозные и философские традиции в поисках единой, универсальной истины. Теософия, по сути, является попыткой создать «метарелигию», интегрирующую лучшие элементы различных верований. Вера теософов в существование скрытых духовных законов, управляющих миром, предполагает, что есть единая система, связывающая все вещи во Вселенной. Это перекликается с современными научными стремлениями к созданию «теории всего», которая объединила бы все известные физические законы в одну общую структуру. Представление о том, что искусство может служить средством выражения этих духовных законов, подчеркивает роль творчества и интуиции в процессе познания, что соответствует современной тенденции к интеграции гуманитарных и технических дисциплин, где искусство рассматривается как важный инструмент для визуализации и коммуникации сложных научных идей.

Спустя десятилетия, идеи П.Т. де Шардена¹⁶⁶ и В.И. Вернадского¹⁶⁷ о ноосфере как сфере разума, управляющей Землей, приобретают особую актуальность в контексте современной концепции конвергенции, направленной на создание устойчивого и гармоничного будущего для человечества и планеты. В их представлении, эволюция движется к интеграции человечества и природы, к формированию качественно новой реальности, где разум играет определяющую роль. Эта интеграция, по сути, является ранней формой конвергенции, где знания, технологии и социальные структуры сливаются воедино для достижения общего блага и гармоничного развития. Размышления В. Вернадского о единстве геологических, химических и биологических процессов в биосфере, управляемых разумом,

¹⁶⁶Тейяр де Шарден П. Феномен человека; Божественная среда. М. : АСТ : Астрель, 2011. 446 с.

¹⁶⁷Вернадский В. И. Философские мысли натуралиста. М. : Наука, 1988. 520 с.

предвосхищают междисциплинарный подход, лежащий в основе NBIC-конвергенции¹⁶⁸. А видение Тейяра де Шардена о точке Омега, как о конечной цели эволюции, где происходит полное объединение сознаний, можно интерпретировать как предвидение технологической сингулярности, подразумевающей тесное переплетение человеческого и искусственного интеллекта. Таким образом, их работы задали философские и научные рамки для понимания конвергенции как процесса сближения и интеграции различных сфер знания и деятельности с целью создания устойчивого и гармоничного будущего.

Следует обратиться и к концепциям Карла Ясперса об «осевом времени» и «четвертом измерении», согласно которым в «осевое время» (примерно с 800 по 200 г. до н. э.) возникли новые способы мышления, религиозные и философские идеи. Ясперс считал, что эти идеи были попытками понять и выразить опыт встречи с некой высшей, трансцендентной реальностью. Современный человек, по мнению Ясперса, может вернуться к этим духовным истокам «осевого времени», чтобы найти ответы на жизненные вопросы и обрести смысл в мире, полном неопределенности и страданий¹⁶⁹. Таким образом, изучение «осевого времени» дает нам понимание того, как различные культуры и системы ценностей могут сближаться и находить общие ответы на фундаментальные вопросы человеческого существования, что и является сутью культурной и ценностной конвергенции.

В современном мире о конвергенции заговорили не просто как о технологическом тренде, а как о новой парадигме организации науки и общества. Этот ключевой момент в истории технологической конвергенции XXI в. был зафиксирован в знаменитом докладе Национального научного фонда США (NSF) 2002 года: «Converging Technologies for Improving Human

¹⁶⁸ Converging Technologies for Improving Human Performance: nanotechnology, biotechnology, information technology and cognitive science. Edited by Mihail C Roco and William Sims Bainbridge, National Science Foundation, Report, 2002, 24 Converging Technologies-Shaping the Future of European Societies by Alfred Nordmann, Report, 2004

¹⁶⁹ Ясперс К. Смысл и назначение истории. 2-е изд. М.: Республика, 1994. 527 с.

Performance: Nanotechnology, Biotechnology, Information Technology and Cognitive Science» (NBIC)¹⁷⁰.

Главными редакторами и идеологами этого доклада были Михаил С. Роко (*Mihail C. Roco*) и Уильям Симс Бейнбридж (*William Sims Bainbridge*)¹⁷¹. Их подход к «целостности мира и его законов» через процессы конвергенции был не просто академическим упражнением; это была декларация того, как наука должна быть организована в XXI в., чтобы достичь радикального улучшения человеческого существования.

Роко и Бейнбридж утверждали, что традиционное деление науки на отдельные дисциплины (физику, химию, биологию, психологию) устарело. Природа не делится на эти категории; она функционирует как единая система. Они показали, что законы, управляющие материей на наноуровне (Нано), напрямую влияют на жизнь (Био), обработку информации (Инфо) и мышление (Когно). Помимо организационных и стратегических задач, доклад NBIC несет в себе глубокий культурфилософский подтекст. Конвергенция, по мнению Роко и Бейнбриджа, является не просто инструментом улучшения, а онтологическим сдвигом в отношении человека к миру.

Обозначенный подход к NBIC-конвергенции представляет собой не просто академическое упражнение или прогноз развития технологий. Он несет в себе глубокий культурфилософский подтекст, являясь, по сути, декларацией того, каким образом наука должна быть организована и осмыслена в XXI веке. Эта концепция выходит за рамки технического синтеза; она постулирует появление новых форм бытия и познания, где границы между человеком, машиной, информацией и живой природой становятся проницаемыми, а культура выступает как сфера, где эти новые реальности обретают смысл и ценностную ориентацию. Таким образом, NBIC-конвергенция является не только техногенным феноменом, но и сигналом о фундаментальных сдвигах в

¹⁷⁰Converging Technologies for Improving Human Performance ... Там же.

¹⁷¹Roco M. C. & W. S. Bainbridge (eds.) Converging Technologies for Improving Human Performance. Arlington, ViA, 2002.

самосознании человечества, требующих осмысления в рамках целостной картины мира.

Методологическое развитие концепции конвергентности находит свое продолжение в работах Хельги Новотны¹⁷², где центральное место занимает категория «эмерджентного интерфейса». В данной трактовке интерфейс перестает рассматриваться как пассивное поле контакта и обретает статус активной среды, генерирующей системные эффекты, которые принципиально недирижабельны и не сводимы к свойствам отдельных взаимодействующих компонентов. Эмерджентность здесь выступает как проявление неаддитивности: на стыке различных систем спонтанно формируются качественно новые характеристики, детерминированные нелинейной динамикой их сопряжения.

Актуальные глобализационные вызовы и возрастающая многомерность социокультурных трансформаций диктуют необходимость поиска принципиально новых когнитивных стратегий и инструментов синтеза. Современная ситуация характеризуется беспрецедентной сложностью взаимодействий, требующей перехода от классических линейных моделей к холистическому видению культурных процессов. Тем не менее, на данный момент в гуманитарном знании наблюдается выраженный теоретико-методологический дефицит: отсутствуют комплексные исследования, которые могли бы послужить фундаментом для концептуализации и операционализации процессов конвергентности. Формирование такой базы необходимо не только для теоретического осмысления инновационной динамики культуры, но и для выработки релевантных механизмов регуляции этих процессов в условиях глобальной неопределенности

Анализируя современные тенденции в области отечественной философии, особенно в условиях междисциплинарных и трансдисциплинарных обсуждений, можно говорить о формировании понятия

¹⁷²Nowotny H. The Increase of Complexity and Its Reduction: Emergent Interfaces Between the Natural Science, Humanities and Social Sciences // Theory, Culture and Society. Vol. 22, No. 5. 2005. P. 15-31.

«конвергирующих технологий». Среди активно разрабатывающих тему конвергенции можно выделить таких исследователей, как И. Ю. Алексеева¹⁷³, О.Н. Астафьева¹⁷⁴, В.И. Аршинов¹⁷⁵, В.Г. Горохов¹⁷⁶, Д. И. Дубровский¹⁷⁷, И. В. Кондаков¹⁷⁸, Л.П. Киященко¹⁷⁹, В.А. Лекторский¹⁸⁰, Е. А. Попов¹⁸¹, Т.А. Семилет¹⁸², И. В. Фотиева¹⁸³.

Они рассматривают конвергентные технологии не только как технические инструменты, но и как особое отношение человека к миру, включающее деятельностные и рефлексивные компоненты, что позволяет учитывать социогуманитарную составляющую в процессе конвергенции.

В качестве основных выводов, сделанных по работам данных авторов, можно сформулировать следующие идеи. Во-первых, концептуализация конвергенции ценностей предстает в разрезе ключевого фактора эволюции научного знания, технологических инноваций и социальных институтов, демонстрируя особенности социокультурной динамики, обусловленные не только объективными обстоятельствами и социально-культурными характеристиками, но также активным целевым проектированием и созданием необходимых условий, иными словами, применением особых методов управления общественным развитием, воплощенных в новом типе культурной динамики. Концептуально осмысление конвергенции представляет собой многоуровневую гносеологическую структуру, построенную на целостном

¹⁷³Алексеева И. Ю. Что такое общество знаний? М. : Когито-Центр, 2009. 96 с.

¹⁷⁴Астафьева О. Н. Эвристические возможности синергетики в исследовании современных социокультурных процессов. М., 2002. 49 с.

¹⁷⁵Синергетическая парадигма. Синергетика инновационной сложности : к 70-летию В. И. Аршинова. М. : Прогресс-Традиция, сор. 2011. 495 с.

¹⁷⁶Горохов В. Г. Основы философии техники и технических наук : учебник для студентов и аспирантов. М. : Гардарики, 2007. 335 с.

¹⁷⁷Дубровский Д. И. Проблема идеального. Субъективная реальность. М : Канон+, 2002. 366 с .

¹⁷⁸Кондаков И. В. Введение в историю русской культуры : учеб. пособие для вузов. М. : Аспект-пресс, 1997. 686 с.

¹⁷⁹Человек как открытая целостность : монография. Новосибирск : Академиздат, 2022. 420 с.

¹⁸⁰Лекторский В. А. Философия, познание, культура. М. : Канон+, 2012. 383 с.

¹⁸¹Попов Е. А. Виталистские тенденции и стратегии в социодинамике русской культуры : монография. Барнаул : Изд-во Алтайского ун-та, 2006. 230 с.

¹⁸²Семилет Т. А. Культурвитализм – концепция жизненных сил культуры : монография. Барнаул : Изд-во Алтайского университета, 2004. 142 с.

¹⁸³Фотиева И. В. Онтологические основы морали: Комплексный подход в исследовании : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.05. М., 1999. 24 с.

подходе, подразумевающим признание взаимообусловленности и неразрывности всех составляющих социального организма.

Во-вторых, конвергенцию в рамках ее концептуализации необходимо рассматривать не как простое сближение или объединение, а как сложный процесс взаимопроникновения и интеграции различных аспектов реальности, требующий учета многообразия факторов и перспектив. Такой подход позволяет избежать упрощенного понимания конвергенции и раскрыть ее эвристический потенциал для анализа сложных социальных, культурных и технологических процессов.

В-третьих, среди существенных характеристик конвергенции с точки зрения ее концептуализации можно выделить:

- общенаучный характер (конвергенция как концепция применима для анализа различных систем и процессов, независимо от их конкретной природы, что позволяет рассматривать ее в качестве общенаучного методологического инструмента);

- диалектичность (конвергенция предполагает особый тип мышления, основанный на понимании того, что различные системы, несмотря на свои различия, со временем могут сближаться, демонстрируя единство противоположностей);

- социокультурную обусловленность (конвергенцию можно рассматривать не просто как случайное сближение разных вещей, а как явление, глубоко укорененное в культуре и обществе, которое уже имманентно заложено в тех или иных культурных явлениях).

Для точного осмысления феномена конвергенции ценностей и её надлежащего разграничения с такими концепциями, как синтез, интеграция и диффузия, необходимо чётко определить ключевые параметры. Принципиальное отличие конвергенции проявляется, прежде всего, в специфике её направления, характере итогового результата и, что особенно важно, в уровне и масштабе порождаемых изменений. Дальнейшее рассмотрение позволит более детально очертить эти различия.

Сравнительный анализ механизмов взаимодействия ценностей:

Тип	Направление	Уровень	Результат
Конвергенция ценностей	Это встречное движение и взаимопроникновение культуры в целом и внешних по отношению к ней (или другим её крупным подсистемам) метасфер бытия (философии, науки, религии, идеологии, политики)	Происходит на ценностно-смысловом уровне, создавая новое общее смысловое поле («художественное поле»), которое трансформирует и культуру, и другие участвующие сферы. Это генезис нового ценностного ландшафта на стыке дисциплин/сфер	Формирование новых, качественно иных ценностно-смысловых комплексов, которые ранее не существовали в изолированном виде и которые определяют новые формы культурного самовыражения
Синтез ценностей	Чаще описывает слияние или комбинацию отдельных ценностей или ценностных комплексов внутри одной или нескольких сфер культуры/бытия в нечто новое, более сложное и целостное	Может происходить на структурном (объединение элементов) и смысловом уровнях, но акцент – на создании нового целого из составных частей	Пример: синтез элементов народной и классической музыки в произведениях Н. А. Римского-Корсакова. Здесь происходит слияние музыкальных ценностей двух традиций в новую форму. Это не обязательно конвергенция всей культуры с философией, хотя и может быть её частью
Интеграция ценностей	Фокусируется на включении различных ценностей или их элементов в уже существующую или формирующуюся систему для обеспечения её функциональной связности и устойчивости	Акцент на функциональности, согласованности и упорядоченности ценностных элементов внутри системы	Интеграция западных политических идей (например, парламентаризма) в русскую идеологию, где происходит встраивание новых ценностей в существующую систему, с целью её функциональной адаптации
Диффузия ценностей	Описывает процесс распространения (передачи) ценностей, идей или практик из одной культурной среды в другую или между различными социальными группами без обязательной их	В большей степени описывает передачу, заимствование или адаптацию ценностей, их распространение, а не коренное изменение их природы или создание принципиально новых	Пример: распространение идей Ницше в русской интеллигенции. Это диффузия (распространение) философских идей, которая затем может способствовать

Тип	Направление	Уровень	Результат
	глубокой трансформации или создания качественно нового образования	смыслов. Может вызывать структурные изменения в принимающей системе, но сам процесс диффузии – это распространение	конвергенции, но сама по себе не является конвергенцией ценностей культуры в целом с философией как таковой

Представление четких критериев и аргументированное сопоставление с другими подходами, такими как синтез, интеграция, диффузия, позволяет убедиться в обоснованности и значимости использования метода конвергенции для исследования ценностей культуры.

Синтез, интеграция и диффузия преимущественно проявляются в структурных, или морфологических, изменениях самих ценностей. Это означает, что в рамках этих процессов мы наблюдаем следующее:

– в синтезе: создание нового целого из ценностных элементов, где исходные ценности могут быть модифицированы или объединены в новую структуру, но их сущностные категории остаются в пределах уже сформированных ценностных полей. Например, ценность «свободы» и ценность «равенства» могут быть синтезированы в ценность «социальной справедливости», изменяя морфологию понимания каждой из них;

– в интеграции: функциональное упорядочение ценностей внутри существующей системы, когда ценности перестраиваются или адаптируются для более эффективного функционирования, но фундаментальная рамка системы при этом не подвергается коренной перестройке. Изменения происходят внутри сложившейся структуры;

– в диффузии: распространение ценностей без принципиального изменения их внутренней структуры или системы, в которую они входят, лишь увеличивая их охват или адаптацию в новых контекстах.

Конвергенция ценностей, в отличие от вышеуказанных процессов, действует на качественно ином, более глубинном и системном уровне. Она не столько изменяет морфологию самих ценностей в их локальном или

внутрисистемном проявлении, сколько вызывает принципиальное ценностно-смысловое сближение культуры в целом с фундаментальными сферами индивидуального и коллективного бытия (философией, идеологией, мифологией, наукой, политикой).

Ключевое отличие конвергенции состоит в том, что она приводит к трансформации границ между этими фундаментальными сферами и, как следствие, к генезису совершенно нового, междисциплинарного ценностно-смыслового поля.

Таким образом, если синтез, интеграция и диффузия преимущественно оперируют внутри или между существующими ценностными структурами, модифицируя их форму, состав или распространение, то конвергенция порождает новую среду, новую логику и новые правила для ценностей. Она создает качественно новые пространства смыслов, где происходит не просто изменение или объединение существующих ценностей, а их глубинное переосмысление и переплетение на междисциплинарном уровне. В рамках данной концепции, конвергенция ценностей получает свое смысловое наполнение через понимание ее как процесса, тем самым иницируя генезис «художественного поля». Это дает основание научно обозначить формирование новой интерпретационной схемы. Конвергенция предстает не в виде эклектичного слияния, а как органический симбиоз смысловых векторов, что, в конечном счете, служит отправной точкой для теоретического переосмысления архитектоники отечественной культуры.

Итак, можно выделить следующие отличительные черты конвергенции в аспекте ее концептуализации:

- акцент на процессах сближения и интеграции, поскольку основной фокус направлен на выявление механизмов, посредством которых различные элементы культуры (идеи, ценности, практики, технологии) сближаются, взаимодействуют и интегрируются, приводя к возникновению новых форм и явлений;

– ориентация на синтез, так как конвергенция не просто объединяет различные элементы, а стремится к их синтезу, созданию нового, интегрированного целого, обладающего новыми качествами;

– внимание к динамике и трансформации, поскольку конвергенция рассматривает культуру как динамичную систему, постоянно находящуюся в процессе изменения и развития, и акцентирует внимание на процессах трансформации ценностей;

– методологическая гибкость, так как метод конвергенции не является жестко фиксированным, а допускает использование различных подходов в зависимости от конкретной исследовательской задачи.

Очевидно, что конвергенция, хотя и имеет точки соприкосновения с другими подходами, обладает своими специфическими чертами, которые делают её эффективным инструментом для исследования ценностей культуры в эпоху глобализации и технологических изменений. Она позволяет увидеть скрытые механизмы взаимодействия и взаимовлияния различных элементов культуры, выявить закономерности формирования новых ценностей и понять, каким образом культура адаптируется к новым условиям, формируя новые смыслы.

Это дает нам основания дать авторскую трактовку понятию «конвергенция ценностей»: конвергенция ценностей – это динамичный процесс, при котором различные, изначально обособленные или даже противоречивые ценностные системы (философия, идеология, мифология, наука, политика и другие), представленные в различных культурных объектах, постепенно сближаются, взаимодействуют и взаимно обогащаются. Это не просто «слияние» или «унификация» ценностей, а скорее диалектический процесс взаимопроникновения, трансформации и создания новых, ценностных образований.

Таким образом, можно утверждать, что конвергенция представляет собой объект для самостоятельного и перспективного концептуального подхода к исследованию ценностей культуры, позволяющий выявлять

сложные процессы взаимодействия, взаимовлияния и трансформации, происходящие в современном мире.

Концепция конвергенции, применяемая в исследовании ценностей культуры, представляет собой уникальный и перспективный инструмент, который, опираясь на достижения других подходов, тем не менее, обладает собственными, принципиально важными особенностями. Она не просто суммирует или комбинирует существующие методологии, а предлагает принципиально новый взгляд на динамику культуры, позволяющий увидеть скрытые связи и процессы, формирующие ценностный ландшафт.

Резюмируя вышеизложенное, можно сделать вывод о том, что представленные направления концептуализации позволяют утвердить авторскую концепцию конвергенции ценностей как приоритетную объяснительную модель. Она мыслится не просто как общий знаменатель или как «объединяющий фактор» для фрагментированных ценностных структур бытия, но и как методологический ключ к пониманию генезиса аксиосферы культуры. Данный вывод в полном объеме эксплицирует первое положение, выносимое на защиту.

1.2. Культурфилософские основания концепции конвергенции ценностей

Для эффективного исследования процесса конвергенции ценностей в отечественной культуре второй половины XIX – начала XX вв. необходимо применить комплексный методологический подход, учитывающий сложную историческую обстановку, уникальные черты культуры и разнообразие ценностных ориентиров той эпохи. Требуется глубокое осмысление взаимосвязей между различными аспектами общественной жизни, а также критическая оценка источников и интерпретаций.

Таким подходом может выступить культурфилософский, как наиболее релевантный для построения концепции конвергенции ценностей

отечественной культуры второй половины XIX – начала XX вв. Его применение позволяет не просто констатировать факт сближения ценностных структур, но и раскрыть глубинные исследовательские перспективы так называемой «онтологизации» культуры. Под «онтологизацией» в данном контексте понимается не только выявление сущностных оснований культурных явлений, но и теоретико-методологический анализ их соотносимости и взаимозависимости как внутренних феноменов и процессов развития культуры.

Культурфилософский ракурс позволяет также выявить скрытые механизмы взаимодействия и взаимовлияния различных ценностных систем, определить точки их соприкосновения и конфликта и, в конечном счете, понять, как происходит процесс формирования новых, интегрированных ценностных ориентаций.

Одной из определяющих характеристик второй половины XIX – начала XX вв. стала глубинная интердисциплинарность, проявляющаяся не просто в параллельном существовании различных сфер культуры, а в их активном диалоге, взаимном проникновении на всех уровнях. Это было время, когда традиционные границы между наукой, религией, философией и искусством стирались, порождая уникальные культурные феномены.

В этот поворотный момент, когда культура ощущает свою инерцию, а человечество ищет пути обновления, особую роль начинают играть мыслители, чьи идеи пронизаны стремлением к преодолению разрозненности и сближению духовных начал. Они воспринимали культуру не как замкнутый мир, чуждый повседневности, но как живую ткань человеческого бытия, источник смыслов, способный к преобразению и интеграции. Именно в таком ключе они видели возможность преодоления застывших форм культуры, отыскивая пути к конвергенции ценностей через рождение новых, более гибких и глубоких форм.

Георг Зиммель¹⁸⁴ привносит в этот поиск уникальный взгляд. Он видел в культуре не набор жестких догм, а, скорее, динамический процесс, непрерывно порождаемый человеческой жизнью. Для него любая культурная форма, будь то искусство, философия или религия, являлась лишь способом постижения и осмысления мира. Зиммель не боялся «десакрализировать» религию не для того, чтобы нивелировать ее суть, но, чтобы освободить ее живую сущность. Он полагал, что религиозные идеи, проходя через призму современных социальных реалий и художественных форм, могут обрести новое звучание, стать источником жизненных сил, способных разорвать оковы шаблонности. Именно в таком взаимопроникновении, в этой конвергенции различных духовных направлений он видел залог культурного развития и обогащения.

Вильгельм Дильтей¹⁸⁵ движется по схожему пути, но его фокус направлен на «науки о духе». Религия для него – это не просто объект изучения, а один из краеугольных камней, на котором строится мировоззрение как отдельного человека, так и всего общества. Понимая сущность религиозных верований через призму истории и психологии, Дильтей стремился проникнуть в самые глубины человеческого опыта. Он верил, что истинное познание человеческой жизни заключается не в отвлеченных теориях, а в «понимающем» (*verstehend*) постижении ее проявлений. По его мнению, религия, как и другие «жизненные формы», активно участвует в формировании того, чем живет и дышит культура. Для преодоления культурной застойности, по Дильтею, необходимо глубоко постичь эти формы, включая те, что несут в себе отпечаток религиозности, и творчески переосмыслить их, вплетая в ткань новой эпохи.

К плеяде мыслителей, чьи идеи способствовали такой конвергенции, можно отнести и Эмиля Дюркгейма¹⁸⁶. Его социологический взгляд на религию раскрывает ее фундаментальную роль в формировании социальной солидарности. Дюркгейм убежден, что именно через общие ритуалы и символы, которые присущи религиозной жизни, общество сплавливается и

¹⁸⁴Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь. М. : Strelka Press, 2018. 109 с.

¹⁸⁵Дильтей В. Сущность философии. М. : Intrada, 2001. 159 с.

¹⁸⁶Дюркгейм Э. О разделении общественного труда.. М.: Канон, 1996. 430 с.

обретает единые ценности. Он показывает, как эти, казалось бы, архаичные «жизненные формы» продолжают функционировать и в современном мире, пусть в новых, «светских» обличьях, например, в форме национальных идеалов или идеологических доктрин. Для Дюркгейма сама способность к такой трансформации и интеграции является доказательством силы религиозных начал в поддержании единства и преодолении разобщенности.

Карл Ясперс¹⁸⁷ привносит особое измерение в этот разговор, обращаясь к понятию «пограничных ситуаций». Под ними подразумеваются экстремальные переживания, затрагивающие самые глубинные основы человеческой природы – встречи со смертью, осознание личной ответственности или вины. В такие моменты, утверждает Ясперс, обычное *ratio* отступает перед иной формой понимания – «философской верой».

Эта вера отличается от традиционного религиозного сознания, поскольку не сводится лишь к догматическим убеждениям. Она представляет собой осознанное устремление к осмысленности бытия, выражающееся в стремлении к постижению трансцендентного. Через такую открытость трансценденции личность преодолевает ограниченность обыденного существования, вступает в пространство глубокого внутреннего поиска, позволяющего выйти за рамки устоявшихся стереотипов и обрести полноту собственного жизненного опыта.

Именно таким путем Ясперс обозначает возможность достижения личностной целостности и культурного обновления, где личные экзистенциальные поиски пересекаются с духовными и религиозными исканиями человечества. Эта идея формирует мост между наукой и культурой, предлагая новый взгляд на связь рационального и иррационального начал в человеческом бытии.

Наконец, Пауль Тиллих¹⁸⁸ формулирует самый ясный и эмоционально насыщенный призыв к сближению религиозных традиций и современной

¹⁸⁷Ясперс К. Смысл и назначение истории. 2-е изд. М.: Республика, 1994. 527 с.

¹⁸⁸Тиллих П. Избранное: Теология культуры. М.: Юрист, 1995. 479 с.

экзистенциальной рефлексии. Его труды выступают своеобразным связующим звеном, соединяя глубину христианской религиозной символики с жизненными проблемами современника. Согласно Тиллиху, правильное понимание и переинтерпретация религиозных символов позволяют установить живое общение между человеком и священными истинами, раскрывающими смысл его существования. Он полагает, что именно этот символический язык способен преодолеть разрыв между миром сакрального и повседневностью, открывая новые горизонты взаимодействия между верой и жизнью.

Для Тиллиха подобная работа не является сугубо интеллектуальной игрой ума, а предстает как живой процесс формирования обновленных, динамичных форм религиозного сознания, способствующих глубоким изменениям как индивидов, так и всей культурной среды. Таким образом, речь идет о возрождении живого религиозного опыта, свободного от застывших догм и устаревших представлений, и открытого к новым возможностям трансформации и духовного роста.

Соединение экзистенциального и социального в бытии человека, осмысленное через призму ценностных структур, стало центральной темой для целого ряда философов, искавших пути к более глубокому пониманию человеческой жизни.

Мартин Хайдеггер¹⁸⁹, хотя и не являлся религиозным мыслителем в традиционном смысле, оказал огромное влияние на философию, которая впоследствии обратилась к религиозным вопросам. Его концепция «бытия-в-мире» (*In-der-Welt-sein*) подчеркивает неразрывную связь индивида с окружающей действительностью, как материальной, так и социальной. Хайдеггер исследовал, как экзистенциальные вопросы, такие как поиск смысла, страх смерти, ответственность, формируют наше бытие. В то же время он признавал, что наше существование не является изолированным актом, но всегда происходит в контексте общественных норм, языка и культуры.

¹⁸⁹Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. М.: Республика, 1993.

Ценностные структуры, согласно Хайдеггеру, возникают не из абстрактных принципов, а из конкретных экзистенциальных выборов, совершаемых человеком в его «заботе» (*Sorge*) о бытии. Его размышления о «подлинном» и «неподлинном» существовании намекают на то, как жизненные выборы, продиктованные экзистенциальным опытом, могут преобразить или, наоборот, исказить ценностные ориентиры, формируя основу для более глубокого осмысления бытия.

В рамках экзистенциальной парадигмы, представленной в трудах Ж.-П. Сартра¹⁹⁰, процесс формирования ценностных систем переносится из сферы трансцендентной заданности в плоскость аксиологической самодетерминации субъекта. Постулат Сартра о «предшествовании существования сущности» радикализирует статус человеческого выбора: ценность не обнаруживается индивидом как готовый объект, а конституируется в акте его свободного проектирования. Социальное измерение этого процесса раскрывается через категорию «Другого», чей взгляд (*le regard*) выступает необходимым условием объективации субъективного опыта. В этом напряженном пространстве интерсубъективности — между автономным «проектом» личности и требованием социальной ответственности — кристаллизуются этические доминанты, которые не ретранслируют традиционную догматику, а рождаются как результат активного созидания бытия

В свою очередь Альбер Камю¹⁹¹, трансформирует категорию абсурда из констатации бессмысленности мира в точку инициации нового гуманистического сознания. В его концепции разрыв между человеческим стремлением к рациональному порядку и «безмолвием» универсума становится основанием для метафизического бунта. Для культурологического анализа принципиально важен переход Камю от индивидуального переживания абсурда к акту коллективной солидарности. Бунт здесь

¹⁹⁰Сартр Ж. П. Экзистенциализм — это гуманизм. М.: Изд-во иностранной литературы. 1953. 42 с.

¹⁹¹Камю А. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство. М.: Политиздат, 1990. 415 с.

интерпретируется как экзистенциальное действие, выводящее субъекта за пределы частного страдания в сферу общечеловеческой ответственности. Таким образом, социальный опыт в философии Камю предстает как пространство конвергенции, где из отрицания абсурда и несправедливости синтезируются новые ценностные структуры, основанные на сопричастности и защите достоинства человека.

Синтез идей Сартра и Камю позволяет рассматривать ценностные системы не как статические образования, а как динамический процесс непрерывного осмысления экзистенциального и социального опыта. Экзистенциалистский дискурс обосновывает субъектно-деятельностную природу ценностей, подчеркивая, что их интеграция и трансформация в культуре возможны лишь через личную вовлеченность и ответственность индивида за формирование общего смыслового горизонта.

Идеально типическое моделирование М. Вебера¹⁹² позволяет рассматривать сложные культурные феномены не как статистическую данность, а сквозь призму предельно выраженных смысловых акцентов, что делает возможным анализ механизмов сближения изначально далеких друг от друга дискурсов. Классическое исследование Вебером генезиса капитализма демонстрирует феномен «избирательного сродства» между протестантской этикой и духом рационального предпринимательства. Этот пример является репрезентативным для понимания конвергенции: религиозная догматика, преломляясь через индивидуальный экзистенциальный выбор, трансформируется в социальный этос, радикально меняющий облик культуры. Несмотря на констатацию процесса «рационализации» (*Entzauberung*) и «расколдования мира», ведущего к автономизации различных ценностных сфер (*Wertsphären*), веберовский подход оставляет пространство для их интегративного взаимодействия.

«Идеальный тип» культуры в веберовской перспективе выступает не как утопический проект нивелирования различий, а как теоретический вектор, указывающий на возможность синтеза системного и внерационального.

¹⁹²Вебер М. Работы М. Вебера по социологии, религии и культуре. М.: ИНИОН, 1991. 301 с.

Конвергенция здесь мыслится как динамическое равновесие в условиях «политеизма ценностей», где способность субъекта к интеграции противоречивых смысловых установок становится залогом целостности культурного опыта. Таким образом, веберовская традиция задает методологические координаты для исследования того, как в пространстве культуры происходит сопряжение очевидного и трансцендентного, формируя новые синтетические формы социальной реальности.

Методологическое обоснование ценностной конвергенции находит свое развитие в философии символических форм Эрнста Кассирера¹⁹³. В рамках его антропологической концепции человек определяется как «animal symbolicum», а сама культура интерпретируется как развертывание универсальной системы символических посредников. Религия, миф, искусство и наука рассматриваются Кассирером не как изолированные области знания, а как автономные, но функционально сопряженные модальности духа, каждая из которых конституирует специфический ракурс реальности.

Ключевым для понимания процессов конвергенции является тезис Кассирера о функциональном единстве (funktionale Einheit) многообразия культурных форм. В этой оптике «идеальный тип» культуры мыслится не через механическую унификацию, а через достижение интегративного баланса, где рационально-логические и мифопоэтические структуры вступают в отношения комплементарности. В такой системе мистический опыт не девальвируется научным дискурсом, а признается в качестве суверенной формы смыслополагания, что обеспечивает онтологическую полноту культурного бытия.

Если говорить об отечественной культуре, то, прежде всего, стоит указать на динамичное взаимодействие науки и религии, занимающее особое место в данном синтезе. Это был подлинный диалог, где научные методики и открытия не только оспаривали, но и вдохновляли на переосмысление

¹⁹³Кассирер, Э. Познание и действительность. Понятие о субстанции и понятие о функции. СПб. : Шиповник, 1912. 454 с.

религиозных феноменов. Так, вызовы, брошенные дарвинизмом или неевклидовой геометрией, подтолкнули таких мыслителей, как В. Соловьёв и П. Флоренский, к созданию новых, более гибких и синтетических мировоззрений, способных вместить как эмпирические данные, так и мистический опыт.

Одновременно с этим религиозные концепции становились основой для интерпретации научных данных, стремясь придать им этический и метафизический смысл. Например, идеи всеединства или софиологии превращали науку из чисто инструментального знания в «науку наук», способную раскрыть Божественный замысел в мироздании. Кульминацией этого процесса стали конкретные примеры «культурного синтеза», когда наука и религия фактически сливались: от идей «богостроительства» до «конкретной метафизики» П. Флоренского, где математические модели использовались для постижения духовных реалий, таких как природа Троицы.

Влияние науки заставило религиозных мыслителей переосмысливать свои взгляды, искать новые аргументы в защиту веры и интегрировать научные открытия в религиозное мировоззрение. В этой сложной интеллектуальной борьбе особое место занимает фигура Владимира Соловьёва.

В. С. Соловьёв, в отличие от доминирующих в его эпоху тенденций, как в позитивистских кругах, видевших в науке эксклюзивный источник знания, так и среди традиционалистов, зачастую воспринимавших научный прогресс как угрозу религиозной догме, принципиально отвергал антагонистическое противопоставление науки и религии. Напротив, он стремился к синтезу науки, философии и религии, к созданию «цельного знания», которое объединило бы все сферы человеческого опыта. Он понимал, что наука дает нам знание о материальном мире, раскрывает законы природы, но она не может ответить на вопросы о смысле жизни, природе Бога, вечных истинах. Религия же, в свою очередь, дает нам ответы на эти вопросы, но нуждается в рациональном обосновании, в диалоге с наукой и философией. В своём труде

«Критика отвлечённых начал»¹⁹⁴ Владимир Соловьёв подвергает резкой критике крайности, как материализма, так и идеализма, утверждая, что каждый из этих подходов оказывается неспособным представить исчерпывающее знание о Вселенной. По его мнению, материалисты низводят все к физической материи, игнорируя существование духовной сферы, в то время как идеалисты отдаляются от реальных фактов, увлекаясь абстракциями чистого разума. Вместо этого Соловьёв выдвигает собственную концепцию «целостного знания», которая призвана объединить достижения естественных наук, философского рассуждения и религиозных откровений, придавая каждому компоненту необходимую долю истины.

Он осознавал, что научные открытия, такие как эволюционная теория Дарвина, бросают вызов традиционным религиозным представлениям о творении мира и месте человека в нем. Однако он не отрицал науку, а пытался найти ей место в религиозном мировоззрении. Соловьёв видел в эволюции не случайный, но управляемый Богом процесс, направленный на достижение высшей цели – появления человека, существа, способного познавать Бога и соединяться с ним. Он интерпретировал эволюцию как восхождение к Богу, как постепенное раскрытие Божественного замысла в мире. В своей уникальной системе «всеединства» Соловьёв показывает стремление соединить в одной картине реальность материального мира, человеческое сознание и высшую Божественную природу. Соловьёв переработал немецкую диалектику в духе религии, рассматривая исторический процесс как восхождение к царствию Божьему. Его главный труд «Оправдание добра» развивает этическую концепцию, восходящую к Канту, где центральным мотивом становится любовь и сострадание как основа нравственного прогресса. Идея Соловьёва о том, что «смысл человеческой жизни заключается в безусловном утверждении в совершенстве», подчеркивает его

¹⁹⁴Соловьёв В. С. Критика отвлеченных начал. М. : Унив. тип., 1880. 435 с.

стремление к соединению Бога и человека, превращению человеческой природы в божественное состояние¹⁹⁵.

Русская религиозная философия рубежа веков – это арена столкновения двух мощных интеллектуальных течений, представленных, пожалуй, наиболее ярко фигурами Николая Бердяева и Сергея Булгакова. С одной стороны, мы видим пафос свободы, бунта, экзистенциальной тоски по Богу, воплощенный в философии Бердяева. С другой, – стремление к космическому синтезу, примирению божественного и человеческого через учение о Софии, разрабатываемое Булгаковым. Философские искания Бердяева и Булгакова, несмотря на их различия, являются примерами попыток синтезировать эти противоположные тенденции, создать новые ценностные ориентиры.

Н.А. Бердяев, разочаровавшись в материализме, приходит к идее о том, что человек – это не часть природы, а существо историческое и духовное, несущее в себе искру Божью, но брошенное в мир абсурда и свободы. Эта свобода не дар, а бремя, требующее постоянного выбора, личной ответственности за свою судьбу. Он критикует любые попытки подчинить личность коллективу, рационализму, любой доктрине, видя в них угрозу для творчества и духовного роста. Он подчеркивает, что «бытие предшествует сущности» – человек сам создает себя в процессе своего существования, а не предопределен чем-либо.

Однако, с другой стороны, Булгаков, тоже прошедший через увлечение марксизмом, видит этот бердяевский акцент на свободе как потенциальный путь к отчаянию и нигилизму. Он, в свою очередь, разрабатывает концепцию Софии – Божественной Мудрости как посредницы между Богом и творением, силы, пронизывающей всё бытие и стремящейся к его преображению. Для Булгакова свобода без связи с Божественным началом, стремления к космической гармонии превращается в произвол. Он пытается построить христианскую экономику и метафизику, основанные на идее Софии, стремясь

¹⁹⁵Соловьев В. С. Общий смысл искусства. М. : Новая Москва, 1924.

показать, что даже самые приземленные сферы жизни могут быть освящены и преображены. Свое учение он являл как связующее звено между Богом и миром. Софиология представляет собой попытку синтеза знания и веры, разума и интуиции, науки и религии. Это созвучно идее конвергенции, направленной на интеграцию различных способов познания и создание целостного мировоззрения. Здесь отражается диалектическое напряжение, присущее всей русской религиозной философии, ее постоянный поиск баланса между индивидуализмом и соборностью, личной трагедией и космической гармонией. Каждый из этих подходов, в конечном счете, направлен на одно: приближение к Богу и преображение мира¹⁹⁶.

Подобная глубинная взаимосвязь охватывала не только науку и религию, но и все сферы культуры – философию, литературу, музыку, изобразительное искусство, пронизывая их сквозными идеями и общими методологиями.

Философские идеи выступали как «ДНК» эпохи, формируя не просто интеллектуальный фон, но и эстетику, тематику и даже художественные приёмы в искусстве. Например, концепция всеединства Владимира Соловьёва стала прямой идейной основой для «Мистерии» А.Н. Скрябина, а идеи славянофильской соборности, развитые А.С. Хомяковым, нашли глубокое отражение в народных сценах Мусоргского и на полотнах Репина, а также в романах Достоевского. Происходило взаимное обогащение терминологии и методологии: так, философская категория «символа» стала центральной для всего направления литературного и художественного символизма, а «диалектика» из философского метода превратилась в ключевой инструмент анализа конфликтов в произведениях литературы.

Литература, в свою очередь, была не просто «зеркалом», а настоящей «лабораторией» эпохи. Произведения Толстого, Достоевского и писателей-символистов не только отражали философские дискуссии, они активно проживали, оспаривали и обретали художественную форму в решении таких

¹⁹⁶Бердяев Н. А. Смысл истории. Новое Средневековье. М. : Канон+ ; ОИ «Реабилитация», 2002. 448 с.

фундаментальных вопросов, как свобода, добро и зло, смысл человеческого существования, общность. Эти художественные воплощения часто вдохновляли философов на дальнейшие размышления. Более того, литературные сюжеты и образы становились общим культурным кодом, переосмысляемым и развиваемым в других видах искусства – в операх, живописи передвижников, формируя единое смысловое поле.

Искусство само по себе становилось формой философского высказывания. Музыкальные произведения (Скрябина, Рахманинова, Мусоргского) выходили за рамки эстетического наслаждения, становясь такими музыкальными мировоззрениями, которые выражают идеалы всеединства, национальной судьбы, духовного преображения. Аналогично в живописи (Васнецова, Нестерова) через мифологические или религиозные сюжеты транслировались визуальные идеи о национальном духе, святости, единстве и поиске идеала.

Кульминацией интегративных процессов в отечественной мысли рубежа XIX–XX столетий стало творчество деятелей Серебряного века, чей интеллектуальный поиск был детерминирован установкой на универсальный синтез. Такие фигуры, как П. Флоренский, А. Белый и Вяч. Иванов, выступали не просто в роли междисциплинарных исследователей, но как персонифицированные носители идеи «цельного знания», в деятельности которых границы между теологией, эстетикой и строгой научностью становились транспарентными.

В этом контексте особое значение приобретает «конкретная метафизика» П. Флоренского, в которой анализ православной иконы перерастает в фундаментальное учение об онтологическом статусе символа. Исследуя феномен иконы, Флоренский обосновывает диалектическое единство внешней формы и её сверхчувственного первообраза. Икона в данной трактовке перестает быть сугубо эстетическим объектом, обретая статус медиатора между феноменальным и ноуменальным мирами —

метафизического «окна», открывающего доступ к трансцендентным слоям бытия.

Концепция Флоренского постулирует многомерность реальности, где материальное и духовное измерения находятся в состоянии неразрывного сопряжения. Постигание этой сложности требует от субъекта синтетического метода познания, в котором искусство наделяется статусом гносеологического инструмента высшего порядка. Именно художественный образ, по мысли Флоренского, способен репрезентировать те пласты экзистенциального опыта и божественной истины, которые принципиально не поддаются понятийной дискретизации и вербальной фиксации¹⁹⁷.

Еще одним фактором слияния является взаимопроникновение западных и отечественных философских идей. Русские мыслители активно осваивали наследие западных философов, стараясь отыскать в их произведениях ответы на главные экзистенциальные вопросы о бытии, назначении человека и смысле жизни. Традиционные ценности, укорененные в религиозности, народности и самодержавии, испытывали сильное влияние со стороны новых, модернистских ценностей, проникавших с Запада. К ним можно отнести индивидуализм, рационализм, демократию, научное знание, а также акцент на личном успехе и материальном благополучии. Знакомство русских мыслителей с западными философскими учениями сыграло ключевую роль в процессе конвергенции ценностей. Осваивая наследие западных философов, русские интеллектуалы стремились найти ответы на вопросы о кризисе веры, смысле жизни в эпоху перемен, о роли личности в обществе и путях развития России. Важно было не только понять суть западных философских концепций, но и критически оценить их применимость к российской реальности, адаптировать их к российскому контексту и использовать для решения актуальных проблем. В свою очередь, преломленные сквозь тексты Толстого, Достоевского и других художников слова, они способствовали рождению новых западных философских идей.

¹⁹⁷Флоренский П. А. Собрание сочинений : в 4 т. М. : Мысль, 1994.

В философии Фридриха Ницше, несмотря на его критику традиционных ценностей, можно увидеть элементы, которые предвосхищают некоторые аспекты идеи конвергенции, особенно в контексте переосмысления ценностей. Ницшеанский проект «переоценки всех ценностей» предполагает критический анализ существующих моральных и культурных норм с целью выявления новых ориентиров для человечества. Этот процесс переоценки можно рассматривать как необходимый этап для конвергенции, поскольку он позволяет освободиться от устаревших догм и предрассудков, создавая пространство для интеграции новых идей и ценностей.

Идея сверхчеловека (*Übermensch*) не означает превосходство над другими людьми, а, скорее, стремление к самоопределению, раскрытию всего потенциала человеческой личности. Сверхчеловек – это тот, кто способен интегрировать в себе различные аспекты человеческого существования: разум, волю, инстинкты, творчество. В этом смысле сверхчеловек является результатом конвергенции различных способностей и качеств. Ницшеанская «воля к власти» (*Wille zur Macht*) – это не столько стремление к господству, сколько фундаментальная сила, лежащая в основе всякой жизни и деятельности. Это творческая энергия, которая побуждает человека к самосовершенствованию, созданию новых ценностей и преодолению препятствий.¹⁹⁸

Идеи Фридриха Ницше оказали глубокое и противоречивое влияние на русскую философскую мысль конца XIX – начала XX в. С одной стороны, его неприятие традиционных моральных устоев и религии, провозглашение «смерти Бога» и призыв к «переоценке всех ценностей» вызвали резкую критику со стороны консервативных мыслителей. С другой стороны, ницшеанство оказалось чрезвычайно привлекательным для значительной части русской интеллигенции, стремившейся к обновлению духовной жизни и освобождению от устаревших догм. Такие философы, как Лев Шестов и

¹⁹⁸Ницше Ф. Полное собрание сочинений: в 13 т. / Ин-т философии. М.: Культурная Революция, 2005–2014. Т. 1. Ч. 1: Рождение трагедии. Из наследия. 2012. 416 с.

Дмитрий Мережковский, увидели в Ницше союзника в борьбе против рационализма и позитивизма, в стремлении к иррациональному пониманию бытия. Ницшеанская идея «сверхчеловека», хотя и вызывала споры и разногласия, вдохновляла на поиски новых возможностей для развития человеческой личности. Она сподвигала к преодолению ограничений и достижению новых высот. Многие русские мыслители использовали ницшеанство как отправную точку для создания собственных философских систем, сочетающих ницшеанскую критику с религиозными и метафизическими идеями. В итоге влияние Ницше на русскую философию проявилось в переосмыслении традиционных ценностей, усилении внимания к проблемам личности и свободы, поиске новых форм религиозного опыта. Имел место запрос на создание целостного мировоззрения, способного ответить на вызовы современной эпохи.

Основатель феноменологии Э. Гуссерль предложил метод непосредственного описания феноменов сознания, очищенного от метафизики и психологизма. Феноменология позволяет исследовать, как сознание «конституирует» мир, придавая ему смысл и значение. Это созвучно идее конвергенции, которая предполагает интеграцию субъективных и объективных факторов для создания более полного и адекватного понимания реальности¹⁹⁹.

Идеи Гуссерля оказали значительное влияние на русскую религиозную философию, предоставив новые инструменты для исследования внутреннего мира человека и его отношения к Богу. Русские философы, такие как Владимир Лосский и Сергей Франк, использовали феноменологический метод для изучения религиозного опыта, стремясь постигнуть природу личного переживания Бога и божественной истины. Они видели в феноменологии возможность избежать крайностей рационализма и эмпиризма, а также найти новые пути для понимания взаимоотношений между человеком и Богом.

¹⁹⁹ Гуссерль Э. Кризис европейского человечества и философия. URL: https://vk.com/-wall140237409_16913?ysclid=-mdkahj2oup9828084.

Гуссерлевские вопросы о природе восприятия, возможности постижения истины через сознание и доступ к подлинному бытию вне обыденного опыта стали важными ориентирами для русской религиозной мысли. Однако русские философы не просто заимствовали западные идеи, а творчески переосмысливали их, адаптируя к российским культурным и социальным реалиям и сочетая с православными богословскими представлениями.

Следует остановиться еще на одном факте, обуславливающем процесс конвергенции, – формировании новых философских течений. Так, в противовес позитивизму, отрицающему «бесплодность духовных начал»²⁰⁰ и утверждающему проект рационализации социальной архитектуры в соответствии с объективными закономерностями развития материи, зарождается неокантианство, способствовавшее формированию предпосылок для конвергенции и конвергентного мышления. Оно играло роль балансира, напоминая о важности неэмпирических аспектов познания и культуры. Неокантианцы, признавая значимость науки, подчеркивали ограниченность эмпирического знания и необходимость философского осмысления мира. Это способствовало интеграции рационального научного подхода с более широкими вопросами ценностей, смысла жизни и духовного опыта, что является важным аспектом конвергентного мышления, объединяющего научную методологию и гуманитарные науки.

Кроме этого, подчеркивание активности субъекта познания также является важной импликацией. Неокантианство, в отличие от позитивистского объективизма, акцентировало внимание на активности разума в формировании представлений о мире. Это подготавливало почву для понимания того, что знание – это не просто отражение объективной реальности, а результат взаимодействия субъекта и объекта, что важно для междисциплинарных исследований, где учитываются различные точки зрения и перспективы.

²⁰⁰Писарев Д. И. Избранные произведения. Л.: Художественная литература, 1968. 619 с.

Далее неокантианцы стимулировали развитие альтернативных способов познания и понимания мира, таких как искусство, религия и философия. Это способствовало формированию более широкого и многогранного взгляда на реальность, необходимого для решения сложных проблем, требующих интеграции различных подходов.

И, наконец, баланс между эмпирическим и трансцендентальным. Неокантианство пыталось найти равновесие между эмпирическим опытом и трансцендентальными условиями возможности этого опыта. Это подготовило интеллектуальную почву для будущих попыток синтеза науки и метафизики, что можно увидеть в современной концепции конвергенции, направленной на объединение материального и духовного, технологического и гуманитарного. Можно утверждать, что неокантианство, способствуя формированию более широкого и сбалансированного взгляда на реальность, создало интеллектуальные предпосылки для конвергенции, то есть для сближения, взаимовлияния и синтеза различных ценностных систем и культурных форм.

Проделанный анализ позволяет заключить, что поиск «идеальной» модели культуры в западной и отечественной мысли был направлен на обретение синтетического единства, исключая принудительную редукцию различий. Конвергенция ценностных структур здесь выступает как путь к гармонизации смыслового пространства, где преодолеваются искусственные барьеры между системным и внесистемным, эмпирическим и метафизическим. Формирование подобного целостного восприятия мира становится необходимым условием для сохранения гуманистического потенциала культуры в условиях возрастающей сложности и дифференциации социального опыта.

Культурфилософская рефлексия симбиоза науки, религиозного сознания и искусства в данный исторический период подтверждает эвристическую значимость концепции конвергенции ценностей. Предложенная интерпретация конвергентного подхода позволяет увидеть в этих взаимодействиях не случайную диффузию идей, а системное сближение

фундаментальных ценностных доминант. Подобный ракурс закладывает теоретический фундамент для понимания культуры как пространства «онтологизации» смыслов, где ценности превращаются из абстрактных конструкторов в устойчивые структуры бытия.

Подводя итог, следует подчеркнуть, что именно применение культурфилософского подхода позволило аргументировать авторскую концепцию конвергенции как наиболее релевантную модель для систематизации аксиосферы отечественной культуры. Это формирует необходимую методологическую опору для реализации второго положения новизны исследования — обоснования конвергентности как принципа целостного анализа. В данном контексте «онтологизация» культуры осмысливается одновременно и как процесс и как результат трансформации ценностных структур бытия, которые, вступая в конвергентные отношения, обретают качественно новый статус в исследовательском поле теории и истории культуры.

1.3. Поиск оснований концепции конвергенции ценностей культуры в философии, искусстве, науке и других формах культурного развития

Настоящий параграф посвящен поиску ключевых оснований для концептуализации конвергенции ценностей отечественной культуры второй половины XIX – начала XX вв., при этом вектор исследования меняет свой фокус. В отличие от предыдущего раздела, где рассматривался внутренний потенциал культурного развития и его роль в формировании ценностных систем, здесь в центре внимания находятся особенности аксиологических процессов, обусловленных внешними детерминантами воздействия на культурные изменения. К таким детерминантам относятся значимые социальные, политические, экономические и идеологические факторы, которые не просто влияли на культуру, но активно формировали её аксиологический ландшафт.

Целью такого исследовательского подхода является не только фиксация факта конвергенции, но и определение границ этих конвергентных изменений, понимание того, как они способствовали сохранению культурной идентичности и духовных ориентиров в период значительных исторических потрясений. Методологической основой для этого служит междисциплинарный ракурс изучения, опирающийся на интеграцию историко-культурного и аксиологического анализа.

Б. В. Кондаков²⁰¹ считал, что период второй половины XIX – начала XX вв. русской культуры был уникален. Он видел в нём сплав трёх вещей. Во-первых, искусство. Это было широкое поле для личного творчества, включая поиски в религии. Во-вторых, философия. Она становилась способом существования для творческого ума и духа, особенно в религиозных и идеалистических направлениях. В-третьих, новая общественность. Она участвовала в обновлении культуры. Эта общественность отличалась от «социальности» XIX в., о которой говорил В. Г. Белинский²⁰² и другие. Она была элитарной, но в то же время широкой: религиозные деятели, литераторы, художники, философы, политическая элита – все вместе заботились о культуре и духовном росте российского общества. Это было «соборное радение» интеллигенции.

В этот период, в отличие от предшествующего классического периода, искусство, философия и общественность тесно взаимодействовали и влияли друг на друга в сфере творчества. Синтез стал характерной чертой русской культуры, определяя ее интегративный стиль. И.В. Котляров²⁰³ в своей работе пишет: «Огромную роль в становлении культурного синтеза как системообразующего фактора сыграла философия всеединства, ставшая смысловым «стержнем» всей культурной парадигмы, обоснованием интегративного стиля культуры»²⁰⁴.

²⁰¹Кондаков Б. В. Очерки истории русской культуры. Пермь: Издательство ПОИПКРО, 1995. 86 с.

²⁰²Полное собрание сочинений В. Г. Белинского: СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1900. 542 с

²⁰³Котляров И. В. Политическая социология: теория, история, методология, методика: в 2 ч. Минск: Изд-во МИУ. 2004

²⁰⁴Соловьев В. С. Философия искусства и литературная критика. М.: Искусство, 1991. 699 с.

Модернистское понимание религии трансформировало ее в специфическую форму творческой деятельности, направленную на создание индивидуальных мифологических систем. Примерами такого подхода служит эссеистика С. Мережковского²⁰⁵, А. Белого²⁰⁶, Вяч. Иванова²⁰⁷ и В.В. Розанова²⁰⁸, отличающаяся синкретизмом и эклектичностью. Поиски «мирового духа» в ранних работах Н. К. Рериха²⁰⁹ также иллюстрируют эту тенденцию. Даже в эстетически рафинированном богословском трактате П.А. Флоренского²¹⁰ прослеживается стремление к переосмыслению догматических положений и их репрезентации в оригинальной форме, что позволяет рассматривать данную работу как пример индивидуального религиозно-философского конструирования.

Искусство постепенно преодолевает границы традиционных форм, объединяя поэзию, прозу, музыку, живопись, теорию и практику. Оно включает в себя ранее неизведанные объекты и явления, выходя за пределы привычного художественного пространства. Художники начинают творить на улицах, площадях, заниматься политической деятельностью, техникой, наукой, производством, бытом и личной жизнью. Это стремление к целостному восприятию реальности стирает грань между искусством и повседневной жизнью. Расширение рамок делает искусство ближе людям, одновременно повышая требования к зрителю, слушателю и читателю, стимулируя развитие критического и нестандартного мышления.

Это свидетельствует о стремлении к холистическому охвату действительности и преодолению разделения между искусством и жизнью. Такое расширение горизонтов искусства, с одной стороны, демократизировало его, делая более доступным и понятным широкой публике, а с другой – повышало требования к восприятию и интерпретации художественных

²⁰⁵ Мережковский Д. С. О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы. СПб.: Типо-лит. Б. М. Вольфа, 1893. 192 с.

²⁰⁶ Белый А. Стихотворения. Берлин; СПб.; М.: Изд-во З. И. Гржебина, 1923. 506 с.

²⁰⁷ Иванов В. И. Пробуждение и другие рассказы. М., 1906. 371 с.

²⁰⁸ Розанов В. В. Сочинения. М.: Советская Россия, 1990. 588 с.

²⁰⁹ Рерих Н. К. Собрание сочинений. М.: И. Д. Сытин, 1914.

²¹⁰ Флоренский П. священник. Столп и утверждение Истины. М.: Путь, 1914.

произведений, требуя от зрителя/слушателя/читателя большей эрудиции и готовности к нестандартному мышлению, тем самым провоцируя его на повышение своего культурного уровня.

Творческая интерпретация новейших данных естествознания не только сближала науку и религию, еще недавно жесточайшим образом разведенные между собой, но подчас и прямо сливала их воедино (например, в русском махизме, богостроительстве). Творческое расширение границ науки превращало в своего рода науку любое учение, в том числе философско-религиозное; в результате сама религия превращалась в своеобразную «науку наук», мистическую философию познания. Всё, что не может быть познано конкретными науками рационально, становилось достоянием иррационального, вненаучного (или метанаучного) познания. Так, в ряду наук заняли свое «беззаконное» место антропософия, теософия, эзотерика, спиритизм. Свободная трактовка культурных явлений и исчезновение чётких границ между разными сферами привели к смешиванию их элементов и созданию единого поля смыслов, где искусство, наука, философия, вера, политика и обыденность стали частью общего контекста.

Отсюда и ценностные доминанты второй половины XIX – начала XX вв. представляли собой сложную и противоречивую систему, отражавшую переломный характер эпохи. Анализ ценностей позволяет понять глубинные процессы, лежавшие в основе социокультурных трансформаций, и оценить их влияние на формирование национальной идентичности. Важно отметить, что ценности не существовали в статичном состоянии, а подвергались постоянному переосмыслению под воздействием социальных, политических и культурных факторов.

Последовательно анализируя народность, духовность, социальную справедливость и другие ключевые ценности, мы увидим, как они переплетались и взаимодействовали, формируя уникальный и сложный феномен культуры второй половины XIX – начала XX вв. В рамках разворачиваемой концепции конвергенции анализ ценностных

доминант позволяет её содержательно конкретизировать, выступая яркой иллюстрацией историко-генетического поиска сопряженности ценностных структур. Становится очевидным, как через конвергентные процессы органично сплетаются этика Достоевского, софиология Вл. Соловьева и эстетические воззрения передвижников, демонстрируя интерпретацию традиционных идей через призму их взаимопроникновения. Концепция конвергенции ценностей, таким образом, превращается в значимый эвристический инструмент, позволяющий преодолеть фрагментарность при осмыслении этих феноменов и нацеленный на выявление смысловых «опор» для конвергенции ценностей.

К примеру, ценность народности, глубоко укорененная в русской культуре второй половины XIX – начала XX вв., нашла яркое выражение в различных сферах творчества, особенно в эпоху Серебряного века. Она не просто отражалась в искусстве и литературе, но и становилась предметом философских размышлений, источником вдохновения для композиторов, и даже влияла на научные изыскания. В литературе народность была представлена, прежде всего, через реалистическое направление. Писатели-реалисты, такие как Тургенев²¹¹, Толстой²¹² и Достоевский²¹³, обращались к жизни крестьянства, стремясь правдиво изобразить их быт, трудности и духовные качества. Они показывали не только социальное положение крестьян, но и их внутреннюю силу, нравственную чистоту и близость к природе. Народнические писатели, ярким примером которых является Некрасов, воспевали народ и его борьбу за справедливость, призывая к социальной революции. В поэзии фольклорные мотивы, народные песни и сказания проникали в творчество Кольцова и других поэтов, обогащая язык и образы. Таким образом, литература стремилась к сближению с народом, к познанию его души и отражению его жизни во всей полноте. Именно это

²¹¹Тургенев И. С. Избранные произведения. М., СПб. : Изд-во детской лит. 1941.703 с.

²¹²Толстой Л. Н. Указ. соч.

²¹³Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений : Т. 14. Братья Карамазовы : роман в 4 ч. с эпилогом. СПб. : изд. А. Г. Достоевской, 1904. 472 с.

стремление породило ряд фундаментальных вопросов, ставших центральными для русской литературы: что такое «народ» в его подлинном смысле? Является ли он идеализированным носителем нравственной чистоты (как часто изображал Толстой), или же это сложная, противоречивая масса, подверженная как духовности, так и греху (как показывал Достоевский)? Как, стремясь к правдивому изображению быта и страданий крестьянства, избежать идеализации и сентиментальности? И, наконец, где находится источник «внутренней силы» и «нравственной чистоты» народа, и как этот источник может повлиять на общественную жизнь? Поиск ответов на эти дилеммы определил развитие русской литературы XIX века.

В музыке ценность народности нашла свое воплощение в творчестве «Могучей кучки» (Мусоргский, Римский-Корсаков, Бородин, Кюи, Балакирев) ²¹⁴. Эти композиторы, вдохновленные русской историей, фольклором и народной музыкой, использовали народные мелодии и мотивы в своих произведениях, создавая узнаваемый и самобытный русский стиль. Они обращались к героическим образам прошлого, к народным обрядам и обычаям, стремясь выразить дух и характер русского народа. Чайковский, хотя и не входил в «Могучую кучку», также глубоко чувствовал и передавал в своих симфониях и балетах русскую душу и красоту русской природы, обогащая русскую музыкальную культуру.

В искусстве (живописи и скульптуре) народность проявилась в творчестве передвижников (Репин, Суриков, Васнецов, Перов). Эти художники, протестуя против академизма и условности, изображали жизнь крестьян, их труд и страдания, стремясь привлечь внимание общества к проблемам народа. Они воспевали красоту русской природы, показывая связь человека с землей. Художники-передвижники видели в народе источник духовной силы и нравственной чистоты, противопоставляя его коррумпированному и бездуховному обществу.

²¹⁴Композиторы «Могучей кучки» о народной музыке. М. : Музгиз, 1957. 246 с.

Духовность, являясь одной из фундаментальных ценностей русской культуры, во второй половине XIX – начале XX вв. переживала особый период трансформации и переосмысления. Кризис рационализма и позитивизма, разочарование в материальных ценностях и поиск новых идеалов привели к взрывному росту интереса к духовным вопросам, мистицизму, религиозным учениям и философским исканиям. Эта жажда духовного проявилась во всех сферах культуры, демонстрируя яркую конвергенцию стремлений к постижению высших истин и смысла жизни.

В литературе духовность нашла отражение в творчестве символистов (Блок²¹⁵, Белый²¹⁶, Сологуб²¹⁷), которые стремились проникнуть в мир потустороннего, выразить невыразимое, заглянуть за пределы видимой реальности. Их поэзия и проза наполнена символами, аллюзиями, мистическими образами, отражающими поиск духовного просветления и воссоединения с Божественным. Религиозные мотивы пронизывают творчество Блока («Стихи о Прекрасной Даме»), Белого (роман «Петербург»), Мережковского²¹⁸ (трилогия «Христос и Антихрист»). Даже писатели, далекие от религиозности, такие как Чехов, в своих произведениях поднимали вопросы морали, нравственного выбора и духовного кризиса.

В музыке духовность стала одним из главных источников вдохновения для композиторов второй половины XIX – начала XX вв. Скрябин стремился создать «Мистерию» – музыкально-световое представление, которое должно было преобразить мир и привести человечество к духовному единству. Рахманинов в своих произведениях (Вторая симфония, «Всенощное бдение») выражал глубокие религиозные чувства и тоску по духовной красоте. Даже в творчестве Стравинского, несмотря на его новаторский стиль, можно увидеть

²¹⁵Блок А. А. Указ. соч.

²¹⁶Белый А. Указ. соч.

²¹⁷Сологуб Ф. К. Неизданные стихотворения 1878–1889 годов // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2002 г. СПб. : Дмитрий Буланин, 2006. С. 164.

²¹⁸Мережковский Д. С. Указ. соч.

отголоски народных религиозных обрядов и представлений (балет «Весна священная»).

В искусстве духовность выражалась в обращении к религиозным сюжетам, мистическим образам и символическим формам. Врубель в своих картинах («Демон сидящий», «Пан») создавал образы, исполненные трагического величия и духовной борьбы. Борисов-Мусатов в пейзажах и портретах стремился передать состояние внутренней гармонии и духовной красоты. Нестеров обращался к образам святых и подвижников, создавая идеализированные картины духовной жизни.

В философии духовность стала центральной темой для русских религиозных философов (Соловьев, Бердяев, Булгаков, Франк), которые разрабатывали учения о Богочеловечестве, Софии, всеединстве и других высших духовных принципах. Они критиковали западный рационализм и материализм, призывая к духовному обновлению человечества. В основе их исканий лежали фундаментальные вопросы о духовном пути человечества: как России избежать ловушек западного материализма и рационализма и найти свой уникальный, духовный путь развития? Как осуществить идеал Богочеловечества и какова роль Софии в преображении мира? И, наконец, как совместить абсолютную духовную свободу человека с его ответственностью, сделав творчество высшим актом преображения действительности?

Конвергенция духовности в различных сферах культуры второй половины XIX – начала XX вв. проявлялась в стремлении к синтезу искусства, философии и религии, в поиске новых форм выражения духовного опыта, в создании произведений, исполненных глубокого смысла и духовной силы. Литература, музыка, искусство и философия, каждая по-своему, выражали жажду духовного обновления и воссоединения с Божественным, создавая неповторимую атмосферу эпохи. Примером такой конвергенции может служить творчество Александра Скрябина, который пытался объединить музыку, свет, цвет и даже запахи в единое мистическое действо, или

«религиозно-философские собрания», где обсуждались вопросы веры и культуры представителями разных направлений искусства и философии.

Важно обратиться к ценности справедливости, остро осознаваемой в российском обществе второй половины XIX – начала XX вв., ставшей мощным импульсом для творческих исканий особенно в эпоху Серебряного века. Растущее социальное неравенство, тяжелое положение рабочих и крестьян, политическое бесправие – всё это находило отражение в культуре, стимулируя художников, писателей, музыкантов и философов к осмыслению социальных проблем и поиску путей к более справедливому общественному устройству. Конвергенция стремлений к справедливости проявилась в различных формах искусства, философии и литературы, обогащая их содержание и направляя их к решению насущных социальных вопросов.

В литературе тема справедливости стала одной из центральных. Реалисты, такие как Горький²¹⁹, в своих произведениях изображали жизнь социальных низов, показывая их страдания, борьбу за выживание и протест против угнетения. Они стремились пробудить в читателях сочувствие к бедным и обездоленным, призывая к социальной активности. Символисты, хотя и ориентированные на духовные искания, также не оставались в стороне от социальных проблем. Блок в своих стихах («Двенадцать») пытался осмыслить революцию и ее значение для России. Поэты-футуристы, отвергая старый мир, мечтали о создании нового, справедливого общества. Таким образом, литература этого периода активно ставила перед собой и обществом следующие острые вопросы: является ли революция единственным путём к справедливому обществу или возможны иные, эволюционные пути? Как осмыслить и принять хаос и жестокость революции (как у Блока в «Двенадцати»), если она ведёт к справедливому будущему? Может ли человек из «социальных низов» (как герои Горького) сохранить свою нравственность и человеческое достоинство в условиях борьбы и угнетения?

²¹⁹Горький М. Собрание сочинений. [Рассказы] : в 19 т. 2-е изд. [М. ; СПб] : Гос. изд-во, 1927. 354 с.

В музыке тема справедливости звучала менее явно, но все же присутствовала. Некоторые композиторы, такие как Мусоргский, в своих операх («Борис Годунов», «Хованщина») обращались к историческим событиям, отражающим социальные конфликты и борьбу за власть. Революционные песни и марши, распространявшиеся в начале XX в., также отражали стремление к справедливости и протест против угнетения.

В искусстве тема справедливости была особенно ярко представлена в творчестве художников-передвижников. Репин, Суриков, Перов, Васнецов и другие художники изображали жизнь крестьян, рабочих и бедняков, показывая их тяжелый труд, нищету и страдания. Они стремились привлечь внимание общества к социальным проблемам, вызвать сочувствие к бедным и угнетенным. Их картины, такие как «Бурлаки на Волге» Репина или «Тройка» Перова, стали символами социальной несправедливости.

В философии тема справедливости разрабатывалась в различных направлениях. Марксизм, получивший широкое распространение в России, предлагал радикальное решение социальных проблем путем революционного свержения капитализма и установления диктатуры пролетариата. Другие философы, такие как Бердяев и Булгаков, критиковали марксизм за его материализм и отрицание духовных ценностей, но также признавали необходимость справедливости и предлагали свои пути ее достижения, основанные на христианских принципах.

Важна и ценность образования, глубоко укоренившаяся в русском обществе, приобрела особое значение во второй половине XIX – начале XX вв., став одним из ключевых факторов культурного и интеллектуального подъема. Вера в преобразующую силу знаний, стремление к расширению кругозора, потребность в критическом мышлении и саморазвитии – это стимулировало развитие образования и нашло отражение в различных сферах культуры. Конвергенция ценности образования проявилась в литературе, музыке, искусстве и философии, обогащая их содержание и направляя на просвещение и самосовершенствование личности. В России второй половины

XIX – начала XX вв. в образованных кругах невежество считалось дурным тоном. Высоко ценились стремление к знаниям, эрудиция, начитанность и широкий кругозор. Была развита культура чтения: люди читали много и с удовольствием, обсуждали прочитанное, делились своими впечатлениями, видя в этом не только способ познания мира, но и важную составляющую интеллектуального и духовного развития.

В литературе тема образования занимала важное место. Писатели-реалисты, такие как Тургенев, Толстой и Чехов, в своих произведениях показывали роль образования в формировании личности, раскрывали проблемы системы образования и ставили вопросы о смысле жизни и предназначении человека. В произведениях Тургенева часто встречаются образы интеллигентных, образованных людей, стремящихся к самосовершенствованию. Толстой в педагогических трудах и художественных произведениях («Война и мир», «Анна Каренина») исследовал вопросы нравственного воспитания и духовного развития. Чехов в своих пьесах («Три сестры», «Вишневый сад») показывал разочарование интеллигенции в идеалах образования и ее неспособность изменить мир к лучшему. Именно эти литературные наблюдения актуализировали ключевые вопросы эпохи: как избежать разочарования в идеалах просвещения? Когда знания не приносят ожидаемого счастья или успеха? Какова истинная цель образования? Должно ли оно быть направлено только на получение знаний и профессии, или его главная задача – нравственное воспитание и духовное развитие личности (как подчеркивал Толстой)? Достаточно ли одного лишь образования для того, чтобы изменить мир к лучшему и решить социальные проблемы?

Музыкальное образование не просто расширяет культурный горизонт, оно, по мнению ряда исследователей, выводит человеческое сознание на качественно новые уровни, активизируя когнитивные процессы и формируя комплексное, многомерное восприятие мира. Именно поэтому музыкальное образование представляет собой непреходящую ценность. В указанный период образование играло ключевую роль не только в развитии

профессионального мастерства, позволяя композиторам, таким как Скрябин, Рахманинов и Стравинский, создавать сложные и новаторские произведения, но и в расширении музыкального кругозора, формируя глубокое понимание музыкальной истории и теории. Более того, музыкальное образование способствовало распространению музыкальной культуры среди широких слоев населения, стимулируя развитие музыкальных обществ и концертов, что, в свою очередь, обогащало культурный ландшафт эпохи и способствовало формированию интеллектуальной элиты, способной к критическому осмыслению действительности.

В искусстве образование было необходимым условием для развития профессионального мастерства и художественного творчества. Художники Серебряного века, такие как Врубель, Борисов-Мусатов и Петров-Водкин, получили академическое художественное образование, которое позволило им овладеть различными техниками и стилями живописи. Кроме того, образование способствовало расширению художественного кругозора и знакомству с мировым искусством.

В контексте нарастающего социального и политического кризиса, образование ценилось как единственный способ преодолеть невежество и инертность общества. Образование давало возможность интеллигенции анализировать социальные проблемы, выявлять несправедливость и формулировать программы преобразования. Несмотря на разочарование (отраженное у Чехова), вера в просветительскую миссию интеллигенции оставалась центральной. Образованный человек считался носителем света и прогресса, ответственным за духовное развитие народа.

Таким образом, в философии этого периода образование было не просто передачей информации, а активным, преобразующим процессом, необходимым для решения как метафизических, так и социальных проблем эпохи. Конвергенция ценности образования в различных сферах культуры второй половины XIX – начала XX вв. проявлялась в стремлении к просвещению, самосовершенствованию и развитию критического мышления.

Литература, музыка, искусство и философия, каждая по-своему, подчеркивали важность образования для формирования личности, развития культуры и прогресса общества. Примером такой конвергенции может служить деятельность различных культурных и образовательных обществ, которые организовывали лекции, выставки и концерты, способствуя распространению знаний и развитию культурного кругозора.

Следует также обратить внимание на ценность патриотизма, являвшаяся важной составляющей русского самосознания, во второй половине XIX – начала XX вв. переживала период сложного переосмысления. Наряду с традиционной любовью к Отечеству, гордостью за его достижения и стремлением к национальному единству, все более явным становилось критическое восприятие существующей действительности. Конвергенция различных проявлений патриотизма отразилась в литературе, музыке, искусстве и философии, обогащая их содержание и направляя на осмысление судьбы России и ее места в мире.

В литературе патриотизм проявлялся в различных формах. Писатели-реалисты, такие как Толстой и Тургенев, в своих произведениях воспевали красоту русской природы, изображали жизнь русского народа и ставили вопросы о судьбе России. Многообразие подходов к теме Родины порождало ключевые вопросы, над которыми размышляли авторы и общество: каково историческое предназначение России? Должна ли она следовать западным путём развития, или у неё есть свой, уникальный, мессианский путь? Каким будет будущее России? Ведёт ли её путь к духовному возрождению (тревога символистов) или к социальной революции и построению нового, справедливого общества (вера Горького)? Какова роль народа (крестьянства, рабочих) в определении судьбы страны?

В музыке патриотизм звучал в произведениях композиторов, обращавшихся к русской истории, фольклору и народным мелодиям. Глинка в опере «Жизнь за царя» создал образ народного героя, пожертвовавшего жизнью ради спасения Родины. Чайковский в симфониях и балетах передавал

русскую душу и красоту русской природы. Мусоргский в своих операх («Сорочинская ярмарка», «Женитьба») изображал трагические события русской истории, показывая силу и стойкость русского народа.

В искусстве патриотизм выражался в изображении исторических событий, народных героев и красот русской природы. Суриков в своих картинах («Утро стрелецкой казни», «Боярыня Морозова») показывал драматические моменты русской истории, подчеркивая величие и силу русского духа. Васнецов («Богатыри», «Аленушка») обращался к русскому фольклору и мифологии, создавая образы народных героев и сказочных персонажей. Левитан в пейзажах воспевал красоту русской природы, передавая ее лирическое настроение и умиротворение.

В философии патриотизм проявлялся в различных формах. Славянофилы, такие как Хомяков²²⁰ и Киреевский²²¹, идеализировали русскую общину и православную веру, считая их основой русской самобытности и духовности. Западники, такие как Чаадаев²²² и Герцен²²³, критиковали русскую отсталость и призывали к сближению с Европой. Религиозные философы, такие как Бердяев и Булгаков, пытались осмыслить место России в мировой истории и ее роль в духовном обновлении человечества.

Конвергенция различных проявлений патриотизма во второй половине XIX – начале XX вв. проявлялась в стремлении к осмыслению судьбы России, ее места в мире и путей ее развития. Литература, музыка, искусство и философия, каждая по-своему, выражали любовь к Родине. Примером такой конвергенции может служить творчество Александра Блока, который в своих стихах сочетал любовь к Родине с критикой существующего социального и политического порядка, или деятельность религиозных философов, которые пытались объединить патриотические чувства с религиозными ценностями и философскими идеями.

²²⁰Хомяков А. С. Указ. соч.

²²¹Киреевский И. В. Указ. соч.

²²²Чаадаев П. Я. Сочинения // журн. «Вопр. философии» и др. М. : Правда, 1989. 655 с.

²²³Герцен А. И. Былое и думы. Ч. 1-5. М. : Художественная литература, 1987. 670 с.

Особого внимания заслуживает ценность нравственности, всегда занимавшая важное место в русской культуре, во второй половине XIX – начале XX вв., подверглась серьезным испытаниям и переосмыслению. Кризис традиционных моральных устоев, расшатывание религиозных догм, рост индивидуализма и гедонизма привели к размыванию прежних нравственных ориентиров и поиску новых. Конвергенция этих тенденций отразилась в литературе, музыке, искусстве и философии, ставя вопросы о смысле жизни, свободе выбора, ответственности за свои поступки и природе добра и зла.

В литературе тема нравственности приобрела особую остроту и сложность. Писатели отказывались от однозначных оценок и морализаторства, исследуя сложные моральные дилеммы и противоречия человеческой натуры. Достоевский в своих романах («Преступление и наказание», «Братья Карамазовы») показывал борьбу добра и зла в душе человека, исследуя глубинные мотивы человеческих поступков и их последствия. Толстой в своих произведениях («Воскресение», «Отец Сергей») обличал лицемерие и ханжество, проповедуя нравственное самосовершенствование и любовь к ближнему. Чехов в пьесах и рассказах изображал обыденную жизнь с ее мелкими страстями и слабостями, заставляя читателя задуматься о смысле жизни и нравственной ответственности. Символисты, такие как Мережковский и Гиппиус, в своих произведениях исследовали вопросы религиозной нравственности и духовного поиска. Вопросы, на которые значимо найти ответ: где проходит граница между добром и злом в душе человека? Является ли она четкой и неизменной, или же она постоянно смещается, завися от обстоятельств и внутренних мотивов (как это исследует Достоевский)? Может ли высокая цель оправдать безнравственные средства (ключевая дилемма «Преступления и наказания»)? Что является истинным источником нравственности: религиозный закон, общественный долг или внутреннее, индивидуальное чувство (совесть)? Какова мера личной нравственной ответственности за свои поступки и за зло,

происходящее в мире? Возможно ли истинное нравственное самосовершенствование в условиях несовершенного и лицемерного общества (как это ставит Толстой)? Как преодолеть «мелкие страсти и слабости» обыденной жизни, которые приводят к нравственному застою и бессмысленности существования (проблема, затронутая Чеховым)?

В музыке тема нравственности звучала в произведениях композиторов, обращавшихся к религиозным сюжетам и философским идеям. Рахманинов в духовных произведениях («Всенощное бдение», «Литургия святого Иоанна Златоуста») выражал глубокие религиозные чувства и стремление к духовному очищению. Скрябин в своих произведениях пытался создать новую, космическую этику, основанную на идеях всеединства и духовной трансформации.

В искусстве тема нравственности выражалась в изображении моральных дилемм, социальных проблем и духовных исканий. Репин в своих картинах («Бурлаки на Волге», «Крестный ход в Курской губернии») показывал социальную несправедливость и страдания простого народа, призывая к состраданию и милосердию. Нестеров на своих полотнах («Видение отроку Варфоломею», «Святая Русь») создавал образы святых и подвижников, воплощавших высокие нравственные идеалы. Врубель в своих картинах («Демон сидящий», «Пан») исследовал темные стороны человеческой натуры, показывая борьбу добра и зла в душе человека.

В философии тема нравственности стала предметом острых дискуссий и переосмысления. Ницшеанство, получившее широкое распространение в России, ставило под сомнение традиционные моральные ценности, проповедуя индивидуализм и волю к власти. Религиозные философы, такие как Бердяев, Булгаков и Франк, критиковали ницшеанство за его аморализм, но также признавали необходимость переосмысления традиционных нравственных ценностей в свете новых социальных и духовных реалий. Они разрабатывали концепции христианской свободы, ответственности и любви, пытаясь найти новые нравственные ориентиры для человека в эпоху кризиса.

Русские религиозные философы задавались фундаментальными вопросами, стремясь создать новую, живую этику, основанную на христианских принципах: как совместить безграничную личную свободу с необходимостью нравственной ответственности перед Богом, ближним и обществом? Какова цена этой свободы? Ведет ли она к богочеловечеству или к человекобожеству (самообожествлению)?

Конвергенция различных подходов к вопросам нравственности во второй половине XIX – начале XX вв. проявлялась в исследовании сложных моральных дилемм, в поиске новых нравственных ориентиров и в стремлении к духовному обновлению. Литература, музыка, искусство и философия, каждая по-своему, ставили вопросы о смысле жизни, свободе выбора, ответственности за свои поступки и природе добра и зла, создавая многогранный и противоречивый образ нравственной жизни эпохи.

В концепции конвергенции ценностей следует также обратить внимание на ценность семьи, традиционно рассматривавшейся как основа общества и источник нравственности, во второй половине XIX – начале XX вв. подверглась сложным испытаниям и трансформациям. Изменение социальных устоев, рост индивидуализма, эмансипация женщин, новые представления о любви и браке – всё это привело к переосмыслению традиционных семейных ценностей и моделей.

В литературе тема семьи занимала важное место, но трактовалась по-разному. Толстой в романах исследовал различные модели семейных отношений, показывая их как источник счастья и страдания, любви и измены, гармонии и разлада. Чехов в пьесах и рассказах изображал кризис семейных ценностей, показывая отчуждение и непонимание между членами семьи. Символисты, такие как Блок и Гиппиус, в своих произведениях исследовали вопросы духовной близости и любви, ставя под сомнение традиционные представления о браке и семье. Новые литературные течения, такие как феминистская литература, ставили вопросы о равноправии женщин в семье и обществе. Авторы инициировали ключевые вопросы эпохи, на которые искали

ответ современники: является ли брак формой угнетения или, напротив, необходимой основой для духовного развития? И что должно стать истинной основой брака: социальный долг, физическая страсть или духовная близость? Последний вопрос, в частности, остро стоял перед символистами, стремившимися к идеальному союзу душ.

В музыке тема семьи отражалась в операх и романсах, посвященных любовным драмам, семейным конфликтам и отношениям между родителями и детьми. Чайковский в опере «Евгений Онегин» показал трагическую историю любви, разрушенную социальными условностями и неспособностью героев к искренним чувствам. Римский-Корсаков в опере «Царская невеста» изобразил трагические события русской истории, связанные с семейными интригами и борьбой за власть.

В живописи тема семьи выражалась в портретах, жанровых сценах и картинах, посвященных семейным праздникам и событиям. Репин изображал портреты членов своей семьи, передавая их индивидуальность и характер. Кустодиев на своих полотнах («Купчиха за чаем», «Масленица») создавал образы традиционной русской семьи, показывая ее уют и гостеприимство. Художники «Мира искусства» в своих картинах обращались к историческим и литературным сюжетам, изображающим семейные сцены и отношения.

В философии тема семьи обсуждалась в контексте вопросов о нравственности, обществе и государстве. Философы, такие как Бердяев и Булгаков, разрабатывали концепции христианского брака и семьи, основанные на идеях любви, свободы и ответственности. Они критиковали либеральные представления о браке как о простом контракте, подчеркивая его духовное и нравственное значение.

Культурная конвергенция второй половины XIX – начала XX вв. привела к всестороннему анализу института семьи, который охватил критику патриархальных моделей, исследование альтернативных форм союзов, поиск духовного обоснования брака и борьбу за женское равноправие. В результате, литература, музыка, искусство и философия синхронно поднимали вопросы о

природе брака, месте женщины и отношениях поколений, формируя сложный и противоречивый образ семейной жизни той эпохи.

Отметим далее, что в русской истории и культуре укоренились две фундаментальные ценности, тесно связанные, но концептуально различные: общинность и соборность. В период второй половины XIX – начала XX вв. обе эти ценности переживали период глубокого переосмысления и трансформации.

Традиционные представления об общинном единстве и коллективной ответственности, характерные для крестьянской общины и традиционного бытового уклада, сталкивались с мощными вызовами: стремительным ростом индивидуализма, урбанизацией, социальной дифференциацией и появлением принципиально новых форм общественной организации. Это привело к кризису привычных форм социальной общности и поставило под вопрос её дальнейшую жизнеспособность.

Стоит особо подчеркнуть, что соборность, особенно в её православном осмыслении, представляет собой глубоко фундированное, духовно-онтологическое понятие, выходящее далеко за рамки чисто социологического или бытового понимания общинности. Эта идея, разработанная мыслителем Алексеем Хомяковым, описывает не просто внешнее объединение людей, а органическое единство множества свободных личностей, соединённых не принуждением или прагматическим расчётом, а духом и любовью.

Ключевым аспектом православной соборности является сохранение подлинной свободы каждой личности внутри этого единства. Истина здесь постигается не диктатом авторитета и не индивидуальным, изолированным разумом, а всей общиной (Церковью) в духе любви и взаимопонимания. Это процесс, где каждый член вносит свой вклад, и совокупность свободных духовных усилий, одухотворённых верой, приводит к полноте познания. Соборность, таким образом, является антитезой как западному индивидуализму, который может привести к изоляции, так и авторитарному коллективизму, который подавляет личность.

Именно это глубинное понимание соборности формирует уникальный и богатый набор ценностей, являющихся краеугольными для русской культуры и духовной традиции:

- взаимная ответственность и соборная совесть. В отличие от индивидуалистического разделения ответственности, соборность предполагает глубокое переживание сопричастности к судьбе другого и всего целого. Это формирует этику взаимной ответственности, где каждый чувствует себя частью единого организма, а общая совесть становится ориентиром;

- духовное братство и любовь. Соборность строится на принципах христианской любви, превосходящей любые формальные связи. Она порождает ценность подлинного духовного братства, где отношения между людьми основаны на глубоком уважении, милосердии и желании служить друг другу;

- поиск истины в общинном сознании (Церкви). Истина не является прерогативой отдельного мудреца или иерарха, а открывается всему собору через благодать. Это ценность смиренного совместного поиска, исключающего гордыню и догматизм и ведущего к глубокому, живому пониманию;

- жертвенность и самоотречение. Для достижения соборного единства и блага целого требуется добровольное ограничение собственного эгоизма. Ценность жертвенности, готовности отдать себя ради другого и ради общего дела становится одним из высших проявлений соборного духа;

- отказ от эгоизма и доминирования. Соборность принципиально отвергает любые формы эгоистического самоутверждения и стремления к доминированию одной личности или группы над другими. Она утверждает равенство в достоинстве и свободе, где каждый призван к служению, а не к господству.

Эта двойственная динамика – кризис традиционной общинности и активный поиск новых смыслов соборности – нашла яркое отражение в

литературе, музыке, искусстве и философии второй половины XIX – начала XX вв. Мыслители и художники стремились найти новые основания для органического единства, способного преодолеть как атомизацию индивидуализма, так и принудительный коллективизм.

Деятели культуры остро ставили вопросы о природе подлинной общности (в её социальном и духовно-метафизическом измерениях), её роли в жизни человека и общества, а также о сложной диалектике между индивидуальной свободой и различными формами коллективной ответственности или соборного единства.

Русская литература на протяжении XIX в. и особенно в период Серебряного века глубоко осмысляла феномены общности и соборности, воспринимая их как ключевые ценности, тесно переплетённые с национальной идентичностью.

Классики-реалисты, такие как Л.Н. Толстой и Ф.М. Достоевский, обращались к осмыслению общности, преимущественно фокусируясь на её социальных и этических аспектах: Л.Н. Толстой в таких произведениях, как «Война и мир» и «Воскресение», живо демонстрировал внутреннюю мощь и жизнеспособность общинного единства – будь то крестьянская община или широкое народное братство в час испытаний. Он неизменно критиковал эгоизм и индивидуализм, считая их разрушительными для традиционной общественной структуры и её нравственных устоев. Его внимание было приковано к социальной и этической организации коллектива, его способности к солидарности и взаимопомощи в земной, повседневной жизни.

Ф.М. Достоевский, хотя и отталкивался от зримой социальной реальности, проникал значительно глубже в нравственные и духовные основы совместного бытия. В романах «Братья Карамазовы» и «Бесы» он исследовал, как коллективная жизнь при всей своей трагичности и противоречивости может стать пространством для исцеления, покаяния и духовного преображения. Его видение общины часто поднималось до предчувствия истинного соборного единства, основанного не просто на соседстве, а на

принципах христианской любви, всеобщего сострадания и разделения бремени греха и искупления. Для Достоевского община служила не только формой бытия, но и полем ожесточённой борьбы за человеческую душу, преддверием высшего духовного союза.

С наступлением Серебряного века фокус сместился, и мыслители и художники ещё более активно обратились к понятию соборности в её метафизическом и духовном измерениях. Символисты, в частности А. Блок и А. Белый, в своих произведениях выражали страстное стремление не к повседневному общинному быту, а к глубочайшему духовному единству и всечеловеческому братству. Для них это было не социальным устройством, а, скорее, мистическим, метафизическим путём к спасению мира, преодолением всеобщей разобщённости и атомизации через внутреннее, идеальное единение душ. Их трактовка соборности вписывалась в широкий контекст идей богочеловечества, мистического синтеза и преображения всего бытия, что значительно отличалось от более приземлённого, реалистического изображения повседневной общины.

В музыкальном искусстве, подобно литературе, осмысление общинности и соборности занимало значительное место, отражаясь в различных жанрах и композиторских подходах. При этом музыкальные средства позволяли не только фиксировать социальные проявления коллективности, но и выражать глубокие духовные устремления к единению.

Феномен общинности наиболее явственно проявлялся в произведениях, вдохновлённых народными мелодиями, хоровыми традициями и обрядовыми действиями, где коллективный дух народа становился движущей силой.

М.П. Мусоргский, например, в операх – особенно в «Борисе Годунове» и «Хованщине» – создал монументальные народные сцены и мощные хоровые эпизоды. В них он передавал не просто сумму отдельных голосов, но дух русского народа как единого целого, его коллективную судьбу, страсти и чаяния. Однако музыкальный язык также предоставлял уникальные возможности для выражения соборности как более глубокого, духовно-

онтологического единства. Эта тенденция особенно ярко проявилась в духовной музыке. С. В. Рахманинов в таких знаковых произведениях, как «Всенощное бдение» и «Литургия святого Иоанна Златоуста», поднял хоровое пение на новую высоту, сделав его не просто выражением религиозных чувств, но средством к достижению духовного единства. В этих сочинениях полифоническое плетение голосов, масштабное и безмерное хоровое звучание создают ощущение соборной молитвы, где каждый отдельный голос растворяется в общем, мистически переживаемом единении верующих. Здесь цель не столько демонстрация коллективной идентичности, сколько стремление к трансцендентному, благодатному единению во Христе, к ощущению себя частью универсального церковного Тела, что лежит в основе православного понимания соборности.

В изобразительном искусстве русские художники также активно исследовали феномены общинности и соборности, воплощая их в своих полотнах, но с различными акцентами и художественными задачами. Визуальные образы позволяли запечатлеть как зримые формы коллективного бытия, так и более глубокие, идеальные стремления к духовному единству.

Илья Репин, как выдающийся мастер реалистического направления, сосредоточился на общинности как на живом социальном феномене. Его монументальные картины, такие как «Не ждали» или «Запорожцы пишут письмо турецкому султану», глубоко раскрывают жизнь, страдания и, что особенно важно, внутреннюю солидарность простого народа. Виктор Васнецов, напротив, обращаясь к русскому фольклору и мифологии, подошёл к идее единства с иной стороны, скорее предвосхищая или символически воплощая грани соборности. Его хрестоматийные «Богатыри» или «Витязь на распутье» создают не просто образы защитников конкретной общины, но архетипических народных героев, воплощающих глубинный, идеализированный образ русского духа и его готовности к жертве за общие, высшие идеалы. Через эпические сюжеты и символическую образность Васнецов стремился выразить не столько социальное сплочение, сколько

духовное единство нации, её мифологическое самосознание, которое лежит в основе более широкого, почти сакрального понимания общности.

В русском философском дискурсе понятия общности и соборности стали предметом глубоких концептуальных споров и многогранного переосмысления, формируя центральные линии развития мысли. Философы критиковали как атомизирующий индивидуализм, разрушающий связи между людьми, так и дегуманизирующий коллективизм, подавляющий свободу и уникальность личности. Они искали не просто гармонию между личностью и общностью, а диалектический синтез, в котором свобода личности не противоречит, а реализуется в подлинном, духовно-преображённом единстве.

Каждая из областей культуры – литература, музыка, изобразительное искусство, философия – вносила свой уникальный вклад в эту дискуссию, формируя многомерный и зачастую противоречивый образ единства эпохи. Писатели, поэты и композиторы активно интегрировали философские и богословские идеи о свободном единстве в любви и преображающей силе благодати в свои произведения. Они стремились исследовать сложнейшие нравственные и духовные проблемы человеческого бытия в контексте именно соборного идеала, где коллектив понимался как органическое целое, а не просто сумма индивидов. Эта эпоха, таким образом, не просто констатировала наличие общинных форм, но и искала пути к подлинной соборности, видя в ней ключ к преодолению кризисов и основу для будущего развития.

– Ценность служения, традиционно почитаемая в отечественной культуре, во второй половине XIX – начале XX вв. обрела новые смыслы и формы выражения. Идея бескорыстного служения обществу, народу, ближнему, готовность к самопожертвованию во имя высших целей – всё это переосмысливалось в контексте социальных перемен, духовных исканий и личностного самоопределения. Конвергенция этих тенденций отразилась в литературе, музыке, искусстве и философии, ставя вопросы о смысле служения, его мотивах и границах, соотношении личного и общественного блага.

В литературе тема служения проявлялась в различных формах. Писатели-реалисты изображали героев, посвятивших себя служению народу, просвещению, медицине, науке. Чехов²²⁴ в своих пьесах («Дядя Ваня», «Три сестры») показывал трагические судьбы людей, мечтавших о служении, но не нашедших своего места в жизни или разочаровавшихся в своих идеалах. Символисты, такие как Блок и Белый, в своих произведениях выражали стремление к духовному служению, преображению мира через искусство и культуру. Многообразие этих литературных подходов породило ряд острых вопросов, над которыми размышляли современники: в чем заключается истинный смысл служения в эпоху кризиса идеалов? Должно ли оно быть направлено на конкретные социальные нужды (народ, наука, медицина) или на высшие, духовные цели (искусство, преображение мира)? Каковы должны быть мотивы служения? Является ли служение бескорыстным актом самопожертвования, или оно может быть также формой самореализации и поиском смысла жизни? Как отличить подлинное служение от имитации, жертвенности от самообмана (проблема, часто поднимаемая Чеховым)? Может ли искусство и культура быть формой служения (как считали символисты), или служение обязательно должно быть связано с практической, социальной деятельностью? Возможно ли «служение» в условиях бездействия и неспособности к поступку (проблема «лишнего человека» и героев Чехова)?

В музыке тема служения отражалась в операх и симфониях, посвященных героическим событиям и личностям. Глинка в опере «Иван Сусанин» создал образ народного героя, пожертвовавшего жизнью ради спасения Родины. Мусоргский в своих операх («Борис Годунов», «Хованщина») изображал трагические события русской истории, показывая силу и стойкость русского народа в борьбе за свои идеалы.

В искусстве тема служения выражалась в картинах, изображающих подвиги, жертвы и самоотверженность людей, посвятивших себя служению другим. Репин в своих картинах («Бурлаки на Волге», «Отказ от исповеди

²²⁴Чехов А. П. Повести и рассказы. М. : Просвещение, 1986. 192 с.

перед казнью») показывал страдания и стойкость простых людей, ставших жертвами социальной несправедливости и политического угнетения. Художник Ге в картине «Что есть истина?» изображал Христа перед Пилатом, показывая нравственный выбор между истиной и компромиссом.

В философии тема служения стала предметом острых дискуссий и переосмысления. Толстой в религиозно-философских трактатах проповедовал идею непротивления злу насилием и призывал к служению ближнему через любовь и сострадание. Религиозные философы, такие как Бердяев, Булгаков и Франк, разрабатывали концепции христианского служения, основанные на идеях свободы, ответственности и любви. Они критиковали индивидуализм и эгоизм, подчеркивая необходимость служения Богу и ближнему. В культуре второй половины XIX – начала XX вв. произошло мощное слияние подходов к служению, что привело к критике эгоизма и индивидуализма. Литература, музыка, искусство и философия, каждая своими средствами, превратили смысл, форму и возможности служения в центральную тему, сформировав многогранный и противоречивый образ служения эпохи.

– В период второй половины XIX – начала XX вв. ценность красоты в литературе, музыке, искусстве и философии приобрела особую остроту и рефлексивность, оказав существенное влияние на развитие культуры. Этот период характеризуется кризисом позитивистского мировоззрения, поиском новых форм и смыслов, а также повышенным вниманием к субъективному, духовному и эстетическому. На этом фоне перед культурными деятелями и мыслителями встали фундаментальные вопросы о природе эстетического: что такое красота? Является ли она объективным свойством мира, отражением божественной гармонии (как у Соловьева), или же она полностью субъективна и зависит от восприятия художника и зрителя? Какова роль красоты в преображении мира? Может ли красота спасти мир (как у Достоевского) или она лишь уводит от суровой реальности? Какова связь между красотой, истиной и добром? Должна ли красота быть нравственной, или она самоценна и может быть аморальной (эстетизм)?

В литературе второй половины XIX – начала XX вв. красота становится не только предметом изображения, но и самоцелью, принципом художественного построения. Символисты, такие как Александр Блок, Андрей Белый и Вячеслав Иванов, видели в поэзии средство проникновения в мир идеального, трансцендентного. Язык становится насыщенным метафорами, символами и аллюзиями, стремясь передать неуловимые оттенки чувств и настроений. Эстетика декаданса, пронизывающая произведения Константина Бальмонта²²⁵, воспекает красоту порока, упадка и меланхолии. В поэзии Блока красота часто неотделима от трагедии, тоски и предчувствия грядущих катастроф. Роман «Петербург» Андрея Белого представляет собой сложный сплав мистики, философии и поэзии, стремящийся передать красоту хаоса и противоречий современного мира.

В музыке рубежа веков происходит отход от классических канонов и поиск новых выразительных средств. Композиторы, такие как Александр Скрябин и Сергей Рахманинов, экспериментируют с гармонией, ритмом и тембром, стремясь создать музыку, способную воздействовать на самые тонкие струны человеческой души.

В искусстве появляется множество новых направлений, таких как модерн, символизм и авангард. Модерн, с его плавными линиями, орнаментальностью и вниманием к деталям, стремится к созданию гармоничного и изысканного образа. Символизм, в свою очередь, использует аллегории и символы для выражения скрытых смыслов и идей. Представители авангарда, такие как Казимир Малевич и Василий Кандинский, отказываются от реалистического изображения мира, стремясь к выражению чистых форм и эмоций. Например, работы Густава Климта с их золотым блеском и эротизмом воплощают эстетику модерна. Картины Михаила Врубеля с их мистической атмосферой и символическим содержанием являются ярким примером символизма.

²²⁵ Библиография К. Д. Бальмонта. Произведения поэта на русском языке, изданные в России, СССР и Российской Федерации (1885–2005). 2006. 488 с.

– Одной из ключевых ценностей этой эпохи становится творчество, понимаемое в самом широком смысле. Культ свободы творчества, уникальности творческой индивидуальности, гения, противопоставляемого «профанной толпе», способной не к созданию нового, а лишь к воспроизводству уже существующего, был чрезвычайно распространен. Смысл творчества не в создании чего-то нового, а в том, чтобы стать новым человеком. Такое противопоставление неизбежно порождало элитарность в культуре. В этой среде расцветают неоромантические настроения, подчеркивающие исключительность отдельных событий и личностей, радикальных идей, способных перевернуть мир.

Статья Михаила Гершензона «Творческое самосознание», вышедшая на страницах известного сборника «Вехи»²²⁶, стала своеобразным манифестом для творческой интеллигенции начала XX в., призывом к переосмыслению глубинных истин и ценностей, осознание которых позволит предотвратить радикальные преобразования, имеющие лишь внешнюю привлекательность. Философский трактат Константина Эрберга «Цель творчества»²²⁷ задавал глубокие вопросы о природе творчества и его месте в жизни человека: что движет творцом? В чем смысл его усилий?

Самым ярким выражением культа творчества, царившего в русской культуре, стала книга Николая Бердяева «Смысл творчества»²²⁸. Бердяев пытается раскрыть тайну творчества, найти его глубинный смысл и значение для человеческого бытия. Он приходит к выводу, что творчество – это не просто способ самовыражения, а путь к преображению мира, созданию новой реальности, основанной на духовных ценностях.

Именно эти культурные артефакты, каждый по-своему, способствовали тому, что творчество стало восприниматься как абсолютная ценность, как высшее проявление человеческого духа. Это, в свою очередь, привело к тому,

²²⁶Вехи : сборник статей о русской интеллигенции, с приложением «Библиографии вех» [сочинения] Н. А. Бердяева, С. Н. Булгакова, М. О. Гершензона. 4-е изд. М. : типо-литография товарищества И. Н. Кушнерев и К^о, 1909. 219 с.

²²⁷Эрберг К. Цель творчества : Опыты по теории творчества и эстетики. М. : Рус. мысль, 1913. 253 с.

²²⁸Бердяев Н. А. Смысл творчества. М. : АСТ ; Хранитель, 2007.

что любая деятельность культурной элиты второй половины XIX – начала XX вв. от литературы и искусства до философии приобрела творческий характер. Творчество перестало быть уделом избранных и превратилось в стиль жизни. Это была эпоха, когда каждый стремился быть творцом, будь то художник, поэт, философ или даже политик, и в этом стремлении, безусловно, крылась как сила, так и слабость. Этот феномен конвергенции, отражающий стремление к всеединству, характеризуется не только интеграцией различных аспектов культуры, но и возникновением особого художественного поля. Именно это поле оказывало значительное влияние на развитие и трансформацию общества, определяя его ценностные ориентиры и модели поведения, поскольку «творчество, по своей сути, является актом символизации, придающим смысл реальности и формирующим новые ценностные горизонты»²²⁹.

Итак, проанализировав различные объекты культуры – от литературных произведений и музыкальных композиций до произведений изобразительного искусства и архитектурных шедевров, – мы можем наблюдать, как в них выражаются и воплощаются ценности – моральные принципы, идеалы, убеждения, формирующие основу человеческого существования и определяющие наше отношение к миру и друг другу. Эти ценности предстают перед нами в многообразии форм – от глубоко личных до общественно значимых и универсальных.

Рассмотренная система, включающая соборность, справедливость, духовность, народность, и другие ключевые элементы, предстала не как статичный набор, а как динамичная, внутренне конфликтная конструкция, подверженная влиянию социальных изменений и глубокого кризиса традиционного мировоззрения. Амбивалентность, поляризация, поиск синтеза, утопизм, идеализация и критичность, присущие этим ценностям, указывают на активный поиск новых духовных ориентиров и национального

²²⁹ Лангер С. Философия в новом ключе. Исследование символики разума, ритуала и искусства. М. : Республика, 2000. 286 с.

самоопределения. Этот поиск, пронизанный стремлением к справедливости, общинности, состраданию и одновременно столкновением рационализма и иррационализма, лежит в основе разработанной авторской концепции конвергенции ценностей. Данная концепция позволяет рассматривать самобытность культуры через призму культурной ценностно-смысловой системы и выделяет специфические черты конвергенции в контексте второй половины XIX – начала XX вв.

Таким образом, проделанный в ходе исследования поиск оснований конвергенции в различных формах культурного развития не только подтверждает жизнеспособность предложенной авторской концепции, но и эксплицирует её методологические принципы, что в полной мере коррелирует с третьим положением, выносимым на защиту.

Глава 2. Культурфилософская рефлексия «художественного поля» в концепции конвергенции ценностей отечественной культуры второй половины XIX – начала XX вв.

2.1. Принципы «онтологизации» в концепции конвергенции ценностей отечественной культуры второй половины XIX – начала XX вв.

Настоящий параграф посвящен выявлению принципов «онтологизации» культуры как сущностного гносеологического процесса, лежащего в основе разработки концепции конвергенции и последующего анализа «художественного поля» как одного из ключевых результатов конвергенции ценностей. Именно такой ракурс позволяет создать объяснительную модель конвергенции ценностей, способную адекватно отразить динамику состояния и развития культуры в обозначенный исторический период – вторую половину XIX и начало XX века, включая уникальный феномен Серебряного века.

На наш взгляд, разработка концепции конвергенции ценностей отечественной культуры требует учета следующих принципов «онтологизации». Во-первых, это герменевтический принцип, который предоставляет инструментарий для многосторонней интерпретации вариативности ценностей культуры. Он позволяет глубоко проникать в процессы символизации реальности, которые служат фундаментом для возникновения и взаимодействия различных ценностных категорий.

Во-вторых, принцип интериоризационного анализа, ориентированный на исследование опыта взаимовлияния ценностных структур бытия, как на субстанциональном, так и на цивилизационном уровнях. Такой анализ критически важен для объяснения культурных изменений, проистекающих, прежде всего, из внутреннего потенциала развития самой культуры, что обусловлено ее системными характеристиками.

В-третьих, принцип структурирования различных элементов культурного развития, включающий, например, анализ межпоколенческого

опыта носителей культуры. Этот опыт оказывает прямое влияние на процессы ценностных изменений: преемственность поколений обеспечивает духовную безопасность и трансляцию ценностного опыта, тогда как разрывы и «сломы» в этих связях, напротив, способствуют усилению процессов модернизации и возрастающему влиянию внешних детерминантов на культурную динамику.

Использование такого комплексного подхода к «онтологизации» культуры непосредственно нацелено на выявление результатов конвергенции ценностей. Среди этих результатов особое место занимает формирование и динамичное развитие «художественного поля», которое трактуется в данном исследовании как обладающее выраженным культуросозидательным характером.

«Художественное поле» рассматривается как структурированное ценностно-смысловое пространство, возникающее в результате конвергенции ценностей и представляющее собой совокупность взаимосвязанных художественных, интеллектуальных и духовных практик, осуществляемых индивидами и социальными группами. В рамках данного поля происходит производство, распространение и потребление художественных ценностей, оказывающих влияние на формирование культурной идентичности и мировоззрения.

«Художественное поле» – это результат конвергенции ценностей, ее материальное воплощение в культурном контексте. Без конвергенции ценностей затруднительны радикальные преобразования в культуре, невозможен генезис «художественного поля», способного трансформировать наше понимание мира и человеческой природы.

Настоящее исследование предлагает рассматривать «художественное поле» и «конвергенцию ценностей» в качестве взаимозависимых элементов единой социокультурной динамики. Их взаимосвязь базируется на том, что конвергенция ценностей выступает катализатором, своего рода «двигателем» формирования «художественного поля», которое, в свою очередь, представляет собой ее материальное воплощение в культурной среде.

Развивая идею о взаимозависимости конвергенции ценностей и формирования художественного поля, следует отметить, что в отечественной культуре второй половины XIX – начала XX вв. этот процесс протекал особенно интенсивно и драматично. Точкой отсчета этого процесса становится взаимодействие, столкновение, а впоследствии интеграция разнообразных ценностных ориентиров, присущих различным сферам человеческой активности: философской, религиозной, научной, художественной, моральной и другим. Данное взаимодействие провоцирует напряжение, стимулирует потребность в пересмотре сложившихся норм и правил, в поиске новых смысловых горизонтов. Именно на этом этапе происходит конвергенция, понимаемая как «встречное движение», «сращивание», «обогащение» различных ценностных установок.

Этот период представлял собой концентрацию творческой энергии и расцвет интеллектуальной жизни, ознаменованный деятельностью плеяды выдающихся деятелей культуры, которые осознавали искусство, литературу, музыку и другие формы культурного самовыражения не просто как эстетические феномены, но как мощные инструменты воздействия на общественное сознание, активные проводники конвергенции ценностей.

Представители интеллигенции стремились к воплощению масштабных социальных и духовных идеалов, используя мысль, символ, звук, холст и движение не только для трансляции существующих ценностей, но и для активного формирования новых смыслов.

Отсюда можно говорить о формировании особого «художественного поля», представляющего собой динамичную систему социальных отношений, взаимовлияния культурных институтов и различных художественных практик.

При этом стоит заметить, что хотя в нашем анализе и используется понятие «поля» П. Бурдье, применимое как в социальном, так и в культурфилософском ракурсе, необходимо подчеркнуть принципиальное отличие. Если П. Бурдье определял «художественное поле» преимущественно

как автономную ценностно-смысловую систему, отражающую символизацию реальности на основе социальных отношений и борьбы за символический капитал, то в контексте данного исследования утверждается, что «художественное поле» является скорее не автономной, а конвергентной системой ценностей и норм. Оно объединяет в себе идеи, творческие практики и ценностные искания деятелей культуры и искусства, где символизация реальности происходит по принципу глубинного соотношения различных начал – например, природного начала бытия и природы самого человека.

Однако конвергенция ценностей не ограничивается уровнем абстрактных процессов. Она находит свое отражение в конкретных формах культурного творчества, в создании новых произведений искусства, философских идей, научных открытий, социальных инициатив и т. д. Именно эти новообразования, обладающие уникальной ценностно-смысловой структурой, мы и определяем как «художественное поле».

«Художественное поле» в данном контексте – это не просто набор артефактов, а ценностно-смысловая система, возникающая в результате конвергенции различных ценностей и предлагающая альтернативное видение реальности, новый способ восприятия и осмысления мира. Оно концентрирует в себе энергию сближения и противостояния ценностей, становится «пространством», где происходит переоценка прошлого и проектирование будущего.

Это поле действует как своего рода первичная матрица смыслов, которая формирует общий посыл, направляя творческие импульсы различными художественными средствами; задает доминирующий вектор развития культурной среды, определяя основные направления и тенденции; устанавливает преобладающий тон эпохи, влияя на эстетическое восприятие и ценностные ориентиры.

В данном контексте, участники поля – художники, институции, публика – не столько создают это поле через обмен идеями, сколько действуют в его границах, актуализируют его внутренние установки и резонируют с уже

существующими доминантами. Конвергенция ценностей при таком подходе отражает способность деятелей культуры улавливать и воплощать структурирующий посыл, который определяет сущность и направленность «художественного поля». Таким образом, поле выступает как мощная предзаданная сила, организующая культурное производство и восприятие.

Чтобы углубить наше понимание механизмов, управляющих этим полем, необходимо обратиться к вопросу об отношении к реализму.

Это важно по целому ряду причин. Во-первых, рассмотрение отношения к реализму позволяет понять, какие ценности доминируют в «художественном поле» второй половины XIX – начала XX вв. Реализм, как художественный метод и мировоззрение, предполагает определенное понимание правды, объективности и роли культуры в обществе. Разные интерпретации реализма отражают разные системы ценностей.

Во-вторых, вопрос о реализме тесно связан с темой конвергенции, поскольку поиск общего культурного знаменателя часто опирается на представление о «правдивом» отражении действительности. Стремление к общему пониманию реальности и способов ее изображения является одним из факторов, способствующих сближению ценностей и формированию общих художественных ориентиров.

В-третьих, именно через призму отношения к реализму мы можем лучше понять динамику «художественного поля», анализируя, как различные участники поля – художники, критики, институции – борются за определение «правильного» или «истинного» искусства.

Вопрос эпохи актуализировал понятие «реализма», что в переводе на язык философии означает «правда в высшем смысле слова», суть вещей как таковых не в бытийном значении, а в экзистенциальном. Деятели культуры и искусства стремились в своем поиске к общему культурному знаменателю, но имели разные взгляды, обусловленные политическими и экономическими событиями рубежа веков.

Таким образом, запрос времени на правдивое изображение действительности, стал катализатором для кристаллизации «художественного поля». Спор за «правду» и «истину» выражался через следующие ключевые противоречия в ценностях переходной эпохи:

- соотношение между традиционализмом и модернизмом. Приверженность традиционным ценностям, с ориентацией на прошлое и идеализацией крестьянской общины, соотносилась со стремлением к модернизации, к построению современного индустриального общества по западному образцу;

- соотношение между западничеством и славянофильством. Дискуссия о путях развития России, о выборе между западной моделью и самобытным славянским путем, выражалась в соотношении между стремлением к интеграции в европейскую культуру, заимствованию западных технологий и институтов (западничество) и отстаиванием уникальности русской цивилизации, ее духовных ценностей и особого пути развития (славянофильство);

- соотношение между индивидуализмом и коллективизмом. Ценности индивидуальной свободы, самореализации и личного успеха соотносились с ценностями коллективной ответственности, общинного единства и социальной справедливости;

- соотношение между духовностью и материализмом. Стремление к духовным идеалам, нравственному совершенствованию соотносилось с ценностями материального благополучия, комфорта и потребительства.

В контексте рассматриваемого периода сформировалось особое «художественное поле», которое не сводилось к простому отражению действительности или критике, но представляло собой динамичное пространство, аккумулирующее глубинные идеи и ценности. Эти ценности были направлены на преобразование общества, повышение его человечности, благородства, нравственности, морали, расцвет образования и творчества, а также укрепление патриотизма. Данное поле создавало мощный

общественный подтекст, который не только мотивировал людей к самосовершенствованию и изменению к лучшему, но и активно формировал их стремления и желания.

На наш взгляд, ключевыми характеристиками «художественного поля» являются:

- идеалы гуманизма: вера в человека, его потенциал и необходимость социальной справедливости;

- критический настрой: оценка существующих социальных и политических порядков с целью их улучшения;

- национальная идентичность: поиск и утверждение уникального русского пути в искусстве и культуре;

- моральный императив: художники ощущают ответственность за нравственное состояние общества и пытаются влиять на него через свое искусство.

Понимание внутренней логики и ценностей «художественного поля» крайне важно для осмысления конвергенции ценностей. Как мы видим, «реализм» здесь не просто отражение «как есть», а активная попытка формирования определенной системы ценностей в обществе. Художники этого направления не просто фиксируют реальность, а транслируют идеалы, критикуют недостатки и стремятся к созданию более справедливого и гуманного мира. Однако важно отметить, что на горизонте возникает новая проблема, которая ставит под вопрос эффективность «художественного поля»: проблема понимания. Кризис народничества в 70-е годы выявил разрыв между интеллигенцией и народом, обнажив «непрерывную цепь взаимного непонимания». Поиск эффективных средств воздействия на воспринимающего (зрителя, слушателя) становится центральной задачей не только для теоретиков искусства, но и для практиков – художников-передвижников и композиторов «Могучей кучки».

Важность этой проблемы уловили и В. Розанов²³⁰, опубликовавший в 1886 году свою первую работу «О понимании», и В. Соловьев²³¹ в «Философских началах цельного знания». Л. Н. Толстой в работе «О природе искусства»²³², опубликованной в 1897–98 годах, но содержащей мысли, сформированные ещё в 1880-е годы, подчеркивает, что искусство служит важным инструментом коммуникации и взаимопонимания между людьми. Основная цель искусства, по его мнению, состоит в передаче чувств и эмоций, заставляющих зрителя или слушателя переживать те же ощущения, что испытывал создатель произведения.

При этом на другом полюсе общественного мнения набирает силу идея примирения и преодоления разобщенности. Речь Ф.М. Достоевского на Пушкинском празднике, призывавшая к объединению сил и прекращению вражды в искусстве, нашла широкий отклик. Д.С. Мережковский²³³, в свою очередь, говорил о необходимости «терпимой и всепримиряющей среды», «культурного воздуха» и «живого взаимодействия», которые позволили бы примирить прошлое и настоящее русской культуры. Этот запрос на примирение, возможно, отражает назревающую усталость от постоянной критики и конфронтации, и указывает на сдвиг в сторону поиска новых способов консолидации общества и культуры.

Еще одним важным аспектом было сближение этики и эстетики, когда нравственные критерии стали применяться к оценке художественных произведений, а эстетические – к оценке общественных явлений. Искусство должно было быть не только красивым, но и нравственным, правдивым, полезным для общества. Важнейшая особенность этого периода, по мнению Д. Овсянико-Куликовского, состоит в том, что в это время сформировалась «внутренняя потребность расширить свой кругозор и ввести в сферу своих

²³⁰Розанов В. В. Указ. соч. О понимании. Опыт исследования природы, границ и внутреннего строения науки как цельного знания. М. : Тип. Э. Лисснера и Ю. Романа, 1886

²³¹Соловьев В. Указ. соч.

²³²Толстой Л. Н. Указ. соч.

²³³Мережковский Д. С. Указ. соч.

умственных и моральных интересов многое, что до того времени оставалось незамеченным или неоцененным»²³⁴.

Можно предположить, что несоответствие между внешним ощущением и глубинной значимостью происходящих процессов – одна из существенных особенностей тех этапов, когда происходит изменение основных эстетических принципов. Эта же тенденция проявлялась и в отказе от преобладавшего ранее принципа социологизирования в изображении общества, переходе к рассмотрению человека в системе нравственных, этических категорий. Как утверждение конкретной позитивной, нравственной деятельности по отношению к человеку можно рассматривать и возникшую в 80-е годы теорию «малых дел», столь часто критиковавшуюся в XX веке – веке «грандиозных дел». Сторонниками этой теории были и Л. Толстой (статьи «О переписи» и «Так что же нам делать»), и А. Чехов, и поздний «либеральный» народник И. Каблиц (Юзов), который утверждал: «Каждый из нас должен принять участие в том взаимодействии, которое оказывают друг на друга различные общественные элементы, и примкнуть к тому или другому»²³⁵.

Таким образом, очевидно формирование конвергентной среды в обществе второй половины XIX – начала XX вв., в которой происходят процессы слияния, определенного художественного синтеза и, появление особой культурной среды, художественного поля, имеющего характер субъектного, формирующего начала.

Резюмируя итоги анализа отечественной культуры второй половины XIX – начала XX вв., следует отметить формирование особого «художественного поля». Это поле представляет собой живую систему общественных связей и творческих практик, ставшую пространством для утверждения новых ценностных ориентиров. В указанный период данная среда превратилась в место активного сближения социальных, философских, научных и духовных смыслов. Упадок

²³⁴Ляшенко О. В. Социально-политическое мифотворчество в контексте современной российской культуры : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Ставрополь, 2003. 20 с.

²³⁵Каблиц И. И. Интеллигенция и народ в общественной жизни России. СПб. : Тип. Н. А. Лебедева, 1886. 305 с.

академизма, стремление искусства к решению общественных задач, поиск национальных истоков и сближение науки с творчеством — все эти процессы свидетельствуют о рождении новой системы ценностей в границах данного культурного пространства.

Принципы «онтологизации», включенные в авторскую концепцию, позволяют увидеть в конвергенции ключевое условие для обретения культурой устойчивости. Такой подход требует отказаться от упрощенного понимания этого времени только как «кризисного слома» и сосредоточиться на изучении «художественного поля» как целостного «ответа» на потребность в объединении. Описанная закономерность полностью соответствует четвертому положению на защиту, подтверждая значимость этого поля для сохранения исторического опыта и обеспечения духовной безопасности человека в эпохи масштабных перемен.

Для более глубокого понимания специфики и новаторства этих процессов, а также выявления конкретных механизмов столь всеобъемлющей интеграции, необходимо обратиться к персоналиям, чье творчество явилось непосредственным воплощением подобного стремления. Одним из наиболее ярких и показательных примеров такой конвергенции ценностей в рассматриваемый период является Павел Флоренский – выдающийся русский философ. Его мировоззрение, основанное на глубоком религиозном опыте и философской рефлексии, охватывало широкий спектр областей знания – от математики и физики до теологии и искусства, что делало его фигурой, системно преодолевающей традиционные разрывы между различными сферами бытия.

2.2. Опыт конвергенции ценностей культуры в концепции синтеза знаний Павла Флоренского

В предыдущем параграфе было показано, что отечественная культура второй половины XIX – начала XX вв. представляла собой динамичное «художественное поле», сформированное в результате интенсивной

конвергенции ценностей и подготовившее почву для глубоких аксиологических трансформаций. Для всестороннего раскрытия природы и потенциала этой конвергенции, а также выявления конкретных механизмов столь всеобъемлющей интеграции, необходимо обратиться к творчеству мыслителей, чьи концепции стали ярким воплощением подобного стремления.

Одним из наиболее показательных примеров является Павел Флоренский – выдающийся русский философ, теолог, ученый и искусствовед. Творческое наследие П. Флоренского выступает не просто в качестве исторической иллюстрации, а служит репрезентативным подтверждением действенности концепции конвергенции. В рамках предлагаемой модели идеи синтеза различных областей знания интерпретируются как кульминация интеграционных процессов эпохи. Обращение к философско-культурологическим построениям мыслителя обусловлено наличием в них глубокого диалога между искусством, религией и наукой. Подобный анализ позволяет верифицировать теоретические параметры «художественного поля» через выявление специфических сочетаний традиционных и инновационных ценностных структур бытия.

Мировоззрение П. Флоренского, основанное на глубоком религиозном опыте и философской рефлексии, охватывало широкий спектр областей знания от математики и физики до теологии и искусства, что делало его фигурой, системно преодолевающей традиционные разрывы между различными сферами бытия. Флоренский стремился к преодолению разрыва между наукой и религией, разумом и верой, материальным и духовным. В своей работе «Общечеловеческие корни идеализма» он определил «специализацию – моноидеизм как губительную болезнь века, которая требует себе больше жертв, нежели чума, холера и моровая язва»²³⁶. Он видел в каждой из этих сфер различные, но взаимодополняющие пути к постижению Истины. Философско-метафизические воззрения Павла Флоренского формируют единый комплекс взглядов, направленных на изучение базовых аспектов

²³⁶Флоренский П. А. *Общечеловеческие корни идеализма* // Сочинения : в 4 т. Т. 3(2). М. : Мысль, 2000. С. 148.

сущего и утверждение абсолютной значимости истины в свете христианства. Его концепция «конкретной метафизики» предполагала изучение конкретных явлений и символов, чтобы выявить их глубинные смыслы и связи с высшими духовными принципами.

Мировоззрение Флоренского оказало значительное влияние на русскую культуру, вдохновив многих художников, писателей и философов на поиски новых форм синтеза и конвергенции ценностей. «Флоренский был одним из немногих мыслителей, кто сумел соединить в своем творчестве достижения науки и духовный опыт религии»²³⁷. Этот синтез, однако, не был простым компромиссом, а, скорее, попыткой построить новое, целостное мировоззрение, в котором наука и религия рассматриваются как взаимодополняющие способы познания мира.

«Для Флоренского наука и религия были не взаимоисключающими, а взаимодополняющими способами познания мира, каждый из которых имел свои преимущества и ограничения»²³⁸. Этот тезис подчеркивает стремление Флоренского к интеграции различных областей знания, что является характерной чертой его интеллектуальной деятельности.

Центральным трудом Павла Флоренского, иллюстрирующим опыт конвергенции ценностей, выступает произведение «Столп и утверждение Истины». Книга не предлагает строго упорядоченного изложения ортодоксальной доктрины. Она является исповедью философа, погруженного в веру, прошедшего сквозь встречу с Божественным и пытающегося осмыслить полученный опыт посредством категорий и методов христианской теологии. Жанр исповеди, выбранный автором, ясно обозначает персональный, глубоко внутренний характер его религиозных поисков. Автор подчеркивает исключительную значимость церковного опыта, коллективного единомыслия и исторической преемственности как главных источников достоверного знания о Боге. Церковную истину он ставит выше

²³⁷ Богатырев Р. Пространства Флоренского. Искусство, образ, символ. Избранные фрагменты. 1922–1924. URL: https://philologos.narod.ru/florensky/fl_space.htm

²³⁸ Бычков В. В. Эстетика Павла Флоренского. М., 2019.

индивидуального рационализма и субъективизма, заявляя, что истина доступна лишь через совместное восприятие верующими, связанными общими убеждениями и духовными целями. Произведение знаменует собой не просто попытку согласованности между верой и разумом, но и создание нового «художественного поля» мысли, где теологические догматы преобразуются в метафизические конструкции, открытые для философского и даже научного осмысления, становясь при этом источником эстетического переживания. Это яркий пример того, как конвергенция ценностей «Истины», «Веры» и «Красоты» происходит на глубинном, системном уровне.

Флоренский пытается построить полноценную христианскую метафизику – философскую систему, основанную на христианском Откровении. Он осуществляет попытку пересмотреть базовые понятия метафизики – бытие, сущность, существование, причину – с позиции христианской веры, что предполагает детальное исследование теологических вопросов. Определяющее влияние на формирование его оригинальных взглядов оказывают идеи отцов церкви и восточных мистиков. Основываясь на них, Флоренский выстраивает собственную систему, где ключевым элементом для понимания устройства мироздания служат принципы троичности и боговоплощения. Особое внимание он уделяет не только существованию Бога, но и Его влиянию на окружающую действительность. Цель его интерпретации христианства – представить его как целостную концепцию, дающую ответы на главные вопросы о предназначении человека, его природе и положении в космосе.

Через понятие Софии Флоренский соединяет теологию, философию, науку и искусство, воплощая идею единства различных областей человеческого опыта в общее духовное пространство, что свидетельствует о глубине и оригинальности его мышления. Эта концепция не только сама по себе является вершиной конвергенции ценностей, прежде всего духовности, красоты и знания, но и предлагает мощную аналитическую модель для понимания формирования других «художественных полей». Именно через

призму софийности можно глубоко исследовать, как в произведениях других мыслителей и художников эпохи религиозные, философские и эстетические начала активно взаимопроникают, создавая новые, целостные системы смыслов.

Павел Флоренский решительно противостоял отвлечённым идеям идеализма и обезличенному коллективизму, выдвигая на первый план автономию личности и специфику индивидуальной жизни. В его персоналистическом подходе подчёркивается уникальная ценность каждой человеческой личности, её право на свободу и обязанность отвечать за собственные поступки. Индивид, по мнению Флоренского, не утрачивает собственной субъектности, сливаясь с массой, а остаётся самостоятельным центром сознания, обладающим свободой творчества и способностью совершать нравственный выбор, что близко позициям экзистенциализма.

В философской системе Флоренского символизм занимает особое место, выступая не как набор художественных приёмов или тропов, но как фундаментальный принцип мировосприятия. Для него мир предстает как сложная и многогранная знаковая система, где каждый элемент – символ, отсылающий к более глубоким уровням реальности и требующий внимательной интерпретации. Символы, в его понимании, служат своеобразными мостами, соединяющими земное и небесное, видимое и невидимое, рациональное и иррациональное, позволяя проникнуть в скрытые смыслы, пронизывающие мироздание. Онтология Флоренского, таким образом, становится своего рода «герменевтикой реальности». Именно эти концепции – символ как универсальный посредник между различными пластами бытия и герменевтика как активный метод раскрытия его глубинных смыслов – послужили ключевым методологическим инструментарием для художников и писателей. Вдохновленные его философией, они не просто отражали действительность, но активно конструировали свои собственные концепции, где теология, эстетика и научный анализ сливались в новые формы восприятия. Таким образом, Флоренский не просто существовал рядом с

культурными процессами эпохи, а предоставлял особую эвристическую мощную философскую рамку и инструментарий для создания такого искусства, которое способно выразить многослойность и взаимосвязанность бытия через призму глубокой конвергенции ценностей.

Чтобы глубже раскрыть «эвристическую значимость» его опыта, важно рассмотреть Флоренского не просто как объект анализа, а как модель конвергенции. Механизмы, которые мы наблюдаем в его творчестве – от перевода математических моделей в духовные категории до превращения иконописи в глубокое онтологическое познание – могут служить аналитической моделью.

Для более глубокого понимания конвергенции ценностей, необходимо детализировать, какие именно ценности и каким образом взаимодействуют в системе Флоренского. Мы видим, как в его творчестве происходит глубочайший синтез духовности, соборности, творчества и знания. Последнее понимается не как простое накопление информации, а как способность постигать многомерную реальность, как путь к целостному видению мира.

Например, его софиология представляет собой прямое и яркое проявление конвергенции ценностей духовности и красоты, где эстетическое и религиозное переживание неразрывно связаны в стремлении к первоизданной гармонии. В свою очередь, персонализм Флоренского и его идея всеединства сходятся в глубоком, духовно нагруженном понимании ценности соборности, выходящей за рамки социальной организации и обозначающей онтологическое единство в многообразии. Ценность творчества для него неразрывно переплетается с богопознанием и жизнестроительством.

Что особенно важно для общей гипотезы, конвергенция у Флоренского не просто объединяет эти ценности, но и трансформирует их смысловое наполнение. Так, научное знание, будучи интегрированным в теологическое мировоззрение, приобретает качественно новый ценностный статус – оно становится не только инструментом познания материального мира, но и средством постижения Божественного замысла и гармонии универсума.

Подобным образом, «Красота» перестает быть лишь эстетической категорией, становясь выражением абсолютной «Истины» и «Доброты», а образование – путем к духовному прозрению. Это переосмысление показывает, как в процессе конвергенции ценности не просто сосуществуют, но взаимопроникают и преобразуются, создавая качественно новую систему смыслов, что является ключевым аспектом изучения культуры.

Главным философским тезисом Флоренского становится концепция всеединства, заимствованная у Владимира Соловьёва, развившаяся, однако, у него в собственное, независимое учение. Если Владимир Соловьев заложил фундаментальные философско-этические основы идеи всеединства, то Флоренский пошел дальше, конкретизируя эту идею на метафизическом, символическом и практическом уровнях, с сильным акцентом на православную догматику и конкретные научные, художественные и даже бытовые практики. Его синтез был менее умозрительным и более операциональным, стремящимся не только к осмыслению, но и к реализации всеединства в каждом аспекте бытия.

Его глубокая критика рационализма и сциентизма также была частью общего кризиса позитивизма и пересмотра его догм, характерного для эпохи. Однако, в отличие от многих, чья критика порой оставалась в рамках отрицания или меланхоличного наблюдения за распадом старых систем, Флоренский предлагал активную и глубоко разработанную альтернативу через многомерный синтез. Он не просто отвергал науку, но интегрировал её в более широкую, теологически обоснованную картину мира.

Многие его идеи находили отклик у современников. Суть заключалась в утверждении фундаментального единства всего существующего, глубокой связи и зависимости всех компонентов мироздания. Всеединство, по Флоренскому, не является отвлечённой категорией, а живёт в каждом аспекте бытия, начиная от грубого материального уровня и заканчивая тонкими духовными измерениями. Движение к состоянию всеединства мыслилось им как главная задача человека, средство преодоления одиночества и разрыва,

установления гармонии с внешним миром и собственным внутренним миром, что родственно положениям восточной мудрости. Средствами реализации этой цели Флоренский называл христианскую любовь и сочувствие, считая их единственным способом победить разьединённость и выстроить сообщество, базирующееся на принципах единства, взаимопомощи и духовной солидарности.

Проявляя интерес ко многим областям знания, включая математику и естественные науки, он подходил к ним не как к обособленным дисциплинам, существующим отдельно от общего мировоззрения, а как к элементам, необходимым для создания единой, целостной и внутренне непротиворечивой картины мира. Интерес Флоренского к научным вопросам далеко не поверхностен; он глубоко изучал математические концепции и физические теории, стремясь включить их в своё религиозно-философское учение, что свидетельствует о его приверженности идее синтеза знания. Наука для Флоренского – лишь одна из возможностей познания мира, имеющая свои преимущества, но нуждающаяся в дополнении другими способами постижения реальности, такими как религиозное озарение, интуитивное понимание и художественная деятельность. Научное знание, по мнению Флоренского, важно не само по себе, а как инструмент, позволяющий глубже понять замысел Творца.

Он внимательно изучал новейшие научные открытия первой половины XX в., которые кардинально меняли традиционные представления о мире, такие как неевклидова геометрия Лобачевского и Римана, а также теория относительности Эйнштейна. Данные новаторские достижения в математике и физике подрывали классическую концепцию пространства и времени, заменяя её новыми, сложными и многомерными моделями реальности. Эти модели были не просто инструментами описания природных процессов, но и шансом расширить горизонты человеческого сознания, выйти за пределы традиционного восприятия духовной реальности.

Одним из наиболее известных его произведений, где он напрямую работал с неевклидовой геометрией, является работа «Мнимости в геометрии. Расширение области двумерных образов геометрии (Опыт нового истолкования «мнимой» геометрии)», написанная в 1902 году и опубликованная позднее (полностью в 1922 году). В этой работе он исследовал, как «мнимые» или неевклидовы пространства могут быть не просто абстракциями, но и моделями для осмысления различных философских и богословских проблем, включая вопросы метафизического единства, множественности миров, парадоксов восприятия.

Отмена аксиомы параллельных линий в геометрии Лобачевского открывает двери в существование иных миров, не подчиняющихся обычным геометрическим нормам. Отказ от классической аксиомы, по мнению Флоренского, приобретает философское значение, становясь символом возможности прорыва к новым смыслам и восприятиям.

Подобным образом теория относительности, такая же революционная и парадоксальная, привлекала внимание Флоренского как наглядное доказательство ограниченной природы человеческого знания. Время и пространство, традиционно считавшиеся абсолютными величинами, теперь становились переменными, зависимыми от конкретной системы координат. Отсюда, по убеждению Флоренского, следовало что, истина – это не статичная данность, а подвижный процесс, зависящий от угла зрения и обстоятельств, что ставит под сомнение саму возможность обладания исчерпывающим знанием и вынуждает постоянно подвергать сомнению наши представления о мире.

Флоренский пытался применить точные математические модели для описания духовных реалий, таких как природа Святой Троицы, иерархия ангелов или структура Церкви. Убежденный в том, что математика способна служить языком, отражающим изначальную гармонию и порядок, заложенные в самом устройстве мироздания, он смотрел на неё как на своего рода «язык Бога». Так, Флоренский привлекал математические аналогии, чтобы

попытаться разъяснить догмат о Троице, традиционно считающийся превосходящим человеческое понимание. Предлагая концепцию «треугольника бытия», он интерпретировал каждую вершину треугольника как ипостась Троицы (Отец, Сын, Святой Дух), а линии, соединяющие вершины, символизировали их внутреннее единство и неделимую связь. «Троица есть математическое, а точнее, метаматематическое соотношение, которое выражает сущность бытия»²³⁹, – утверждал Флоренский, тем самым демонстрируя свою веру в возможность математического постижения божественной тайны.

Необходимо отметить, что Флоренский вовсе не сводил духовные явления к механическим математическим формулам. Он отчётливо понимал, что любая попытка выразить трансцендентную природу Бога средствами ограниченного человеческого ума будет неполноценной и условно приближенной. Для него математика выступала лишь одним из вспомогательных инструментов, способствующих частичному приближению к пониманию божественной истины, но не могущим стать её заменой.

Флоренский твёрдо отстаивал критику рационализма и сциентизма, оценивая их как узкие и однобокие пути познания сложной и многоплановой реальности. Рационализм, основанный исключительно на силе логики и познавательных возможностях разума, оставляет вне поля внимания другие значимые элементы человеческого опыта, необходимые для полноценного восприятия мира. Среди них он выделял интуицию, чувственное восприятие, религиозную веру и мистическое познание, позволяющие соприкоснуться с теми слоями бытия, которые недоступны рациональному исследованию. Сциентизм, превративший науку в единственный критерий истины и отвергающий всякое признание духовной реальности, снижает разнообразие мира до простой суммы материальных процессов, тем самым сужая и искажая его богатое содержание. «Рационализм есть болезнь духа, которая лишает

²³⁹Флоренский П. Столп и утверждение Истины. М. : Путь, 1914.

человека способности видеть истину во всей ее полноте»²⁴⁰, – утверждал Флоренский, выражая глубокое убеждение в том, что чрезмерное увлечение рациональным мышлением неизбежно приводит к утрате целостного мировосприятия и искажению понимания реальности.

Следует обратить внимание, что Флоренский не выступал против науки и рационального познания вообще. Он признавал полезность научных исследований для изучения физического мира и технического прогресса, улучшающего условия жизни человека. Тем не менее, он постоянно акцентировал внимание на том, что наука должна находиться ниже по статусу по сравнению с высокими духовными и нравственными нормами. Она не вправе считать себя единственным и безупречным источником истины, пренебрегая иными видами познания. Флоренский неоднократно подчеркивал необходимость этического обоснования научной деятельности и ее направленность на благо человека и всего мироздания.

Таким образом, можно с уверенностью утверждать, что Павел Флоренский рассматривал науку не только как ценный инструмент для изучения закономерностей материального мира, но и как потенциальное средство для расширения границ человеческого понимания духовной реальности, для проникновения в её глубинные структуры. Он неустанно стремился к интеграции научного знания в своё религиозно-философское мировоззрение, не уставая при этом критиковать рационализм и сциентизм за их ограниченность и претензии на обладание исключительной истиной.

Столь широкий подход у Флоренского и к искусству, в его понимании оно выходит далеко за рамки чисто декоративных функций, украшающих нашу жизнь. Для философа оно становится неотъемлемой частью большого плана по интеграции разных дисциплин и ликвидации искусственных границ между наукой, философией и религией.

Важное место в эстетической концепции Флоренского занимает иконопись, являющаяся не просто жанром религиозной живописи или видом

²⁴⁰Флоренский П. Философия культа. 2-е изд. М. : Академический проект, 2018. 685 с.

прикладного искусства, а формой непосредственной передачи метафизических истин, запечатленных в цвете и форме. Если западная религиозная живопись чаще всего фокусируется на реалистичном изображении сцен Священного Писания и библейских фигур, то икона, по убеждению Флоренского, несёт в себе духовную реальность, визуально передавая её человеку. Икона становится окном в мир божественного, позволяя зрителю ощутить присутствие благодати и пережить духовное преобразование. Цветовая палитра, композиции, линия в иконах определяются не законами обычной земной логики и пропорциями, а правилами духовного мира, где царствуют особые законы и правила. Потому икона не только радует взор красотой, но и выражает высшие духовные ценности, сообщая о наличии иного мира, закрытого для обычных органов чувств. Значимость иконы как посредника между человеком и духовной реальностью лежит в центре эстетических взглядов Флоренского. Он воспринимал икону как прямое свидетельство присутствия иной, возвышенной реальности, недоступной для понимания рационалистического разума, привыкшего к анализу и разложению объектов на части.

Исходя из внутренней логики иконы, Флоренский перенес подобное понимание на искусство в общем виде, видя в нём действенное орудие трансформации как человека, так и окружающей его среды. Он открыто выступал против концепции «искусства ради искусства», утверждая, что настоящее искусство обязано служить высоким нравственным и духовным задачам, двигаясь не к мимолетным наслаждениям, а к постоянным ценностям. Настоящее искусство, согласно Флоренскому, не просто фиксирует существующий порядок вещей, но активно его преобразует, наполняя новыми смыслами и качествами, обнаруживая скрытую красоту в повседневной жизни и поднимая человеческую душу до созерцания высших истин, вызывая очистительный эффект через сопереживание. В данном ключе искусство перестаёт быть привилегированным досугом избранных, а становится незаменимым компонентом культурного процесса, нацеленным на воспитание

гармоничного и духовно развитого общества, открытого к созиданию и творчеству. Флоренский чётко осознавал огромную способность искусства объединять усилия людей в движении к совершенству, строительству лучшего мира, устроенного на принципах доброты, справедливости и красоты, вновь подтверждая активную и преобразовательную миссию искусства. В этой связи искусство, по его мнению, приобретает особую, ни с чем не сравнимую ответственность перед обществом, поскольку оно обладает огромной силой – способностью как возвышать человеческую душу до небывалых высот, так и повергать её в пучину отчаяния, как направлять к свету истины и добра, так и погружать во тьму невежества и зла.

Эстетику Флоренского можно вполне обоснованно назвать эстетикой интеграции, поскольку она направлена на соединение различных областей знания и человеческого опыта в единую целостность. Флоренский непрерывно работал над включением искусства в широкую систему ценностей, направленную на полное преображение человека и его окружения, достижение гармонического состояния и духовного совершенства. Его работы содержат призыв к созданию нового вида искусства, призванного служить возвышенным духовным идеалам, помогать формировать общество, где каждый гражданин сможет раскрыть собственный творческий дар.

Таким образом, можно утверждать, что характерной особенностью мировоззрения Павла Флоренского является постоянное стремление к синтезу, желание собрать воедино, казалось бы, совершенно противоположные и разрозненные фрагменты знания, создавая целостную, внутренне согласованную и гармоничную картину мира. Такой синтез по твердому убеждению Флоренского необходим для правильного понимания мира во всём его многообразии и сложности.

Флоренский резко критиковал чрезмерную специализацию и дробление знания, которые, по его мнению, стали признаком своего времени и привели к утрате целостного восприятия мира. «Уже давно, вероятно с XVI-го века, мы перестали охватывать целое культуры, как свою собственную жизнь; уже

давно личность, за исключением очень немногих, не может подняться к высотам культуры, не терпя при этом величайшего ущерба. Жизнь разошлась в разных направлениях и идти по ним не дано: необходимо выбирать»²⁴¹. Чрезмерная концентрация на отдельных областях знания, разрыв связей между различными направлениями, ведут, как полагал Флоренский, к деформации реальности и потере способности воспринимать мир в его полной взаимосвязи и целостности. Он неоднократно заявлял, что истина по своей природе не может быть понята исключительно в пределах одной отрасли знания – будь то наука, философия или теология, – а требует совмещения различных исследовательских подходов и точек зрения, чтобы хотя бы приблизиться к подлинному пониманию сущности предметов и явлений. «Каждая отдельная вещь тяготеет к замкнутости сама по себе. Связи между вещами ослабевают, пространство тускнеет, утрачивая свою структуру, внутреннее единство и целостность. По мере того, как силы и организация действительности приписываются вещам, каждой порознь, объединяющее их пространство пустеет и от конкретной полноты стремится к неону»²⁴², – писал Флоренский, подчеркивая, что утрата целостности знания приводит к деградации самой реальности.

Философия Флоренского призывает преодолеть раздробленность и изолированность человеческих представлений, стремиться к целостности и высоким этическим стандартам.

Наследие Флоренского сохраняет свою актуальность благодаря остроте современных вызовов, порожденных фрагментированным характером знания и поиском духовных оснований. Сегодняшний мир характеризуется специализированными дисциплинами и информационным хаосом, отчуждающим человека от целостного восприятия действительности. Предложенный Флоренским синтез науки, философии и религии

²⁴¹ Флоренский П. А. У водоразделов мысли // Серия «Из истории отечественной философской мысли»: Приложение к журналу «Вопросы философии». М. : Правда, 1990. Т. 2. С. 345.

²⁴² Флоренский П. А. Столп и утверждение истины : Опыт правосл. феодицеи : в 12 письмах. М. : Путь, 1914. 812 с.

представляется актуальной реакцией на этот кризис, выходом за пределы узкого материалистического видения мира. В ситуации потери прежних ориентиров и самоидентификации возвращение к духовным основам культуры, к которым обращался Флоренский, даёт возможность вновь ощутить глубокий смысл и жизненную стабильность. Возможность формирования цельного взгляда на жизнь, включающего духовные и интеллектуальные измерения, приобретает особую важность в наши дни.

Кроме того, наследие Флоренского актуально для развития междисциплинарных направлений исследований. Упорные старания Флоренского найти точку пересечения между различными областями знания открывают дорогу к оригинальным решениям сложных задач, требующих комплексного подхода. Яркий пример – использование его идей о взаимосвязи математики и метафизики, искусства и духовной практики в современных исследованиях искусственного интеллекта, биоэтике, экологии, где одинаково важны как научные доказательства, так и моральные критерии. Разработанная Флоренским методика, опирающаяся на символическое восприятие и интуитивное познание, способна вскрывать невидимые связи и закономерности, оставшиеся незамеченными традиционной наукой.

Трудами Флоренского были заложены основы для дальнейшего развития русской религиозной мысли первой половины XX столетия, а его идеи находят отклик и вдохновение у современных теологов, философов и специалистов по искусству. Флоренский продемонстрировал, что религия способна выступать не только источником поддержки, но и действенным средством познания и преобразования окружающей действительности. Философские взгляды Павла Флоренского демонстрируют впечатляющий образец междисциплинарного соединения теологических, философских, математических и художественных идей в рамках отечественной культуры второй половины XIX – начала XX вв. В них мы видим стремление к объединённому знанию и стиранию барьеров между разнообразными направлениями культуры, становлению оригинальной ценностной парадигмы,

оказывающие влияние на дальнейшее развитие отечественной интеллектуальной мысли.

Таким образом, исследование наследия П. Флоренского сквозь призму конвергентного подхода позволяет в полной мере раскрыть эвристический потенциал авторской концепции. Это служит практической реализацией пятого положения на защиту, демонстрируя возможности органичного сочетания различных ценностных структур бытия. Рефлексия подходов мыслителя доказывает, что поиск оснований для синтеза художественных, религиозных и научных смыслов опирается на устойчивую связь традиционных ценностей культуры, что подтверждает жизнеспособность предложенной объяснительной модели при анализе взглядов ведущих представителей рассматриваемой эпохи.

2.3. «Художественное поле» как результат конвергенции ценностей отечественной культуры второй половины XIX – начала XX вв.

Настоящий параграф посвящён комплексному исследованию «художественного поля» – феномена, который является одной из ключевых смысловых вех отечественной культуры второй половины XIX – начала XX столетий. Этот историко-культурный отрезок, ознаменованный напряжённым диалогом идей, холистической философской рефлексией и творческим подъёмом, создал питательную среду для кристаллизации особого ценностно-смыслового комплекса. Фундаментальным процессом, определившим генезис и динамику данного явления, выступает конвергенция ценностей.

В контексте данного исследования «художественное поле» трактуется не как пассивный объект, отзеркаливающий внешние социальные реалии, но как активный, динамично развивающийся ценностно-смысловой организм. Оно возникло как органичный «ответ» на сложнейшие социокультурные процессы, определявшие облик эпохи. По своей сути, «художественное поле»

стало результатом интегративного сближения и взаимопроникновения разнородных ценностных установок и нормативных парадигм (таких как концепты соборности, всеединства, сотериологической любви к ближнему), которые обрели воплощение в живых культурных практиках и творческих актах выдающихся представителей отечественной мысли и искусства. Именно эта конвергентная динамика наделила «художественное поле» имманентной субъектностью и действенным, преобразующим характером. Следовательно, задача исследования – раскрыть сущность «художественного поля» как активно действующего начала, чьи онтологически укоренённые ценности наделили его способностью к активному формированию и трансформации всей социокультурной среды и самого человека. В конечном итоге, «художественное поле» представляется не просто как продукт творчества, но как со-творец, играющий роль инструментальной модели в процессе переосмысления и преобразования жизненного пространства и человеческого бытия через призму аксиосферы.

Прежде чем будет рассмотрено «художественное поле» в качестве субъектного, активно творящего начала, необходимо обратиться к идейным течениям, которые сформировали фундамент для понимания искусства не просто как эстетического феномена, но как действенной силы, способной преобразовывать реальность. В середине XIX века, в особенности в публицистике и критике, отчетливо звучали идеи о безотносительном характере ценностей и преобразующей роли искусства. Однако этой идее не было уделено достаточного научного внимания.

Отечественная культура обретает важнейший источник для теоретического осмысления понятия ценности на основе диссертации Николая Гавриловича Чернышевского «Эстетические отношения искусства к действительности», написанной в 1855 году. Центральной темой рассмотрения становится проблема: «Имеет ли прекрасное объективное бытие?» Чернышевский впервые вводит понятие аксиологического фактора относительно множества видов искусства. Значения, присущие

произведениям искусства, определяют и устанавливают их ценность. Термин «ценность» пока ещё не используется автором в качестве категоричного определения. В рецензии на собственную работу Чернышевский подчеркивает практические преимущества искусства, акцентируя внимание на положительном воздействии искусства на человеческое сознание и образование. Вот что пишет автор: «Искусству принадлежит бесспорное и почётное место среди тех занятий, которые приносят пользу людям, ибо творения художников, особенно поэтов, достойных называться художниками, выполняют благородную миссию – быть учебником жизни. Искусство вправе гордиться своими высокими, красивыми и благотворными, направленными на благо человечества»²⁴³.

Аксиологическое представление о ценности искусства, введенное Чернышевским, оказалось объектом обсуждений в эстетико-критической среде той эпохи, так как формировало новый аксиологический горизонт.

Д. И. Писарев выразил мнение, что эстетика, или наука о прекрасном, правомочна существовать только в том случае, если красота обладает самостоятельной природой, независимой от многообразия индивидуальных предпочтений: «Самостоятельное значение прекрасного совершенно независимо от бесконечно разнообразного состава частных вкусовых предпочтений отдельных лиц»²⁴⁴. Основные характеристики искусства, по мнению Писарева, заключаются в воспроизведении жизни и её разъяснении.

Рассматривая роль искусства, российские мыслители вели оживленные споры. Николай Алексеевич Добролюбов отмечал: «Высокая заслуга писателя-художника в том, что он концентрирует в себе множество фактов реальной жизни, что способствует возникновению и широкому распространению ясных представлений о действительности»²⁴⁵. Владимир Галактионович Короленко акцентирует внимание на другой стороне

²⁴³Столович Л. Н. Красота. Добро. Истина: Очерк истории эстетической аксиологии. М. : Республика, 1994. 464 с.

²⁴⁴Писарев Д. И. Избранные произведения. Л. : Художественная литература, 1968. 619 с.

²⁴⁵Добролюбов Н. А. Избранные произведения. СПб. : Паровая тип. Л. В. Гутмана, 1911. 19 с.

художественного творчества. Он убежден, что созданные художником образы обладают самостоятельной жизненностью и свободой: «Явления, перенесённые в художественное произведение, начинают существовать независимо, «соответственно своему характеру»; идея, рождённая в искусстве, словно обретает собственную органическую жизнь, развивается по собственным законам». Уже в письме Леониду Андреевичу Гольцеву от 11 марта 1884 года Короленко раскрывает глубину своего понимания искусства: «Художественное произведение само по себе является природным явлением, и как таковое, оно подобно любым другим явлениям, это новый факт, новая форма вечно-творческой природы».

Короленко приходит к заключению, что художник не копирует реальность буквально, а создает альтернативную картину мира, населённую персонажами, движущимися по собственным внутренним законам. В дневниковой записи 1887 года он пишет: «Творец охватывает все возможные варианты, присутствующие в жизни... Такие ситуации редко встречаются в реальности, поэтому созданный образ окажется уникальным... Даже если подобный облик не возник в действительности, он родился в фантазии, живёт там и функционирует». Другими словами, персонажи художественного произведения воплощают идеальный вариант реальности, возможного идеального существа²⁴⁶.

Соответственно, конвергенция ценностей культуры и искусства порождает собственное уникальное пространство, определяющее формирование человеческой культуры. Истинное искусство всегда означает сотворение новой художественной вселенной, ранее никем не созданной и не воспринимаемой. Такая идея получила большое распространение в русской культуре конца XIX в. Не случайно многие известные деятели, такие как Лев Толстой, Всеволод Гаршин и Владимир Короленко, называли искусство «миром», созданным и ощущаемым человеческой душой. Похожее видение искусства как акта творения нового встречается и в трудах философов

²⁴⁶Короленко В. Г. Полное собрание сочинений : в 9 т. Петроград : Издательство А. Ф. Маркса, 1914. Т. 9. 430 с.

Владимира Соловьева и Василия Розанова, написанных примерно в тот же период. Искусство влияет на ценностные ориентиры, мировоззрение и, в конечном итоге, на развитие человеческой цивилизации, формируя новые способы восприятия, понимания и взаимодействия с реальностью.

В. Соловьев видел в художественном произведении «чувственно воспринимаемый образ», освещенный «светом грядущего мира», раскрывающий внутренний потенциал реальности. Искусство, по Соловьеву, трансформирует физическую энергию в духовную, создавая «художественный мир» – не просто отражение, а «слияние» с действительностью, «просветление» и «перерождение» человеческого мира, «одухотворение материи». В этой идее форма воздействия «художественного поля» на социокультурную динамику выражается в создании преобразующих идеалов и духовных ориентиров. Искусство, по Соловьеву, не просто отражает мир, но активно его преобразует, предлагая обществу перспективу «просветления» и «перерождения», направляя его к более духовному и целостному состоянию²⁴⁷.

Розанов уверен, что великий писатель (Л.Толстой) заглянул в корень мировой дисгармонии, где человек становится сопричастен решению мировых вопросов, тем самым переходя на другой уровень самого себя. Как выразился Розанов, оба писателя приглашают задуматься о самой сути мироздания, вскрывая трагическую связь страданий человека с общим смыслом жизни²⁴⁸.

Произведения искусства создавали визуальные модели духовных исканий, нового человека и преображенной реальности. Так, в музыкальном искусстве рубежа веков мы обнаруживаем мощные примеры синтеза идей, ставшие образцами духовного развития и формирования национального самосознания. Произведения П.И. Чайковского глубоко сочетают русский мелодизм с универсальными темами страдания, любви, судьбы, приобщая слушателя к общечеловеческим нравственным проблемам. У

²⁴⁷ Соловьев В. С. Философия искусства и литературная критика. М. : Искусство, 1991. 699 с.

²⁴⁸ Розанов В. В. О понимании. Опыт исследования природы, границ и внутреннего строения науки как цельного знания. М. : Тип. Э. Лисснера и Ю. Романа, 1886.

М.П. Мусоргского, через образы народа, истории и драматического психологизма, транслируются идеи национальной идентичности и социального осмысления. Н.А. Римский-Корсаков в своих операх часто обращается к сказочным и мифологическим сюжетам, где посредством музыкального символизма осуществляется поиск гармонии между природным и сверхъестественным, закладываются основы всеединства. А музыка А.Н. Скрябина и С.В. Рахманинова раскрывает глубокие религиозные и философские искания, стремясь к преображению через искусство, к возвышению духа, что демонстрирует синтез народности, и религиозности. Эти композиции не только несли идеи всеединства и нравственного совершенствования, но и активно формировали национальное самосознание, они, можно сказать, зывали.

Аналогичные процессы прослеживаются в изобразительном искусстве. Творчество И.Е. Репина и В.И. Сурикова через критический реализм и историзм не просто фиксировало социальные контрасты или исторические события, но предлагало визуальные модели осмысления пути России, утверждения справедливости, преодоления страданий, что способствовало формированию этических ориентиров. Работы В.М. Васнецова, обращенные к народному эпосу и религиозной мифологии, создавали образы идеальной Руси, несущие консолидирующие национальные ценности. М.А. Врубель и К.С. Петров-Водкин, каждый по-своему, создавали визуальные модели духовных исканий, нового человека и преображенной реальности, воплощая синтез материального и трансцендентного.

Творчество композиторов второй половины XIX – начала XX в. формировало философские и культурные аспекты русской идентичности. Оперы Миллия Балакирева, такие как «Тамара», и симфонические произведения Александра Глазунова, например, «Испанские увертюры», демонстрируют, как композиторы черпали вдохновение из народных мотивов и исторических сюжетов, наделяя их дополнительным философским и культурным смыслом.

Начало XX века отмечено активной работой таких композиторов, как Сергей Прокофьев и Дмитрий Шостакович. Их музыка обладала отчетливыми социальными и политическими оттенками, выражая не только музыкальные, но и мировоззренческие идеи. Оркестровая и камерная музыка этих мастеров, будь то симфонии или квартеты, способствовала тому, что слушатели получали возможность задуматься о проблемах общества, человеческой природы.

Композиторы обращаются к народным мотивам, чтобы выразить более глубокие идеи – о космической гармонии, всеобщей взаимосвязанности природы и человека, об универсальных законах сосуществования человека и окружающего мира. Использование народных песен и мелодий здесь символизирует нечто большее, нежели простое украшение сюжета. Оно связано с идеей, что фольклорные персонажи принадлежат особому пространству-времени, параллельному реальности исторического повествования.

Именно поэтому, как справедливо отметил Н. А. Римский-Корсаков²⁴⁹, народные персонажи и их музыкальный фон выходят за рамки простого этнографического описания и поднимаются до уровня универсальных символов, выражающих глобальную гармонию природы и социальной структуры. Включение народной музыки в ткань оперы придает ей дополнительные слои смысла, позволяя зрителю почувствовать неразрывную связь времен и культур, переживать ощущения древности и мудрости предков, ощутить себя частью большого космического цикла. Концепция «Снегурочки» Н. А. Римского-Корсакова оказывалась в чем-то родственной философским представлениям о всеединстве мира В. Соловьева.

Для художников «начиная с 80-х годов исторический жанр не только «уравнял» свои права с жанром бытовым, но и получил возможность выражать такие идеи, какие не мог реализовать жанр бытовой. Историческая картина становилась способом осознания общественной мыслью исторического

²⁴⁹Римский-Корсаков Н. А. Летопись моей музыкальной жизни. СПб. : Типография Глазунова, 1909.

своеобразия народа, путей России, ее будущего»²⁵⁰. Художники, такие как Виктор Васнецов, Илья Репин и Василий Суриков, создавали полотна, посвящённые знаковым эпизодам русской истории, помогая зрителю осознать ценности и вызовы эпохи.

Картинам на исторические темы часто сопутствовали глубокие комментарии, близкие к литературе, так как зрители воспринимали их в контексте знакомых литературных образов и исторических событий. Знаменитая картина Василия Сурикова «Боярыня Морозова» стала символом борьбы за независимость и сопротивления властям, вызвав сильные эмоции и ассоциации у современников. В. М. Гаршин рассматривал произведение В. Сурикова в широком историческом и литературном контексте, ссылаясь на рассказ о боярыне Морозовой в «Домашнем быте русских цариц»²⁵¹

Картина становится не просто набором красок и линий, а окном в мир внутренних ощущений и эмоций. Она заставляет зрителя не просто смотреть, а думать, чувствовать, реагировать. Об усилении роли предварительного читательского знания о сюжете произведения, о наклонности к ассоциативности и атмосфере недоговоренности в живописи конца XIX в. писал Г. Г. Пospelов. По его мнению, в памяти современников параллельно с образами картин нередко «существовало литературное повествование со всем его духовным и нравственным смыслом, и все, что они знали и переживали по поводу этого текста, они с готовностью проецировали на картину, вполне отождествляя таким образом литературную и живописную выразительность»²⁵².

В конце XIX столетия в творчестве Николая Николаевича Ге обретают свое воплощение вопросы и ответы, связанные с обращением к религиозно-философской тематике: «Христос и Никодим» (1889), «Выход с Тайной Вечери» (1889), «Совесть» (1891), «Суд Синедриона» (1892), «Голгофа»

²⁵⁰Сарабьянов Д. В. История русского искусства второй половины XIX века: Курс лекций. М. : Изд. МГУ, 1989. 381 с.

²⁵¹Гаршин В. Указ. соч.

²⁵²Пospelов Г. Г. О понимании времени в живописи 1870–1890-х годов. Картины, посвящённые судьбам личности. М. : Наука, 1979. 619 с.

(1893), а также несколько вариантов композиции «Распятие» (1892–1894). Известный российский писатель Дмитрий Александрович Мордовцев, комментируя картину «Что есть истина?», подчеркнул её большое значение не только в искусстве, но и в философском контексте, отметив, что полотно представляет собой одно из значительных явлений как в истории искусства, так и в философии истории. Любовь к человеку, восприятие чужой боли как своей – эти мысли пронизывают всё позднее творчество Ге, подчиненное задаче достижения высшей нравственности²⁵³

Во второй половине XIX в. в русской культуре наблюдается рост интереса художников к религиозно-философским мотивам, черпаемым из Нового Завета. К наиболее известным художникам, работавшим в этом жанре, относятся Виктор Васнецов («Распятие Христа у римлян», 1887), Василий Поленов (серия картин на библейские сюжеты, включая «Христос и женщина-грешница», 1886–1888), Илья Репин («Священномученик Николай Чудотворец»), Валентин Серов («Благословляющие дети»), Виктор Суриков («Исцеление слепорождённого Господом», 1888), Михаил Нестеров («Отшельник», 1888–1889, «Молодость преподобного Сергия Радонежского», 1896–1897), Николай Крамской («Радуйся, Царь Иудейский!», 1877–1882). Художник Николай Ярошенко, вдохновленный повестью Льва Толстого «Чем люди живы», написал в 1888 году картину «Жизнь повсюду» (первоначальное название – «Где любовь, там и Бог»). Аналогичные тенденции наблюдаются и в музыке: композиторы Пётр Чайковский, Антон Рубинштейн, Сергей Танеев создали произведения, посвящённые религиозным темам («Суламифь» Рубинштейна, кантаты «Иоанн Дамаскин» и «По прочтении псалма» Танеева).

Живопись 1880-х годов отличается от предшественниц не новыми ответами на извечные вопросы, а иным подходом к организации материала. Главная особенность этого периода состояла в новом сочетании идей, более

²⁵³ Святополк-Мирский Д. С. История русской литературы с древнейших времен по 1925 год. Новосибирск : Свиньин и сыновья, 2005.

тесном переплетении образов и философских размышлений, как сказал однажды Лев Толстой, – во «внутреннем сцеплении мысли и образа». Новаторы XVIII–XIX вв., подобные И. Е. Репину и В. Д. Поленову, сосредотачивались на подробном исследовании природы, психологии, социальных процессов, используя художественные приемы для постановки важных вопросов. Теперь же речь шла о более тонких отношениях между человеком и обществом, вопросами ответственности, спасения души, вины, свободы воли, что отражено в полотнах Михаила Нестерова и Виктора Васнецова.

Примером подобной тенденции служат работы живописцев Ивана Шишкина («Среди долины ровныя...», 1883; «Лесные дали», 1884; «Сосны, освещённые солнцем», 1886; «Дубовая роща» и «Дубы», 1887); Архипа Куинджи («Ночь на Днепре», 1880; «Днепр утром», 1881); Исаака Левитана («Дуб», 1880; «Берёзовая роща», 1885; «Вечер на Волге», 1886–1888; «У омута», «Вечерний звон», обе 1892). На этих полотнах зрители видят не просто пейзажи, а целостность всего в мире, сопряженность всего и всех, философское осмысление природы.

Владимир Соловьев так сформулировал свою позицию: «современные художники стремятся осознанно или полусознательно сделать искусство реальной силой, способной осветить и преобразовать всю человеческую действительность». Цель искусства, по его мнению, выходит за рамки простой пользы или исправления общественных недостатков. Оно призвано приносить просвещение и возрождение, тем самым приближаясь по своему воздействию к священному началу религии: «Искусство будущего ... само после долгих испытаний вернется к религии...»²⁵⁴; «дело поэзии, как и искусства, – ... воплощать в осязательных образах ... высший смысл жизни»²⁵⁵. Если цель мирового процесса – выполнение задачи воплощения божественного совершенства, то искусство является не «отражением» этого процесса, а его

²⁵⁴Соловьев В. С. Философия искусства и литературная критика. М. : Искусство, 1991. 699 с.

²⁵⁵Там же. С. 472.

важнейшей частью; оно помогает человеку выполнить эстетическую задачу преодоления мирового хаоса и воплощения гармонии: «Красота... есть лучшая половина нашего реального мира», именно та его половина, которая не только существует, но и заслуживает существования; красота одухотворяет мир чувством всеобщей любви, с помощью красоты человек приобщается к Абсолюту, красота способна «глубоко и сильно воздействовать на реальный мир»²⁵⁶.

Лев Николаевич Толстой предложил схожее понимание природы искусства в своем известном эссе «Что такое искусство?». По его мнению, искусство представляет собой форму коммуникации, посредством которой один человек делится переживаемыми эмоциями с другими людьми. Другие участники общения «заражаются» этими чувствами, испытывают их как личные, и таким образом создается эффект эмоционального резонанса, возникающего между художником и аудиторией. В трактате Толстой определяет искусство как инструмент, позволяющий внушить зрителям или слушателям точно такие же чувства, которые испытывает сам творец. Искусство, как считает Л. Толстой, способствует осуществлению братского единения людей; оно вытекает из религиозного народного и национального сознания и содействует единению людей с Богом и между собой (в том числе с людьми будущего), «искусство будущего» ... будет состоять не из передачи чувств, доступных только людям высших классов, а станет осуществлять «высшее религиозное сознание» всех людей²⁵⁷.

Итак, очевидно, что этимология идея «художественного поля» формировалась и выкристаллизовывалась мыслителями и творческими деятелями рассматриваемого второй половины XIX – начала XX вв. Так или иначе признание онтологической ценности произведений культуры и искусства являлось темой культурного дискуса. По принципу синергии произведения культуры и искусства создавали единый преобразующий тон,

²⁵⁶ Там же. С. 41–42.

²⁵⁷ Толстой Л. Н. Что такое искусство. М. : Государственное издательство художественной литературы, 1951.

проявляющийся в «художественном поле». Таким образом, в русской эстетике и критике второй половины XIX – начала XX вв. подчеркивается активная преобразующая сила художественного творчества, что указывает на следующие формы воздействия «художественного поля» на социокультурную динамику:

- формирование сложной картины мира и расширение горизонтов восприятия. Представление о множестве связанных друг с другом «миров» (видимом, воображаемом) расширяет горизонты восприятия и стимулирует мышление о комплексности и взаимосвязанности явлений;

- наделение художественных миров силой воздействия на реальность. Утверждение, что художественные миры похожи на человеческий, но со своим пространством, временем и жизнью, подчеркивает их способность влиять на наше понимание реальности и формировать наши ценности. Форму воздействия можно увидеть в создании моделей реальности, которые влияют на формирование мировоззрения и ценностных установок;

- эмоциональное воздействие и активизация эмпатии. Акцент на красоте и способности искусства передавать эмоциональные состояния и затрагивать глубины души, указывает на его роль в развитии эмпатии и эмоционального интеллекта.

Посредством «художественного поля» художник не только познаёт мир как учёный или практик, но и создаёт его альтернативную версию – художественно-образное «квазибытие», как бы удваивая существующую реальность. Человек воздействует на окружающую действительность не действиями, вытекающими из конкретных идей, а непосредственно этими идеями.

Эту мысль тонко подметил М. С. Каган в своей работе «Философская теория ценностей»²⁵⁸, где он описывает кардинальные изменения, произошедшие в изучении ценностей. Основная суть этих изменений заключается в переходе от этапа относительности ценностей к поиску

²⁵⁸Каган М. С. Философия культуры : учебное пособие. СПб., 1996.

устойчивых и неизменных ценностей, способных противостоять индивидуальным предпочтениям и переменам общественного мнения в разных регионах планеты и исторических эпохах. Именно в логике онтологического фундирования ценностей лежит ключ к формированию устойчивого художественного поля, которое рассматривается не как хаотичное скопление отдельных произведений, но как совокупность выраженных идей культуры, проявляющихся в музыке, живописи, литературе, религии, философии. Каждое из этих направлений, используя свой специфический язык и арсенал средств, стремится не просто отразить реальность, но и провести фундаментальную, архетипическую идею сохранения человека как человека, с его базовыми, универсальными ценностями. Здесь искусство, философия, религия – это не разрозненные векторы, но грани единого культурного кристалла, каждая из которых преломляет и транслирует эти устойчивые, онтологически обоснованные ценности: милосердие, достоинство, поиск истины, красоту, стремление к гармонии.

В этом смысле, художественное поле обретает характеристики, схожие с понятием коллективного бессознательного, как его осмысливал К.Г. Юнг. Оно действует на глубинном, подсознательном уровне, проникая в самые основы мировосприятия. Подобно тому, как архетипы коллективного бессознательного формируют первичные паттерны человеческого опыта, так и художественное поле, будучи пронизано универсальными ценностями, задает тон эпохе, формирует доминантные настроения, кристаллизует общественное мнение и ориентирует социальные группы в пространстве смыслов. Оно является мощным генератором культурных кодов, которые усваиваются обществом на уровне интуиции, предчувствий, эстетических предпочтений.

Для научного обоснования процесса формирования «художественного поля» предлагается следующий алгоритм его объективации, включающий четыре последовательных этапа:

– первый этап предполагает фиксацию границ опыта конвергенции ценностей, возникающего как ответ на конкретные социокультурные вызовы эпохи.

– второй этап заключается в выделении доминирующей объединяющей идеи, способной стать аттрактором для разрозненных ценностных структур.

– на третьем этапе происходит консолидация интеллектуальных и творческих элит (философских кружков, художественных объединений) вокруг этой идеи.

– завершающим этапом выступает репрезентация данной консолидирующей идеи в конкретных артефактах и текстах, которые закрепляют границы сформированного поля в культурном пространстве.

В рамках концепции конвергенции «художественное поле» позиционируется как закономерный итог и содержательное завершение процессов сближения ценностей. Данный феномен рассматривается в качестве динамической модели, в которой конвергентные связи достигают своей зрелости. Подобное теоретическое переосмысление позволяет обосновать категорию «художественного поля» как эффективную объяснительную модель социокультурной трансформации, способную раскрыть механизмы перехода культуры в качественно новое состояние.

Завершая параграф, следует подчеркнуть, что трактовка «художественного поля» как результата конвергенции ценностей окончательно выстраивает архитектуру авторской концепции. Это позволяет зафиксировать фундаментальные факторы развертывания культуры в рассматриваемый период. К ним отнесено, во-первых, преломление социального и экзистенциального опыта поколений в соответствующих аксиологических структурах бытия, а во-вторых — закрепление в культурном пространстве консолидирующих идей, базирующихся на традиционных нормах и ценностях. Указанные выводы обеспечивают полную реализацию шестого положения новизны исследования, раскрывая внутреннюю динамику формирования отечественной культуры второй половины XIX – начала XX вв.

Заключение

В заключении диссертационного исследования, посвященного концепции конвергенции ценностей отечественной культуры второй половины XIX – начала XX вв., необходимо подчеркнуть, что поставленные задачи были успешно выполнены, а заявленные положения, выносимые на защиту, получили убедительное подтверждение. Предложенная в работе концепция, основанная на культурфилософском анализе и осмыслении феномена «художественного поля», позволила по-новому взглянуть на динамику развития русской культуры в переломный исторический период.

Ключевым результатом проведенного исследования стало теоретическое обоснование и содержательное наполнение авторской концепции конвергенции ценностей. Данная концептуальная схема выступает в качестве релевантной объяснительной модели, позволившей реализовать системное переосмысление отечественной культуры второй половины XIX – начала XX столетия. В ходе работы было аргументировано, что конвергенция представляет собой не просто процесс механического сближения различных сфер духа, но является фундаментальным механизмом генезиса «художественного поля». Последнее интерпретируется как устойчивая аксиологическая структура и смысловой каркас культуры, обеспечивающий её целостность и преемственность в условиях исторических трансформаций. В качестве теоретической основы были использованы идеи житнетворчества, всеединства и диалога между искусством, религией и наукой.

Важным ракурсом концептуализации является поиск вариантов «объединяющего фактора» для феноменов культуры с целью установления их соответствия принципам ценностно-нормативной определенности. Также исследовательским ракурсом является оценка эвристической значимости принадлежащего Пьеру Бурдье понятия «художественного поля» применительно к сочетанию ценностей культуры и в контексте разрабатываемой концепции. Как показано в работе, такое понятие отражает

сочетание различных видов творчества, искусств, интеграцию культурных норм и т.д. и в таком содержании удовлетворяет потребности в теоретико-методологической «настройке» предлагаемой авторской концепции

Показано, что применение культурфилософского подхода в построении концепции конвергенции ценностей культуры позволяет обозначить соответствующие исследовательские перспективы «онтологизации» культуры, осуществить теоретико-методологический анализ обозначенной научной проблемы с позиции соотносимости различных феноменов и процессов культурного развития. Ключевой принцип такого анализа – создание объяснительной (интерпретативной) модели для исследования ценностных структур бытия преимущественно в ракурсе морфологии культуры, т.е. с оценкой ее внутренних системных изменений. При этом воздействие на нее внешних детерминантов развития переходит в поле преимущественно социокультурных исследований с привлечением опыта междисциплинарного анализа (история, культурология, антропология и т.д.).

Разработка авторской концепции конвергенции ценностей культуры в культурфилософском ракурсе направлена на выявление скрытых механизмов взаимодействия и взаимовлияния различных ценностных структур, определение точек их соприкосновения и конфликта и, в конечном счете, на понимание того, как происходит процесс формирования новых ценностно-смысловых явлений. В целом, в диссертации сформулировано положение о том, что обращение в контексте предлагаемого исследования к культурфилософскому подходу ведет к идентификации т.н. «идеального типа» (в терминологии М. Вебера) культуры, который может преломлять в себе ценности, появившиеся в пространстве культуры за счет их конвергенции.

Для поиска оснований концепции конвергенции ценностей отечественной культуры второй половины XIX – начала XX вв. выделены исследовательские принципы, подчиненные необходимости переосмысления культурного наследия с точки зрения «онтологизации» культуры. К числу направлений такого поиска отнесен, в частности, историко-генетический

анализ сопряженности ценностных структур бытия от второй половины XIX к началу XX вв. Такой ракурс позволяет проследить ценностно-смысловые предпосылки возникновения «эффектов» Серебряного века русской культуры, берущих начало во второй половине XIX века и основанных в том числе на сопряженности традиционных идей (например, житнетворчества, всеединства и других) с ценностно-нормативными установками человеческого бытия, принятыми в российском обществе в рассматриваемый период.

В ходе исследования поиск оснований концепции конвергенции ценностей культуры велся в направлении философии, искусства, науки и других форм культурного развития. В частности, через призму философии установлены принципы символизации и интериоризации, посредством которых преломление реальности отражалось в тех или иных ценностных структурах бытия, например, в результате символизации реальности происходила рефлексия постижения единства бытия на уровне символов. Соответственно, в отечественной философии обозначилось такое идейное направление, как философия символизма. В подобном же ключе проведен анализ оснований конвергенции ценностей в аспектах развития искусства, науки, мифологии и других форм культуры.

Разработка концепции конвергенции ценностей отечественной культуры второй половины XIX – начала XX вв. предполагает учитывать следующие принципы «онтологизации». Прежде всего, это герменевтический принцип, позволяющий интерпретировать вариативность ценностей культуры и процессы символизации реальности, лежащие в основании появления сочетания и взаимодействия тех или иных ценностей культуры. Следующим принципом является принцип интериоризационного анализа, направленный на выявление опыта взаимовлияния ценностных структур бытия на субстанциональном и/или цивилизационном уровнях. При этом такой анализ способствует достижению цели объяснения происходящих в культуре изменений прежде всего ее внутренним потенциалом развития, что связано с системными характеристиками культуры. Не менее значим такой принцип

«онтологизации», как структурирование различных элементов культурного развития, например, межпоколенческого опыта носителей культуры, влияющего на процессы ценностных изменений – связь поколений обеспечивает духовную безопасность носителей культуры и трансляцию ценностного опыта, а разрывы и «сломы» таких связей усиливают процессы модернизации и влияние на культуру внешних детерминантов.

В диссертации использование подхода «онтологизации» культуры направлено на выявление результатов конвергенции ценностей и, в частности, такого результата как формирование и развитие «художественного поля», имеющего выраженный культуросозидательный характер.

Проанализирован и обобщен опыт философско-культурологических исканий Павла Флоренского, позволяющий соотнести его с результатом конвергенции ценностей культуры. Рассмотрены ключевые аспекты подхода П. Флоренского с точки зрения создания им концепции целостного мировоззрения, объединяющей религиозные, философские, научные и художественные знания. Его подход предполагал априорный синтез, но не ради слияния как такового, а ради перехода на другой уровень осознания бытия.

В частности, в работе показано, что П. Флоренский рассматривал науку не только как ценный инструмент для изучения закономерностей материального мира, но и как потенциальное средство для расширения границ человеческого понимания духовной реальности, для проникновения в ее глубинные структуры. Исследование философских взглядов П. Флоренского позволило сделать вывод о том, что к их характеристике явно может быть применено понятие конвергенции ценностей. В своих трудах мыслитель отражал опыт междисциплинарного соединения теологических, философских, математических и художественных идей, лежащих в основании развития отечественной культуры второй половины XIX – начала XX в.

Обобщение опыта конвергенции ценностей в концепции синтеза знаний П. Флоренского позволило сделать заключение, согласно которому

применение категории «художественного поля» к его теоретической позиции способно показать, как создается уникальная культурная среда, имеющая свойства деятельностного, созидательного и творческого начала. Обосновано, что «художественное поле» в рассматриваемый период выступало не только отражением, но и активной формой социокультурной динамики, формирующей ценностные ориентиры, стимулирующей интеллектуальную деятельность, расширяющей горизонты восприятия и вдохновляющей общество на прогрессивные изменения.

На основе анализа подхода П. Бурдье, в диссертации предложен «алгоритм» объективации «художественного поля», включающий в себя несколько процедур: (1) определение границ опыта конвергенции ценностей в результате социокультурной динамики; (2) выделение ключевой объединяющей идеи, сопряженной с указанным опытом конвергенции ценностей; (3) объединение представителей творческих кругов, культуры, искусства, философии вокруг указанной идеи; (4) соотнесение с указанными процессами и явлениями конкретных произведений искусства или философии, в которых отражена консолидирующая идея, прослеживается процесс формирования «художественного поля».

Установлено, что основными формами воздействия «художественного поля» на социокультурную динамику в отечественной культуре второй половины XIX – начала XX вв. являются: трансляция социального и экзистенциального опыта между поколениями носителей культуры; укрепление консолидирующих идей, опирающихся на традиционные ценности и нормы; закрепление в пространстве культуры «алгоритмов» поиска основ духовной безопасности и т.д. Ключевой объединяющей идеей становится поиск оснований духовного преображения человека, соотносимого с природной гармонией и равновесием природных объектов.

Список литературы

1. Аверинцев, С. С. Поэтика ранневизантийской литературы / С. Аверинцев. – Москва : Coda, 1997. – 342 с. – ISBN 5-89344-003-X (В пер.). – URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_001763485/?-ysclid=mfljrj22tn100113799 (дата обращения: 16.05.2025). – Текст: электронный.
2. Алексеева, И. Ю. Что такое общество знаний? / И. Ю. Алексеева. – Москва : Когито-Центр, 2009. – 96 с. – URL: http://graduate.scmaiconf.ru/download/alexeeva_fin3.pdf (дата обращения: 23.04.2025). – Текст: электронный.
3. Анисимов, С. Ф. Человек и машина: (Философ. проблемы кибернетики) / С. Ф. Анисимов; О-во по распространению политических и научных знаний РСФСР. – Москва: [б. и.], 1959. – 56 с.
4. Астафьева, О. Н. Эвристические возможности синергетики в исследовании современных социокультурных процессов : автореферат дис. ... доктора философских наук: 24.00.01 / Астафьева Ольга Николаевна ; Московский гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. – Москва, 2002. – 49 с. – URL: <https://www.dissercat.com/content/evristicheskie-vozmozhnosti-sinergetiki-v-issledovanii-sovremennykh-sotsiokulturnykh-protses?ysclid=mf0wmr7-pev218290440> (дата обращения 26.07.2025). – Текст: электронный.
5. Ахиезер, А. С. Россия: критика исторического опыта. (Социокультурная динамика России). Том 1: От прошлого к будущему / А. С. Ахиезер ; отв. ред. И. А. Беседин. – 2-е изд., перераб. и доп. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 1997. – 804 с. – ISBN 5-87550-039-5. – URL: <https://bik.sfu-kras.ru/elib/view?id=BOOK163.-3%282%29/%D0%90%20952514870&ysclid=mf56fbkmdf2992505> (дата обращения: 26.07.2025). – Текст : электронный.

6. Ахматова, А. А. Собрание сочинений: в 6 т. / А. Ахматова; сост., подгот. текста, коммент., ст. Н. В. Королевой. Стихотворения, 1959-1966. – Москва: Эллис Лак, 1998-, 1999. – 526 с.
7. Барт, Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика: пер. с фр. / Ролан Барт; сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. – Москва: Прогресс: Универс, 1994. – 615 с. – URL: https://vk.com/wall68638203_2276?ysclid=mf0wpb1fwg233454510 (дата обращения: 04.02.2025). – Текст: электронный.
8. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского / М. М. Бахтин. – Изд. 3-е. – Москва : Художественная литература, 1972. – 470 с. – URL: https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_rc_3497858/?ysclid=mflpcoy319513349507 (дата обращения: 04.08.2025). – Текст : электронный.
9. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин; сост. С. Г. Бочаров ; текст подгот. Г. С. Бернштейн и Л. В. Дерюгина; примеч. С. С. Аверинцева и С. Г. Бочарова. – 2-е изд. – Москва : Искусство, 1986. – 445 с. – URL: <https://runivers.ru/bookreader/book-142216/#page/3/mode/1up> (дата обращения: 01.02.2025). – Текст : электронный.
10. Бауман, З. Индивидуализированное общество / Зигмунд Бауман; пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. – Москва : Логос, 2005. – 390 с. – URL: https://yanko.lib.ru/books/sociology/bauman-individualized_society-2005-ru-a.htm (дата обращения: 05.07.2025). – Текст: электронный.
11. Белинский, В. Г. Полное собрание сочинений. Текст: в 12 т. / под редакцией и с примечаниями С. А. Венгерова. Т. 1 [Стихотворения. Переводы. Статьи]. – С.-Петербург: Тип. М. М. Стасюлевича, 1900-1948, 1900. – 542 с. – URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_-005405837/ (дата обращения: 22.01.2025). – Текст : электронный.
12. Белый, Андрей (1880–1934). Стихотворения / Андрей Белый. – Берлин; Петербург; Москва: Изд-во З. И. Гржебина, 1923. – 506 с. – URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_008066836/?ysclid=-mdkazpiqtj470604942 (дата обращения: 10.04.2025). – Текст: электронный.

13. Бенуа, А. Н. Мои воспоминания : в 5 книгах. Т. 2: Книжки четвертая, пятая / А. Н. Бенуа; [Изд. подготовили Н. И. Александрова и др.]. – Москва: Наука, 1980. – 743 с. – (Литературные памятники). – URL: https://rusneb.ru/catalog/000201_000010_BJVVV1037261/?ysclid=mf57442yta420700592 (дата обращения: 26.07.2025). – Текст : электронный.
14. Бердяев, Н. А. Русская идея Основные проблемы рус. мысли XIX в. и нач. XX в.; Судьба России / Н. А. Бердяев. – Москва : Сварог и К, 1997. – 540 с. – URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_001775372/?ysclid=mflnpagaix886288215 (дата обращения: 11.04.2025). – Текст : электронный
15. Бердяев, Н. А. Смысл истории. Новое Средневековье / Н. А. Бердяев; сост. и коммент. В. В. Сапова. – Москва : Канон+ : ОИ «Реабилитация», 2002. – 448 с. – (История философии в памятниках). – Текст : непосредственный.
16. Бердяев, Н. А. Смысл творчества / Н. А. Бердяев. – Москва : АСТ ; Хранитель, 2007. – URL: <https://crystalbook.ru/wpcontent/uploads/2021/05/%D0%9D.%D0%90.%D0%91%D0%B5%D1%80%D0%B4%D1%8F%D0%B5%D0%B2.%D0%A1%D0%BC%D1%8B%D1%81%0.pdf> (дата обращения: 16.03.2025). – Текст : электронный.
17. Библер, В. С. Культура. Диалог культур (опыт определения) / В.С.Библер. – URL: <https://studfile.net/preview/2690024/> (дата обращения: 10.03.2025). – Текст: электронный.
18. Библиография К. Д. Бальмонта. Произведения поэта на русском языке, изданные в России, СССР и Российской Федерации (1885–2005 гг.). – 2006. – 488 с. – URL: https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_RU_NLR_bibl_1087530/ (дата обращения: 02.05.2025). – Текст: электронный.
19. Блок, Александр Александрович. Стихи о Прекрасной даме // Стихи о Прекрасной даме / Александр Блок. – Москва: Гриф, 1905. – 135 с. – URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003726550/?ysclid=mfjfm811e5558199314 (дата обращения: 11.06.2025). – Текст: электронный.

20. Блюмкин, В. А. Этика и жизнь / В. А. Блюмкин. – Москва : Политиздат, 1987. – 109 с. – URL: <http://lib.kmv.ru/katalog/title/10266/> (дата обращения: 02.04.2025). – Текст : электронный.
21. Богатырев, Р. Пространства Флоренского. Искусство, образ, символ / Р. Богатырев. – URL: https://philologos.narod.ru/florensky/fl_space.htm (дата обращения: 07.06.2025). – Текст : электронный.
22. Бодрийяр, Ж. Общество потребления: его мифы и структуры / Жан Бодрийяр ; [пер. с фр., послесл. и примеч. Е. А. Самарской]. – Москва : Республика : Культурная революция, 2006. – 268 с. – (Мыслители XX века). – URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_002917556/?ysclid=mf5dq6oehu946346090 (дата обращения: 11.01.2025). – Текст : электронный.
23. Боров, Ю. Б. Эстетика : отношение к действительности. Творчество. Произведения. Природа. Природа и виды искусства. Художественный процесс. Обращение с искусством / Ю. Б. Боров. – Москва : Русь-Олимп : Астрель, 2005. – 829 с. – URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_002795732/?ysclid=mf5dty3gs7640575391 (дата обращения: 08.07.2025). – Текст : электронный.
24. Бочаров, С. Г. О художественных мирах / С. Г. Бочаров. – Москва : Советская Россия, 1985. – 296 с. – URL: https://imwerden.de/pdf/bocharov_o_khudozhestvennykh_mirakh_1985_text.pdf (дата обращения: 29.07.2025). – Текст : электронный.
25. Брандес, Г. Главные течения литературы девятнадцатого столетия = Главные течения литературы девятнадцатого столетия : лекции, читанные в Копенгагенском университете Г. Брандесом : (перевод с немецкого издания Адольфа Шпротзмана). – Москва : издание В. Неведомского, Тип. Мартынова, 1881. – 408 с. – URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003920727/?ysclid=mflmfl6o33262957327 (дата обращения: 11.08.2025). – Текст : электронный.

26. Брентано, Ф. Избранные работы / Франц Брентано ; пер с нем. В. Анашвили. – Москва : Дом интеллектуальной книги, Русское феноменологическое общество, 1996. – 176 с. – URL: https://vk.com/wall-153866786_51?ysclid=mf0wrk5s3k683487602 (дата обращения: 26.08.2025). – Текст : электронный.
27. Бродель, Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. : в 3 т. Т. 1: Структуры повседневности: возможное и невозможное / Фернан Бродель ; пер. с фр. Л. Е. Куббеля ; вступ. ст. и ред. Ю. Н. Афанасьева. – Москва : Прогресс, 1986. – 623 с. – URL: https://vk.com/wall-49983241_3342?ysclid=mf0wtn10ot691020577 (дата обращения: 29.01.2025). – Текст : электронный.
28. Буданов, В. Г. Квантово-синергетические онтологии в становлении постнеклассического образа антропосферы будущего / В. Г. Буданов. – Текст : электронный // Постнеклассические практики : определение предметных областей. – Москва : Макс-Пресс, 2008. – С. 63-67. – URL: <https://spkurdyumov.ru/philosophy/kvantovo-sinergeticheskie-ontologii/-?ysclid=mdk83sqwkb309094119> (дата обращения: 24.08.2025). – Текст : электронный.
29. Булгаков, С. Н. Философия хозяйства / С. Н. Булгаков ; подгот. В. В. Сапов; [АН СССР, Ин-т социологии]. – Москва : Наука, 1990. – 413 с. – (Социол. наследие). – URL: https://azbyka.ru/otechnik/-Sergij_Bulgakov/filosofija-hozjajstva/#source (дата обращения: 09.04.2025). – Текст : электронный.
30. Бурдьё, П. Опозиции современной социологии / Пьер Бурдьё. – Текст: непосредственный // Социологические исследования. – 1996. – № 5. – С. 36-50.
31. Бычков, В. В. Павел Флоренский «Философия искусства» / В. В. Бычков. – Текст : электронный // Русская теургическая эстетика / В. В. Бычков. – Москва : Ладомир, 2007. – 743 с. – ISBN 978-5-86218-468-6. – URL: <https://azbyka.ru/otechnik/filosofija/russkaja-teurgicheskaja-estetika/> (дата обращения: 08.05.2025).

32. Базунов, Сергей Александрович (1857–1903). Р. Вагнер : Рихард Вагнер Его жизнь и муз. деятельность : Биогр. очерк С. А. Базунова / С портр. Р. Вагнера, грав. в Лейпциге Геданом. – Санкт-Петербург : тип. газ. «Новости», 1891. – 95 с. – (Жизнь замечательных людей. Биографическая библиотека Флорентия Павленкова). – URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003659382/?ysclid=mfhlwwg96l74502828 (дата обращения: 24.06.2025). – Текст : электронный.
33. Валлерстайн, И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире / Иммануэль Валлерстайн ; пер. с англ. П. М. Кудюкина ; под ред. Б. Ю. Кагарлицкого. – Санкт-Петербург : Унив. кн., 2001. – 414 с. – ISBN 5-94483-042-5. – URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_000724323/?ysclid=mfl13lah8r955487453 (дата обращения: 04.06.2025). – Текст : электронный.
34. Вебер, М. Работы М. Вебера по социологии, религии и культуре : [перевод] / Макс Вебер ; АН СССР, ИНИОН, Всесоюз. межвед. центр наук о человеке при президиуме. Вып. 2. – Москва : ИНИОН, 1991. – 301 с. – URL: https://vk.com/wall-80080904_8901?ysclid=-mf149464sv535198095 (дата обращения: 01.08.2025). – Текст : электронный.
35. Вельцель, К. Рождение свободы / Кристиан Вельцель ; пер. с англ. А. В. Лисовского ; АО «Всероссийский центр изучения общественного мнения». – Москва : ВЦИОМ, 2017. – 403 с. – URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_008882814/?ysclid=mf14c7p8l2638661992 (дата обращения: 14.06.2025). – Текст : электронный.
36. Вернадский, В. И. Философские мысли натуралиста / В. И. Вернадский. – Москва : Наука, 1988. – 520 с. – Текст : непосредственный.
37. Вехи : сборник статей о русской интеллигенции, с приложением «Библиографии вех» / [сочинения] Н. А. Бердяева, С. Н. Булгакова, М. О. Гершензона [и др.]. – 4-е изд. – Москва : типо-литография товарищества И. Н. Кушнерев и К°, 1909. – 219 с. – URL:

https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_v19_rc_1848901/?ysclid=mfhmdnuik769419249 (дата обращения: 14.06.2025). – Текст : электронный.

38. Взаимодействие лингвистических ареалов. Теория, методика и источники исслед. / [М. А. Бородина, С. В. Смирницкая, Ю. К. Кузьменко и др. ; отв. ред. М. А. Бородина]. – Ленинград : Наука. Ленингр. отд-ние, 1980. – 272 с. – URL: https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_rc_1138816/?ysclid=mf69pai59h268239276 (дата обращения: 02.04.2025). – Текст : электронный.

39. Виндельбанд, В. Прелюдии : Философские статьи и речи / Вильгельм Виндельбанд ; пер. с 2-го нем. изд. [и предисл.] С. Франка. – Санкт-Петербург : Изд. Д. Е. Жуковского, 1904. – 374 с. – URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003719808/?ysclid=mf5cnwbtn7671305446 (дата обращения: 11.06.2025). – Текст : электронный.

40. Витгенштейн, Л. Философские исследования / Людвиг Витгенштейн ; [пер. с нем. Л. Добросельского]. – Москва : АСТ, 2018. – 347 с. – (Философия – Neoclassic). – ISBN 978-5-17-107308-4. – URL: https://cdn2.static1simaland.com/files/instruction/ASE000000000835175_30389.pdf (дата обращения: 06.06.2025). – Текст : электронный.

41. Волошин, М. А. Лики творчества / М. Волошин ; изд. подгот. В. А. Мануйлов и др. ; [предисл. С. Наровчатова; АН СССР]. – Ленинград : Наука : Ленингр. отд-ние, 1988. – 848 с. – URL: https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_v19_rc_1968758/?ysclid=mf5cw8d74v34433580 (дата обращения: 04.08.2025). – Текст : электронный.

42. Выготский, Л. С. Психология искусства / Л. Выготский. – Санкт-Петербург : Азбука, 2000. – 410 с. – Текст : непосредственный.

43. Выжлецов, Г. С. Аксиология культуры / Г. П. Выжлецов ; Санкт-Петербургский гос. ун-т. – Санкт-Петербург : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1996. – 148 с. – URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_001772281/?ysclid=mf5d2mobyn534468829 (дата обращения: 28.03.2025). – Текст : электронный.

44. Вышеславцев, Б. П. Сочинения / Б. П. Вышеславцев ; [сост., авт. примеч. В. В. Сапов ; вступ. ст. С. А. Левицкого]. – Москва : Раритет, 1995. – 459 с. – (Библиотека духовного возрождения). – URL: https://www.rpnet.ru/store/element.php?ELEMENT_ID=6446&IBLOCK_ID=30&SECTION_ID=289&ysclid=mf5d6ych3k644863200 (дата обращения: 16.05.2025). – Текст : электронный.

45. Гадамер, Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики : пер. с нем. / Ханс-Георг Гадамер ; общ. ред. и вступ. ст. Б. Н. Бессонова. – Москва : Прогресс, 1988. – 704 с. – URL: https://yanko.lib.ru/books/philosoph/gadamer-istina_i_metod.pdf (дата обращения: 21.07.2025). – Текст : электронный.

46. Гараджа, В. И. Религиоведение : учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений и преп. ср. школы / В. И. Гараджа. – 2-е изд., доп. – Москва : Аспект Пресс, 1995. – 351 с. – URL: https://psv4.userapi.com/s/v1/d/YM7FL5X88fkRPFJp1vCUVvk3Z59jnVDe2dZfEXa5kcvcX9hJ5OYyEdWsAULenShxxmz_IE8RGHj3mK2v8LGYp00MBV5tvUYt5wqgdAafLoi9xw1JLX4Tw/Garadzha_Sotsiologia_religii.pdf (дата обращения: 09.02.2025). – Текст : электронный.

47. Гартман, Н. Этика / Н. Гартман ; пер. с нем. А. Б. Глаголева ; под ред. Ю. С. Медведева и Д. В. Скляднева. – Санкт-Петербург : Фонд Университет : Владимир Даль, 2002. – 707 с. – URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01001842347?ysclid=mf2m8niy9m953644255> (дата обращения: 04.08.2025). – Текст : электронный.

48. Гаршин, В. Заметки о художественных выставках / В. Гаршин. – Москва : Эксмо, 2008. – URL: <https://libking.ru/books/nonf-/nonf-criticism/552271-vsevolod-garshin-zametki-o-hudozhestvennyh-vystavkah.html>. (дата обращения: 12.04.2025). – Текст : электронный.

49. Гегель, В. Г. История философии / Георг Вильгельм Гегель. – URL: https://royallib.com/book/gegel_georg_vilgelm_fridrih/filosofiya_istorii.html (дата обращения: 27.07.2025). – Текст : электронный.

50. Гераклит Эфесский. Все наследие на языках оригинала и в русском переводе / [Сост., крит. текст, пер., коммент.] С. Н. Муравьев. Крат. изд. – Москва : Ad Marginem, 2012. – 346 с. – URL: https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_RU_NLR_bibl_1960684/?ysclid=mfhlls5y1z446878292 (дата обращения: 04.06.2025). – Текст : электронный.

51. Герцен, А. И. (1812–1870). Былое и думы / А. И. Герцен ; [вступ. ст., коммент. Г. Г. Елизаветиной ; ил. С. К. и И. С. Рудаковых]. Ч. 1-5. – Москва : Художественная литература, 1987. – 670 с. : цв. ил. – URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_008553443/ (дата обращения: 16.06.2025). – Текст : электронный.

52. Гиппиус, З. Н. Неизвестный XX век. Сочинения : в 3 т. Т. 1: Мечты и кошмар: Неизвестная проза 1920–1925 годов / З. Н. Гиппиус ; сост., вступ. ст., коммент. А. Н. Николукина ; РАН, ИНИОН. – Санкт-Петербург : Росток, 2002. – 558 с. – URL: https://rusneb.ru/catalog/-000201_000010_BJVVV1194670/?ysclid=mfjolrjdu7294895098 (дата обращения: 16.05.2025). – Текст : электронный.

53. Горбачева, А. Г. Социально-философский анализ влияния конвергирующих НБИКС-технологий на человека : автореферат дис. ... кандидата философских наук : 09.00.11 / Горбачева Анна Геннадьевна ; [место защиты: Национальный исследовательский Томский государственный университет]. – Томск, 2016. – 26 с. – URL: <https://www.dissercat.com/content/sotsialno-filosofskii-analiz-vliyaniya-konvergiruyushchikh-nbiks-tekhnologii-na-cheloveka?ysclid=mdk8mszk6-w-263852817> (дата обращения: 12.04.2025). – Текст : электронный.

54. Горохов, В. Г. Основы философии техники и технических наук : учеб. для студентов и аспирантов / В. Г. Горохов. – Москва : Гардарики, 2007. – 335 с. – (Учебник для студентов и аспирантов). – ISBN 978-5-8297-0307-3. – URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_-003018996/?ysclid=mdkbrpbwzp955650417 (дата обращения: 06.07.2025). – Текст : электронный.

55. Горький, М. Собрание сочинений / М. Горький – 2-е изд. – [Москва ; Ленинград] : Гос. изд-во, [1927–1929]. Т. 19. – 1927. – 354 с. – URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_009005356/ (дата обращения: 21.08.2025). – Текст : электронный.
56. Гумилев, Л. Н. От Руси до России : очерки этн. истории / Л. Н. Гумилев. – Москва : ОЛМА Медиа Групп, 2013. – 319 с. – URL: <https://resources.mgpu.ru/docfulldescription.php?docid=341654&ysclid=mfjmyaq40569061668> (дата обращения: 09.01.2025). – Текст : электронный.
57. Гуревич, А. Я. Категории средневековой культуры / А. Я. Гуревич. – Изд. 2-е, испр. и доп. – Москва : Искусство, 1984. – 349 с. – URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01006637018?ysclid=mf731f8xir401509742> (дата обращения: 12.04.2025). – Текст : электронный.
58. Гуссерль, Э. Кризис европейского человечества и философия / Эдмунд Гуссерль. – URL: https://vk.com/wall140237409_16913?ysclid=mdkahj2oupr9828084 (дата обращения: 27.03.2025). – Текст : электронный.
59. Данилевский, Н. Я. Россия и Европа / Н. Я. Данилевский ; сост. и коммент. Ю. А. Белова ; отв. ред. О. Платонов. – Москва : Институт русской цивилизации, 2008. – 816 с. – Текст : непосредственный.
60. Данилов, Ю. А. Что такое синергетика? / Ю. А. Данилов, Б. Б. Кадомцев. – Текст : непосредственный // Нелинейные волны. Самоорганизация. – Москва : Наука, 1983. – 264 с.
61. Дейк, Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация : сборник работ / Т. А. ван Дейк ; составление В. В. Петрова ; пер. с англ. под ред. В. И. Герасимова ; вступ. ст. Ю. Н. Караулова, В. В. Петрова. – Москва : Прогресс, 1989. – 310 с. – URL: https://vk.com/wall127229014_4015?ysclid=mf13o133ce530388119 (дата обращения: 12.05.2025). – Текст : электронный.
62. Делез, Ж. Логика смысла / Жиль Делез. – Москва : Раритет; Екатеринбург: Деловая книга, 1998. – 480 с. – Текст : непосредственный.

63. Делез, Ж. Что такое философия? / Жиль Делёз, Феликс Гваттари ; пер. с фр. и послесл. С. Зенкина. – Москва : Академический Проект, 2009. – 261 с. – (Философские технологии). – ISBN 978-5-8291-1171-7. – URL: [https://dl.libcats.org/genesis/601000/bccdac623ca3e690b0d4e5be8c3-65c1a/_as/%5BDelyoz_ZH.,_Gvattari_F.%5D_CHto_takoe_filosofiya\(libcats.org\).pdf](https://dl.libcats.org/genesis/601000/bccdac623ca3e690b0d4e5be8c3-65c1a/_as/%5BDelyoz_ZH.,_Gvattari_F.%5D_CHto_takoe_filosofiya(libcats.org).pdf) (дата обращения: 24.03.2025). – Текст : электронный.
64. Деррида, Ж. Поля философии / Жак Деррида ; [пер. с фр. Д. Ю. Кралечкина]. – Москва : Акад. проект, 2012. – 375 с. – (Философские технологии. Постструктурализм). – URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_005574162/?ysclid=mdkbbk4wxp7959401447 (дата обращения: 16.05.2024). – Текст : электронный.
65. Дильтей В. Сущность философии / Вильгельм Дильтей ; [пер. с нем. под ред. М. Е. Цельтера]. – М. : Intrada, 2001. – 159 с. – ISBN 5-87604-051-7. – URL: https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_RU_NLR_bibl_572525/?ysclid=mflmq8er3t419090482 (дата обращения: 16.05.2024). – Текст : электронный.
66. Динамика ценностей населения реформируемой России / [Н. И. Лапин, Л. А. Беляева, Н. Ф. Наумова, А. Г. Здравомыслов] ; отв. ред. Н. И. Лапин, Л. А. Беляева ; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – Москва : Эдиториал УРСС, 1996. – 224 с. – Текст : непосредственный.
67. Днепров, В. С единой точки зрения : литературно-эстетические очерки / В. Д. Днепров. – Ленинград : Советский писатель. Ленинградское отделение, 1989. – 376 с. – URL: https://rusneb.ru/catalog/004127_000033_RU_IS_BASE_413171843/?ysclid=mf5e3ldj9b452270807 (дата обращения: 02.04.2025). – Текст : электронный.
68. Добролюбов, Н. А. Избранные произведения / Н. А. Добролюбов. – Санкт-Петербург : Паровая тип. Л. В. Гутмана, 1911. – URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003532464/?ysclid=mf7ufjwcdv818494168 (дата обращения: 16.05.2024). – Текст : электронный.

69. Долгов, К. М. Техногенная цивилизация и культура человека / К. М. Долгов. – URL: http://utopiya.spb.ru/index.php?option=com_content&view=article&catid=57:2010-05-12-13-55-07&Itemid=196 (дата обращения: 23.05.2025). – Текст : электронный.
70. Дрекслер, К. Эрик. Машины созидания. Грядущая эра Нанотехнологии / К. Эрик Дрекслер. – URL: http://www.scorcher.ru/art/long_life/nano.htm (дата обращения: 07.09.2025). – Текст : электронный.
71. Друкер, П. Эра социальной трансформации / Питер Друкер. – URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2006/2506> (дата обращения: 22.01.2025). – Текст : электронный.
72. Дубровский, Д. И. Проблема идеального. Субъективная реальность / Д. И. Дубровский. – Москва : Канон+, 2002. – 366 с. – URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_000907844/?ysclid=mdk7y0gnw9217643868 (дата обращения: 04.08.2025). – Текст : электронный.
73. Дэвис, Э. Техногнозис: миф, магия и мистицизм в информационную эпоху / Эрик Дэвис ; пер. с англ. С. Кормильцева, Е. Бачиной, В. Харитоновой. – Екатеринбург : Ультра. Культура, 2008. – 480 с. – Текст : непосредственный.
74. Дюркгейм, Э. О разделении общественного труда / Эмиль Дюркгейм ; [пер. с фр. А. Б. Гофмана]. – Москва : Канон, 1996. – 430 с. – (История социологии в памятниках). – URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_010930600/?ysclid=mfl4kefank636488506 (дата обращения: 26.07.2025). – Текст : электронный.
75. Емельянов, Б. В. Три века русской философии. XVIII век : учеб. пособие / Б. В. Емельянов ; Уральский федер. ун-т. – Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та, 2013. – 430 с. – URL: <https://rucont.ru/-efd/292974> (дата обращения: 26.07.2025). – Текст : электронный.
76. Есипов, Г. В. Раскольниковы дела XVIII столетия : в 2 т. / Г. В. Есипов. – Санкт-Петербург : Тип. Товарищества «Общественная польза», 1861–1863. –

URL: <https://runivers.ru/lib/book19746/> (дата обращения: 11.04.2025). – Текст : электронный.

77. Журавлева, С. М. Язык в онтологической парадигме : Креативный и репрессивный потенциал : диссертация ... кандидата философских наук : 09.00.01 / Журавлева Светлана Михайловна. – Москва, 1999. – 120 с. – URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_000253771/?ysclid=-mf5f3zscxqt340678582 (дата обращения: 02.07.2025). – Текст : электронный.

78. Замалеев, А. Ф. Русская религиозная философия: XI–XX вв. / А. Ф. Замалеев. – Санкт-Петербург : Изд. дом С.-Петерб. ун-та, 2007. – 208 с. – URL: https://vk.com/wall370716055_338?w=wall370716055_-338&-ysclid=mdk4rbj819256260889 (дата обращения: 14.02.2025). – Текст : электронный.

79. Захаров, В. Г. Культура и власть : записки министра культуры СССР / В. Г. Захаров. – Москва : Художественная литература, 2014. – 382 с. – Текст : непосредственный.

80. Захарченко, В. В. Павел Флоренский: Наука как культ, культ как наука / В. В. Захарченко. – Москва, 2017. – Текст : непосредственный.

81. Зенкова, Т. Л. Духовная культура в лингвокогнитивном аспекте антропологического знания : автореферат дис. ... кандидата философских наук : 09.00.13 / Зенкова Татьяна Леонидовна; [Место защиты: Забайк. гос. ун-т]. – Чита, 2011. – 23 с. – URL: https://rusneb.ru/catalog/-000199_000009_005005636/?ysclid=mf5fw36wbt786312562 (дата обращения: 26.04.2025). – Текст : электронный.

82. Зиммель, Г. Большие города и духовная жизнь / Георг Зиммель ; пер. с нем. Кирилл Левинсон. – Москва : Strelka Press, 2018. – 109 с. – URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01010182603?ysclid=mhmbmp6qb3775355290> (дата обращения: 11.02.2025). – Текст : электронный.

83. Иванов, А. В. На путях к духовно-экологической цивилизации (очерки духовно-экологического мировоззрения) / А. В. Иванов, И. В. Фотиева, М. Ю. Шишин. – Барнаул, 2014. – URL: <https://pedagogika->

cultura.ru/tsennosti-kultury-pakt-rerikha/ivanov-fotieva-shishin-kultura-i-antikultura?ysclid=mf5gnttwi3434908592 (дата обращения: 18.04.2025). – Текст : электронный.

84. Иванов, В. В. П. А. Флоренский и культура его времени / В. В. Иванов ; под ред. М. Хагемайстера и Н. Каухчишвили. – Blaue Horner Verlag, Marburg, 1995. – 526 с. – Текст : непосредственный.

85. Иванов, В. И. Пробуждение и другие рассказы / В. И. Савихин [псевд.]. – Москва, 1906. – 371 с. – (Для интеллигентных читателей / Изд. Посредника). – URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_-003734925/?ysclid=mdkb3cgxcq628154035 (дата обращения: 12.05.2025). – Текст : электронный.

86. Иванов, В. И. pro et contra, антология. Т. 1 / сост. К. Г. Исупова, А. Б. Шишкина ; коммент. Е. В. Глухой, К. Г. Исупова, С. Д. Титаренко, А. Б. Шишкина и др. – Санкт-Петербург : РХГА, 2016. – ISBN 978-5-88812-724-7 – 996 с. – URL: https://imwerden.de/pdf/vyacheslav_ivanov_pro_et_contra_tom1_2016.pdf (дата обращения: 08.05.2025). – Текст : электронный.

87. Ивин, А. А. Основания логики оценок / А. А. Ивин. – Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1970. – 232 с. – URL: <https://klex.ru/u7d> (дата обращения: 11.07.2025). – Текст : электронный.

88. Ильин, И. А. Основы христианской культуры / И. А. Ильин. – Мюнхен : Изд. Обители Преп. Иова Почаевского в Мюнхене, 1990. – 56 с. – Текст : непосредственный.

89. Ильин, И. А. Собрание сочинений : в 10 т. Т. 1 / И. А. Иванов ; сост., вступ. ст. и коммент. Ю. Т. Лисицы. – Москва : Русская книга, 1996. – 400 с. – URL: https://imwerden.de/pdf/ilyin_sobranie_sochineny_tom01_1996__ocr.pdf?ysclid=mf5guptvdr527837671 (дата обращения: 14.04.2025). – Текст : электронный.

90. Инглхарт, Р. Культурная эволюция : как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир / Рональд Инглхарт ; [пер. с англ.

С. Л. Лопатина] ; [Фонд Либеральная миссия, Комитет гражданских инициатив]. – Москва : Мысль, сор. 2018. – 346 с. – URL: https://rusneb.ru/catalog/-000199_000009_009665907/?ysclid=mf14w9-mm78899402123 (дата обращения: 26.04.2025). – Текст : электронный.

91. Каблиц, И. И. Интеллигенция и народ в общественной жизни России / И. И. Каблиц. – Санкт-Петербург : Тип. Н. А. Лебедева, 1886. – 305 с. – Текст : непосредственный.

92. Каган, М. С. Философия культуры : учебное пособие М. С. Каган. – Санкт-Петербург, 1996. – URL: file:///C:/Users/Admin/Desktop/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D0%B8/%D0%9A%D0%D0%BС%D0%B5%D0%BD%D1%8F/Kagan-M.S.-Filosofiya-kultury_-filosofiya.pdf (дата обращения: 01.03.2025). – Текст : электронный.

93. Каган, М. С. Философская теория ценностей / М. С. Каган. – Санкт-Петербург : Петрополис, 1997. – 204 с. – URL: [*kagan._filosofskaya_teoriya_cennosti.pdf](file:///C:/Users/Admin/Desktop/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D0%B8/%D0%9A%D0%D0%BС%D0%B5%D0%BD%D1%8F/kagan._filosofskaya_teoriya_cennosti.pdf) (дата обращения: 16.03.2025). – Текст : электронный.

94. Кандинский, В. В. О духовном в искусстве / В. В. Кандинский ; предисл. Нины Кандинской ; пер. А. Лисовского. – [New York] : Международное литературное содружество, 1967. – 159 с. – URL: https://vtorayaliteratura.com/pdf/kandinsky_o_vysokom_v_iskusstve_1967ocr.pdf?ysclid=mf5gyqcisl762511100 (дата обращения: 16.03.2025). – Текст : электронный.

95. Камю, А. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство: пер. с фр. – Москва : Политиздат, 1990. – 415 с. – URL: https://imwerden.de/pdf/camus_buntuyushhy_chelovek_1990.pdf?ysclid=mhmcvztubc946595580 (дата обращения: 11.08.2025). – Текст : электронный.

96. Канке, В. А. Этика ответственности: Теория морали будущего / В. А. Канке. – Москва : Логос, 2003. – 400 с. – Текст : непосредственный.

97. Кант, И. Собрание сочинений : в 6 т. Т. 4 / Иммануил Кант. – Москва : Мысль, 1965. – 491 с. – Текст : непосредственный.

98. Капица, С. П. Синергетика и прогнозы будущего / С. П. Капица, С. П. Курдюмов, Г. Г. Малинецкий. – 3-е издание. – Москва : Эдиториал УРСС, 2003. – 288 с. – Текст : непосредственный.
99. Каргаполов, Е. П. «Закон ценностей» и развитие цивилизационного кода России / Е. П. Каргаполов. – Текст : электронный. // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. – 2025. – Том 14. № 4А. – С. 50-60. – URL: <http://www.publishing-vak.ru/file/archive-philosophy-2025-4/c2-kargaplov.pdf> (дата обращения: 22.03.2025).
100. Карсавин, Л. П. Культура Средних веков. Общий очерк / Л. П. Карсавин. – Петроград : Огни, 1918. – 221 с. – URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_004424400/?ysclid=mf5h08c8n3963646392 (дата обращения: 19.07.2025). – Текст : электронный.
101. Касавин, И. Т. Философия познания и идея междисциплинарности / И. Т. Касавин. – Текст: непосредственный // Эпистемология и философия науки. – 2004. – Т. 2. № 2. – С. 5-14.
102. Кассирер, Э. Познание и действительность Понятие о субстанции и понятие о функции / Эрнст Кассирер ; пер. Б. Столпнера и П. Юшкевича. – Санкт-Петербург : Шиповник, 1912. – 454 с. – URL: https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_v19_rc_1923574/?ysclid=mf6zwing2md37603810 (дата обращения: 11.07.2025). – Текст : электронный.
103. Кастельс, М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кастельс. – Москва : Изд-во ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с. – Текст : непосредственный.
104. Клиффорд У. О природе вещей в самих себе / У. Клиффорд. – URL: <https://www.academia.edu/1286891375> (дата обращения: 15.03.2025). – Текст : электронный.
105. Кнабе, Г. С. Древний Рим – история и повседневность : очерки / Г. С. Кнабе. – Москва : Искусство, 1986. – 206 с. – URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_001679424/?ysclid=mf15bs4dqn472504755 (дата обращения: 26.03.2025). – Текст : электронный.

106. Князева, Е. Н. Конструирование будущего / Е. Н. Князева. – Текст : электронный // Экономические стратегии. – 2010. – № 4. – С. 2–11. – URL: <https://spkurdyumov.ru/philosophy/konstruirovanie-budushhego/> (дата обращения: 07.05.2025).

107. Ковальчук, М. В. Конвергенция наук и технологий и формирование новой ноосферы / М. В. Ковальчук, О. С. Нарайкин. – Москва : НИЦ «Курчатовский ин-т», 2011. – 15 с. – (Национальный исследовательский центр «Курчатовский институт»; ИАЭ-6671/9). – Текст : непосредственный.

108. Композиторы «Могучей кучки» о народной музыке : [Сборник] / [Сост., ред., предисл. и коммент. Е. М. Гордеевой]. – Москва : Музгиз, 1957. – 246 с. : нот. ил. – URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_006227024/?ysclid=mfjjpgrobao397576409 (дата обращения: 13.04.2025). – Текст : электронный.

109. Конвергенция биологических, информационных, нано- и когнитивных технологий: вызов философии / В. А. Лекторский, Б. И. Пружинин, И. Ю. Алексеева, В. И. Аршинов и др. – Текст : непосредственный // Вопросы философии. – 2012. – № 12. – С. 3-23.

110. Кондаков, Б. В. Очерки истории русской культуры : учебное пособие / Б. В. Кондаков. – Пермь : Изд-во ПОИПКРО, 1995. – 86 с. – URL: https://vk.com/wall-139222551_9408?ysclid=mdlodgk07g67987373 (дата обращения: 12.07.2025). – Текст : электронный.

111. Кондаков, И. В. Введение в историю русской культуры [Учеб. пособие для вузов] / И. В. Кондаков ; [Ин-т «Открытое о-во»]. – Москва : Аспект-пресс, 1997. – 686 с. – URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_001763772/?ysclid=mf15dquvoc15610736 (дата обращения: 25.05.2025). – Текст : электронный.

112. Корабельникова, Л. З. «Орестея» С. И. Танеева. Античный сюжет в русской художественной культуре второй половины XIX в. / Л. З. Корабельникова. – Текст : непосредственный // Типология русского

реализма второй половины XIX века : сб. статей / отв. ред.

Г. Ю. Стернин. – Москва : Наука, 1979. – 352 с.

113. Короленко, В. Г. Полное собрание сочинений : в 9 т. Т. 9 /

В. Г. Короленко. – Петроград : Изд-во А. Ф. Маркса, 1914. – 430 с. – URL: https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_v19_rc_1974869/ (дата обращения: 16.03.2025). – Текст : электронный.

114. Котеля, В. А. Философия духовной культуры: русская традиция /

В. А. Котеля, Н. И. Шевченко ; Белгородский гос. технол. ун-т им.

В. Г. Шухова, Гос. учреждение культуры «Белгородский гос. центр нар. творчества». – Белгород : Изд-во БГТУ, 2009. – 233 с. – URL: https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_RU_NLR_bibl_1670613/?ysclid=mf700ip7mk97823638 (дата обращения: 22.04.2025). – Текст : электронный.

115. Котляров, И. В. Политическая социология: теория, история,

методология, методика : в 2 ч. / И. Котляров ; [Учреждение образования «Минский ин-т упр.»]. – Минск : Изд-во МИУ, 2004. – URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_002575439/?ysclid=mf9tofxs2k738796150 (дата обращения: 02.04.2025). – Текст : электронный.

116. Кочеткова, Е. М. Изучение композиции как отдельного предмета на

уроках изобразительного искусства / Е. М. Кочеткова. – Текст : непосредственный // Современные проблемы высшего образования. Теория и практика. – Москва, 2021. – С. 476-479. – ISBN 978-5-98594-691-8.

117. Кристева, Ю. Избранные труды: Разрушение поэтики / Юлия

Кристева ; [пер. с фр. Г. К. Косиков, Б. П. Нарумов]. – Москва : РОССПЭН, 2004 (ГУП ИПК Ульян. Дом печати). – 652 с. – URL: https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_RU_NLR_BIBL_A_010751370/?ysclid=mf15h57r7r692798483 (дата обращения: 11.05.2025). – Текст : электронный.

118. Крымов, Н. П. Художник и педагог. Статьи, воспоминания /

Н. П. Крымов. – Москва : Изобразительное искусство, 1989. – 224 с. – URL: <https://web.archive.org/web/20101023204945/http://leschev-art.narod.ru/krymov.-html/> (дата обращения: 02.06.2025). – Текст : электронный.

119. Кузьменков В. А. Социально-политические ценности как системообразующий фактор современного общества : диссертация ... кандидата философских наук : 09.00.11 / Кузьменков Владимир Александрович ; [Место защиты: Иван. гос. ун-т]. – Орел, 2015. – 157 с. – URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_008160015/?ysclid=-mf5h9vtmnx445183736 (дата обращения: 24.03.2025). – Текст : электронный.

120. Курдюмов, С. П. Симфония горения / С. П. Курдюмов // Мир человека: неопределенность как вызов / Институт философии РАН ; отв. ред. Г. Л. Белкина ; ред.-сост. М. И. Фролова ; среди авт.

И. А. Бирич. – Москва : URSS, 2019. – 520 с. – (Синергетика: от прошлого к будущему; № 88). – ISBN 978-5-9710-5915-8. – Текст : непосредственный.

121. Лангер, С. К. Философия в новом ключе. Исследование символики разума, ритуала и искусства / Сьюзен Лангер ; [пер. с англ.

С. П. Евтушенко, общ. ред. и послесл. В. П. Шестакова, примеч.

Р. К. Медведевой]. – Москва : Республика, 2000. – 286 с. – URL: https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_RU_NLR_bibl_110196/?ysclid=mhk2pdp1g6126018326 (дата обращения: 29.10.2025). – Текст : электронный.

122. Лапин, Н. И. Общая социология : учеб. пособие для студентов вузов / Н. И. Лапин. – 2-е изд., доп. – Москва : Высш. шк., 2009. – 451 с. – URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_004141338/?ysclid=-mf15j5c675913932821 (дата обращения: 24.03.2025). – Текст : электронный.

123. Ларионова, Н. Г. Текстологические и историко-литературные вопросы изучения творчества А. И. Одоевского : автореферат дис. ... кандидата филологических наук : (10.01.01) / Ларионова Наталья Григорьевна ; Моск. ун-т им. М. В. Ломоносова. – Москва, 1977. –

23 с. – URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01007679678?ysclid=-mf5hfmvhoi837848837> (дата обращения: 02.07.2025). – Текст : электронный.

124. Ласло, Э. Век бифуркации: постижение изменяющегося мира / Эрвин Ласло. – Текст : непосредственный // Путь. – 1995. – № 1. – С. 3-129.

125. Леви-Строс, К. Первобытное мышление / Клод Леви-Строс. – Москва : Терра-Кн. клуб, Республика, 1999. – 382 с. – URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_000652194/?ysclid=mf15ml6imi51536934 (дата обращения: 02.08.2025). – Текст : электронный.

126. Лекторский, В. А. Философия, познание, культура / В. А. Лекторский ; РАН, Ин-т философии. – Москва : Канон+, 2012. – 383 с. – URL: https://rusneb.ru/catalog/000201_000010_BJVVV1356263/?ysclid=mdk7up267g98095481 (дата обращения: 16.03.2025). – Текст : электронный.

127. Леонтьев, К. Н. «Цветущая сложность» не сливающихся в одно признаков как критерий развития общества / К. Н. Леонтьев. – URL: https://ruskline.ru/analitika/2014/03/15/knleontev_cvetuwaya_slozhnost_ne_slivayuwihsy_v_odno_priznakov_kak_kriterij_razvitiya_obwestva/ (дата обращения: 16.03.2025). – Текст : электронный.

128. Лифшиц, М. А. Проблема Достоевского (Разговор с чертом) / М. А. Лившиц. – Москва : Академический Проект, 2013. – 267 с. – (Современная русская философия). – URL: https://philhist.spbu.ru/images/books/lifshits_2013.pdf (дата обращения: 04.06.2024). – Текст : электронный.

129. Лихачев, Д. С. Избранное : мысли о жизни, истории, культуре / Д. С. Лихачев. – Москва : РФК, 2006. – 334 с. – URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_002954234/?ysclid=mdkatmr4gn341550080 (дата обращения: 16.03.2025). – Текст : электронный.

130. Логунова, Л. Ю. Противоречия исторической и социальной памяти во взаимоотношениях Церкви и государства / Л. Ю. Логунова, В. А. Рычков. – Текст : электронный // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2017. – № 38. – С. 186-199. – URL: <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000582860> (дата обращения: 10.06.2025).

131. Лосев, А. Ф. «Я сослан в XX век...» : [в 2 т.] / А. Ф. Лосев ; [сост. и коммент. А. А. Тахо-Годи и др.] ; под ред. А. А. Тахо-Годи. – Москва : Время,

2002. – URL: <https://predanie.ru/book/122243-ya-so/> (дата обращения: 16.05.2024). – Текст : электронный.

132. Лосский, Н. О. Избранные труды / Н. О. Лосский ; [сост.], авт. вступ. ст. Е. Л. Петренко, авт. коммент: М. И. Иванов [и др.], Ин-т обществ. мысли, [НП благотворит. орг. Искусство и спорт]. – Москва : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. – 839 с. – (Библиотека отечественной общественной мысли с древнейших времен до начала XX века). – ISBN 978-5-8243-1206-5. – URL: https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_RU_NLR_bibl_1522547/?ysclid=mf6cz9vc2v432908870 (дата обращения: 27.05.2025). – Текст : электронный.

133. Лотман, Ю. М. Культура и взрыв / Ю. М. Лотман. – Москва : Гнозис; Издательская группа «Прогресс», 1992. – 272 с. – URL: https://philhist.spbu.ru/images/books/kultura_i_vzryv.pdf (дата обращения: 01.05.2025). – Текст : электронный.

134. Лукьянец, В. С. Проблема постчеловеческого будущего / В. С. Лукьянец, О. Н. Соболев. – URL: <http://www.transhuman.ru/node/677> (дата обращения: 26.02.2025). – Текст : электронный.

135. Ляшенко, О. В. Социально-политическое мифотворчество в контексте современной российской культуры : автореферат дис. ... кандидата философских наук : 09.00.13 / Ляшенко Олеся Викторовна ; Ставропольский гос. ун-т. – Ставрополь, 2003. – 20 с. – URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_002650437/?ysclid=mf5hwhf0bk6591469777 (дата обращения: 13.02.2025). – Текст : электронный.

136. Майданский, А. Д. В поисках дефиниции человека / А. Д. Майданский. – Текст : непосредственный // Вестник Таганрогского института управления и экономики. – 2009. – № 1. – С. 65-69.

137. Малинова, О. Ю. Конструирование смыслов: исследование символической политики в современной России : монография /

О. Ю. Малинова ; РАН, ИНИОН. – Москва, 2013. – 420 с. – URL: https://vk.com/wall-32861121_4586?ysclid=mf5i088c8g263065643 (дата обращения: 04.07.2025). – Текст : электронный.

138. Маковский, С. К. На Парнасе Серебряного века / Сергей Маковский. – Москва : XXI в. ; Согласие, 2000. – 557 с. – (Библиотека русской культуры). – URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_000649-905/?ysclid=mflnyubebo476810520 (дата обращения: 07.06.2025). – Текст : электронный.

139. Мамардашвили, М. Философские чтения / Мераб Мамардашвили. – Санкт-Петербург : Азбука-классика, 2002. – 832 с. – URL: https://vk.com/wall-60734298_838?ysclid=mf5i2cxgrg616834803 (дата обращения: 11.07.2025). – Текст : электронный.

140. Мандельштам, О. Э. (1891–1938). Собрание сочинений / Осип Мандельштам ; под ред. и со вступ. ст. Г. П. Струве и Б. И. Филиппова. – Нью-Йорк : Изд-во им. Чехова, 1955. – 414 с. – URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003356989/?ysclid=mfjn3y041n838918953 (дата обращения: 03.06.2025). – Текст : электронный.

141. Маньковская, Н. Б. Эстетика на переломе культурных традиций : монография / Н. Б. Маньковская. – Москва : ИФ РАН, 2002. – 238 с. – URL: <https://bik.sfukras.ru/elib/view?id=LANY51.04.01/%D0%9C%-20247647080279&ysclid=mf15wxcdw4675147426> (дата обращения: 07.07.2025). – Текст : электронный.

142. Маркузе, Г. Одномерный человек ; Эрос и цивилизация : Исследование идеологии развитого индустриального общества / Г. Маркузе ; пер. с англ., послесл., примеч. А. А. Юдина ; сост., предисл. В. Ю. Кузнецова. – Москва : Издательство АСТ, 2002. – 526 с. – (Philosophy). – Текст : непосредственный.

143. Маяковский, В. В. Собрание сочинений : в 12 т. / Владимир Маяковский. – Москва : Правда, 1978. – Т. 1. – 432 с. – (Библиотека «Огонек»). – Текст : непосредственный.

144. Медведев, Д. А. Новые технологии и продолжение эволюции человека? / Д. А. Медведев, В. В. Прайд. – Текст : непосредственный // Философские науки. – 2008. – № 1. – С. 97-117.

145. Медведев, Н. В. Герменевтическое понимание историчности человека / Н. В. Медведев. – Текст : электронный // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2018. – Т. 23, № 171. – С. 163-171. – URL: [https://doi.org/10.20310/1810-0201-2018-23-1\(171\)-163-171](https://doi.org/10.20310/1810-0201-2018-23-1(171)-163-171) (дата обращения: 29.07.2025).

146. Межуев, В. М. Идея культуры. Очерки по философии культуры / В. М. Межуев. – Москва : Прогресс-Традиция, 2006. – 408 с. – URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01002886131?ysclid=mf5ikw3vy9833975580> (дата обращения: 30.01.2025). – Текст : электронный.

147. Мережковский, Д. С. О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы / Д. С. Мережковский. – Санкт-Петербург : Типо-лит. Б. М. Вольфа, 1893. – 192 с. – Текст : непосредственный.

148. Мережковский, Д. С. Л. Толстой и Достоевский / [сочинение] Д. С. Мережковского. Т. 1-2. Жизнь и творчество Л. Толстого и Достоевского. – 3-е изд. – Санкт-Петербург : Издание М. В. Пирожкова, 1903. – 374 с. – URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003-973062/?ysclid=mflongojro488081238 (дата обращения: 07.04.2025). – Текст : электронный.

149. Микешина, Л. А. Ценностные предпосылки в структуре научного познания / Л. А. Микешина. – Москва : Прометей, 1990. – 208 с. – URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_001549651/?ysclid=-mdk55rjjmf29721633 (дата обращения: 30.06.2025). – Текст : электронный.

150. Мирский, Э. М. Междисциплинарные исследования и дисциплинарная организация науки / Э. М. Мирский. – Москва : Наука, 1980. – 30 с. – Текст : непосредственный.

151. Михайловский, Н. К. Человек. Мыслитель. Общественный деятель (к 175-летию со дня рождения) : сб. науч. тр. / Н. К. Михайловский; редкол.: Г.

Н. Мокшин (отв. ред.) [и др.] ; Воронежский государственный ун-т. – Воронеж : Издательский дом ВГУ, 2017. –

300 с. – Текст : непосредственный.

152. Моисеев, Н. Н. Судьба цивилизации. Путь разума / Н. Н. Моисеев. – Москва : Языки рус. культуры, 2000. – 224 с. – Текст : непосредственный.

153. Мор, М. Преактивностный принцип / Макс Мор. – URL: <http://ru.science.wikia.com/wiki/Трансгуманизм> (дата обращения: 16.05.2024). – Текст : электронный.

154. Москвина, И. К. Современные концепции реставрации в культурологическом дискурсе / И. К. Москвина. – Текст : электронный // Культура и цивилизация. – 2016. – Том 6, № 5А. – С. 317-324. – URL: <http://www.publishing-vak.ru/file/archive-culture-2016-5/30-moskvina.pdf> (дата обращения: 11.04.2025).

155. Мочульский, К. В. Александр Блок, Андрей Белый, Валерий Брюсов [Сборник] / К. Мочульский ; [сост., авт. предисл. и коммент. В. Крейд]. – Москва : Республика, 1997. – 478 с. – URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_001779185/?ysclid=mfloxy8wuc478176307 (дата обращения: 10.06.2025). – Текст : электронный.

156. Мукаржовский, Я. Исследования по эстетике и теории искусства [пер. с чеш.] / Ян Мукаржовский ; [вступ. ст. Ю. М. Лотмана ; коммент. Ю. М. Лотмана, О. М. Малевича]. – Москва : Искусство, 1994. – 605 с. – (История эстетики в памятниках и документах). – URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_001686503/?ysclid=mf693v1bz8882416122 (дата обращения: 03.07.2025). – Текст : электронный.

156. Най, Д. Мягкая мощь. Как я спорил с Бжезинским и Киссинджером / Джозеф Най ; [пер. М. В. Нигматуллин, Э. С. Китайцева]. – Москва : Родина, 2023. – 254 с. – URL: (дата обращения: 03.07.2025). – Текст : электронный.

157. Назаретян, А. П. Антропология насилия и культура самоорганизации очерки по эволюционно-исторической психологии / А. П. Назаретян. – Изд. 4-е, стер. – Москва : URSS, ЛЕНАНД, 2015. – 256 с. – (Синергетика в

гуманитарных науках). – URL: https://rusneb.ru/catalog/-000200_000018_RU_NLR_BIBL_A_010734588/?ysclid=mf699eous2464567660 (дата обращения: 23.08.2025). – Текст : электронный.

158. Ницше, Ф. Полное собрание сочинений : в 13 т. / Фридрих Ницше ; Ин-т философии. – Москва : Культурная Революция, 2005. – Т. 1. Ч. 1: Рождение трагедии. Из наследия (сочинения 1869–1873 годов) / пер. с нем. В. Бакусева, Л. Завалишиной и др. ; общ. ред. И. А. Эбаноидзе. – 2012. – 416 с. – ISBN 973-5-902764-15-1. – URL: [https://publ.lib.ru/ARCHIVES/N/NICSHE_Fridrih_Vil'gel'm_\(filosof\)/%CD%E8%F6%F8%E5%20%D.\(2012\).pdf](https://publ.lib.ru/ARCHIVES/N/NICSHE_Fridrih_Vil'gel'm_(filosof)/%CD%E8%F6%F8%E5%20%D.(2012).pdf) (дата обращения: 07.02.2025). – Текст : электронный.

159. Наука и ценности. – Новосибирск : Наука, 1987. – URL: https://psv4.userapi.com/s/v1/d/FHVzHt7KpvihaT7Y_a2khKeUDa7pRutyUGIVjW1FOS2JV5OP9RZKuTTLxgsC1Ho7qjA579qHZiB0hIAX5NucyNVpD6XIxsDLR2qSeB8aB4VCz7EjakG8w/Kochergin_A_N_red_Nauka_i_tsennosti_1987.pdf (дата обращения: 03.07.2025). – Текст : электронный.

160. Новиков, А. И. Нигилизм и нигилисты : Опыт критической характеристики / А. И. Новиков. – Ленинград : Лениздат, 1972. – 296 с. – URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_007189637/?ysclid=-mdk6h2uebs518478144 (дата обращения: 11.08.2025). – Текст : электронный.

161. Ортега-и-Гассет, Х. Восстание масс : пер. с исп. / Хосе Ортега-и-Гассет. – Москва : Издательство АСТ, 2002. – 509 с. – URL: https://vk.com/wall-61771654_1418?ysclid=mf69b1p0ei901098010 (дата обращения: 03.05.2025). – Текст : электронный.

162. Отто, Р. Превратить предназначение в судьбу: новый диалог с собственной душой / Роберт Отто ; [пер. с англ. В. Е. Венюковой]. – Санкт-Петербург : Весь, 2009. – 247 с. – URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01004408894?-ysclid=mf70саројт90074589> (дата обращения: 04.07.2025). – Текст : электронный.

163. Оцуп, Н. А. Литературные очерки / Н. А. Оцуп. – Париж : Б. и., 1961. – 264 с. – URL: https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_rc_4611-238/?ysclid=mflo3e8xbh942562417 (дата обращения: 09.08.2025). – Текст : электронный.

164. Пайман, Аврил. История русского символизма / А. Пайман. – Москва : Республика, 1998. – 413 с. – URL : https://vk.com/wall-42109398_119575?ysclid=mhk2vithnm1984873 (дата обращения: 31.10.2025). – Текст : электронный.

165. Парсонс, Т. О социальных системах / Талкотт Парсонс ; под общ. ред. В. Ф. Чесноковой и С. А. Белановского. – Москва : Акад. Проект, 2002. – 830 с. – URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01000972894?ysclid=-mf70ff3e1z679185391> (дата обращения: 28.09.2024). – Текст : электронный.

166. Пелипенко, А. А. Культура как система : Структур. морфология культуры. Единство онто- и филогенеза. Изоморфизм мышления и ист.-культур. феноменологии / А. А. Пелипенко, И. Г. Яковенко. – Москва : Языки рус. Культуры : Кошелев, 1998. – 271 с. – (Язык. Семиотика. Культура). – ISBN 5-7859-0047-5. – URL: https://vk.com/wall154516093_-69087?ysclid=mfbakuwo4p827968745 (дата обращения: 11.09.2025). – Текст : электронный.

167. Писарев, Д. И. Избранные произведения / Д. И. Писарев. – Ленинград : Художественная литература, 1968. – 619 с. – Текст : непосредственный.

168. Сборник свободы и права (Б. Н. Чичерин и социал.-филос. мысль России второй половины XIX в.) / [Н. М. Аверин, И. Д. Осипов, И. И. Булычев и др.] ; под ред. проф. Н. М. Аверина, М-во образования Рос. Федерации, Тамбовский гос. ун-т им. Г. Р. Державина. – Тамбов : Изд-во ТГУ, 2003. – 168 с. – ISBN 5-89016-109-1. – URL: https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_RU_NLR_bibl_521572/?ysclid=mf562e neb426751761 (дата обращения: 03.08.2025). – Текст : электронный.

169. Полное собрание сочинений И. В. Киреевского : в 2 т. / И. В. Киреевский ; под ред. [и с предисл.] М. Гершензона. – Москва : Путь, 1911. – 300 с.
170. Полное собрание сочинений Ф. М. Достоевского / Ф. М. Достоевский. – Юбилейное (6-е) изд. Т. 13: Братья Карамазовы : роман в 4 ч. с эпилогом. Т. 2. – Санкт-Петербург : изд. А. Г. Достоевской, 1904-1906, 1904. – 472 с. – Текст непосредственный.
171. Попов, Е. А. Виталистские тенденции и стратегии в социодинамике русской культуры : монография / Е. А. Попов ; Федеральное агентство по образованию, Алтайский гос. ун-т. – Барнаул : Изд-во Алтайского ун-та, 2006. – 230 с. – URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_002957930/?ysclid=mdk6sef9a0461953415 (дата обращения: 12.05.2025). – Текст : электронный.
172. Пospelов, Г. Г. О понимании времени в живописи 1870–1890-х годов. Картины, посвящённые судьбам личности / Г. Г. Пospelов – Текст : непосредственный // Типология русского реализма второй половины XIX в. – Москва : Наука, 1979. – 619 с.
173. Постников, А. П. О природе электромагнетизма. Опыт общедоступ. излож. теории Максвелля и его последователей, с портр. Клерка Максвелля / А. П. Постников. – Москва : тип. Г. Лисснера и А. Гешеля, преемн. Э. Лисснера и Ю. Романа, 1900. – 64 с. – URL: https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_v19_rc_1718131/?ysclid=mfhlem0gx4443160054 (дата обращения: 16.05.2025). – Текст : электронный.
174. Прайд, В. Феномен NBIC-конвергенции. Реальность и ожидания / В. Прайд, Д. Медведев. – Текст : непосредственный // Философские науки. – 2008. – № 1. – С. 97-116.
175. Пригожин, И. Р. Определено ли будущее? : [сборник статей] / И. Р. Пригожин. – Изд. 2-е., испр. – Москва ; Ижевск : Институт компьютерных исследований, 2005. – 239 с. – URL:

https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_012707950/?ysclid=mdk93k6ja0870143098 (дата обращения: 29.05.2025). – Текст : электронный.

176. Пропп, В. Я. (1895–1970). Морфология (волшебной) сказки. Исторические корни волшебной сказки / В. Я. Пропп ; коммент.

Е. М. Мелетинского, А. В. Рафаевой ; сост., науч. ред., текстол. коммент. И. В. Пешкова. – Москва : Лабиринт, 1998. – 511 с. – (Собрание трудов). – ISBN 5-87604-065-7, 5-87604-067-3. – URL:

https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_000592953/?ysclid=mflk8zkfoq105895415 (дата обращения: 27.01.2025). – Текст : электронный.

177. Радищев, А. Н. Избранные философские и общественно-политические произведения : [К 150-летию со дня смерти. 1802–1952] / под общ. ред. и со вступ. статьей И. Я. Щипанова ; Акад. наук СССР, Ин-т философии, Моск. ордена Ленина гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. – [Москва] : Госполитиздат, 1952. – 672 с. – URL:

https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_006012755/?ysclid=mf69essq7i780903763 (дата обращения: 13.08.2025). – Текст : электронный.

178. Резников, С. Н. Кооперативный эффект» и «синергетическая функциональная конвергенция» в понятийном аппарате глобальной логистики: теоретико-методологические особенности синтеза /

С. Н. Резников. – Текст : электронный // Современные исследования социальных проблем. – 2012. – № 12 (20). – URL: <http://sisp.nkras.ru/e-ru/issues/2012/nol2.html> (дата обращения: 07.05.2025).

179. Рерих, Н. К. (1874–1947). Собрание сочинений / Н. К. Рерих. – Москва : И. Д. Сытин, 1914. – URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_004321048/?ysclid=mfjobifhr9130019371 (дата обращения: 12.05.2025).

180. Риккерт, Г. Науки о природе и науки о культуре : перевод со второго [совершенно перераб.] немецкого издания / Г. Риккерт ; под редакцией [и со вступ. ст.] С. Гессена. – Санкт-Петербург : Образование, 1911. – 196 с. – URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_00378-

3921/?ysclid=mdk5fklnk5844779298 (дата обращения: 13.05.2025). – Текст : электронный.

181. Римский-Корсаков, Н. А. Летопись моей музыкальной жизни / Н. А. Римский-Корсаков. – Санкт-Петербург : Типография Глазунова, 1909. – URL: https://psv4.userapi.com/s/v1/d/nIe4dr4GqIK390uvbJW-G8L0da7skL2oYoDcfkx7j5FpW3IUkz2nX4_gAr00sgbVT0Q5NQLisE6WwFwlhcpjILfhuSVx9CbzENFXL13Wf2_yhtX1pInpA/RimskiyKorsakov_N_Letopis_moe_y_muzykalnoy_zhizni.pdf (дата обращения: 01.07.2025). – Текст : электронный.

182. Розанов, В. В. О понимании. Опыт исследования природы, границ и внутреннего строения науки как цельного знания / [Соч.] Вас. Розанова. – Москва : Тип. Э. Лисснера и Ю. Романа, 1886. – URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_004096859/?ysclid=mdjwrtvzxh629277240 (дата обращения: 10.06.2025). – Текст : электронный.

183. Розанов, В. В. Сочинения / В. В. Розанов. – Москва : Советская Россия, 1990. – 588 с. – Текст : непосредственный.

184. Розов, Н. С. Ценности в проблемном мире: философские основания и социальные приложения конструктивной аксиологии / Н. С. Розов. – Москва : Директ-Медиа, 2013. – 360 с. – ISBN 978-5-4458-3506-6. – URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_007579312/?ysclid=mf69-hxgvie735769677 (дата обращения: 16.05.2024). – Текст : электронный.

185. Русская наука о литературе в конце XIX – начале XX в. – Москва : Наука, 1982. – 392 с. – Текст : непосредственный.

186. Русский биографический словарь / Изд. под наблюдением председателя Императорского Русского исторического о-ва А. А. Половцова. – Санкт-Петербург : Имп. Русское историческое о-во, 1896–1918. – Т. 1: Аарон – император Александр II. – 1986. – 892 с. – URL : <https://azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/russkij-biograficheskiy-slovar-tom-1/> (дата обращения: 09.09.2025). – Текст : электронный.

187. Сарабьянов, Д. В. История русского искусства второй половины XIX века: Курс лекций / Д. В. Сарабьянов. – Москва : Издательство МГУ, 1989. – 381 с. – Текст : непосредственный.

188. Сартр, Жан Поль. Экзистенциализм – это гуманизм / Жан-Поль Сартр ; пер. с фр. М. Грецкого. – Москва : Изд-во иностранной литературы, 1953. – 42 с. – URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_001863663/?ysclid=mhmcsmgr870316767628 (дата обращения: 24.05.2025). – Текст : электронный.

189. Сवादост-Истомин, Э. П. Как возникнет всеобщий язык? / Э. П. Сवादост-Истомин. – Москва : Наука, 1968. – 285 с. – Текст : непосредственный.

190. Святополк-Мирский, Д. П. История русской литературы с древнейших времен по 1925 год / Д. П. Святополк-Мирский ; [пер. с англ. Р. А. Зерновой]. – 5-е изд., испр., и доп. – Новосибирск : Изд-во «Свиный и сыновья», 2005. – URL: https://vk.com/wall-47907547_765?ysclid=mf69lobohu968524987 (дата обращения: 30.01.2025). – Текст : электронный.

191. Семилет, Т. А. Культурвитализм – концепция жизненных сил культуры : монография / Т. А. Семилет ; М-во образования Рос. Федерации, Алтайский гос. ун-т. – Барнаул : Изд-во Алтайского университета, 2004. – 142 с. – URL: https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_RU_NLR_bibl_902866/?ysclid=mf160bhge7660647844 (дата обращения: 27.05.2025). – Текст : электронный.

192. Синергетическая парадигма. Синергетика инновационной сложности : к 70-летию В. И. Аршинова : [сборник] / Российская акад. наук, Ин-т философии РАН ; [отв. ред. В. И. Аршинов]. – Москва : Прогресс-Традиция, сор. 2011. – 495 с. – (Синергетическая парадигма). – URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_005384338/?ysclid=mdk7pm07b4991543056 (дата обращения: 17.05.2025). – Текст : электронный.

193. Ситак, Л. А. Проблема формирования экологической культуры в дошкольном возрасте / Л. А. Ситак, М. А. Алабова. – Текст : непосредственный // Профессиональная ориентация. – 2017. – № 1. –

С. 276-279.

194. Скабичевский, А. М. История новейшей русской литературы 1848–1892 гг. / А. М. Скабичевский. – Санкт-Петербург : Издание

Ф. Павленкова, 1897. – URL: https://ru.wikisource.org/wiki/«История_новейшей_русской_литературы_1848–1892_гг.»_-

А._М._Скабичевского_(Плеханов) (дата обращения: 17.05.2025). – Текст : электронный.

195. Соловьев, В. С. Критика отвлеченных начал / [Соч.] Владимира Соловьева. – Москва : Унив. тип., 1880. – 435 с. – Текст : непосредственный.

196. Соловьев, В. С. Общий смысл искусства / В. С. Соловьев. – URL: <https://azbyka.ru/fiction/obshhij-smysl-iskusstva/> (дата обращения: 08.05.2025). – Текст : электронный.

197. Соловьев, В. С. Философия искусства и литературная критика / В. С. Соловьев. – Москва : Искусство, 1991. – 699 с. – Текст : непосредственный.

198. Сологуб, Ф. К. Неизданные стихотворения 1878–1889 годов / Публикация Т. В. Мисникевич и М. М. Павловой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2002 г. – Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2006. – С. 164. – Текст непосредственный.

199. Сорокин, П. А. Общедоступный учебник социологии. Статьи разных лет / П. А. Сорокин ; Ин-т социологии. – Москва : Наука, 1994. – 560 с. – (Социологическое наследие). – URL: https://legitimist.ru/lib/-philosophy/p_sorokin_uchebnik_sociologii.pdf (дата обращения: 16.05.2025). – Текст : электронный.

200. Стасов, В. В. Николай Николаевич Ге, его жизнь, произведения и переписка / В. В. Стасов. – Москва : Типография Т-ва К. В. Кушнерев и Ко, 1904. – 411 с. – URL: <https://C:/Users/komp/Downloads/>

Николай_Николаевич_Ге_его_жизнь_произведения_и_переписка.pdf (дата обращения: 16.07.2025). – Текст : электронный.

201. Степин, В. С. Философия науки. Общие проблемы : учеб. для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук / В. С. Степин. – Москва : Гардарики, 2006. – 384 с. – URL: https://www.vir.nw.ru/wp-content/uploads/2018/09/Filosofiya-nauki-Obshhie-problemy-Stepin_filoso-fiya.pdf?ysclid=mf69ro8xk8880136521 (дата обращения: 30.08.2025). – Текст : электронный.

202. Столович, Л. Н. Красота. Добро. Истина: Очерк истории эстетической аксиологии / Л. Н. Столович. – Москва : Республика, 1994. – 464 с. – Текст : непосредственный.

203. Тейяр де Шарден, П. Феномен человека : Божественная среда : [пер. с фр.] / Пьер Тейяр де Шарден. – Москва : АСТ : Астрель, 2011. – 446 с. – (Philosophy). – ISBN 978-5-17-060347-3. – Текст : непосредственный.

204. Тиллих, П. Избранное: Теология культуры / П. Тиллих ; пер. с англ. – Москва : Юрист, 1995. – 479 с. – (Лики культуры). – URL: <https://djvu.online/file/BpMIOwR1b1RTZ?ysclid=mdk5kre9kn133245706> (дата обращения: 05.05.2025). – Текст : электронный.

205. Тойнби А. Д. Постижение истории : сборник : пер. с англ. / А. Дж. Тойнби ; сост. Огурцов А. П.; вступ. ст. Уколовой В. И. ; закл. ст. Рашковского Е. Б. – Москва : Прогресс, 1990. – 730 с. – URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_001627860/?ysclid=mf166m8nv156650616 (дата обращения: 30.04.2025). – Текст : электронный.

206. Толстой, Л. Н. Полное собрание сочинений : в 90 т. : Т. 30: Произведения 1882–1898 гг. / Л. Н. Толстой. – Москва : Художественная литература, 1992. – URL: <https://tolstoy.ru/online/90/30/> (дата обращения: 03.08.2025). – Текст : электронный.

207. Толстой, Л. Н. Что такое искусство / Л. Н. Толстой. – Москва : Государственное издательство художественной литературы, 1951. – URL: <https://tolstoy.ru/online/online-publicism/chto-takoe-iskusstvo/index.->

xhtml?ysclid=mdjwe9xzbi404455230 (дата обращения: 12.04.2025). – Текст : электронный.

208. Тоффлер, Э. Третья волна / Э. Тоффлер. – Москва : Издательство АСТ, 1999. – 784 с. – Текст : непосредственный.

209. Тоффлер, Э. Шок будущего / Э. Тоффлер. – Москва : Издательство АСТ, 2002. – 557 с. – Текст : непосредственный.

210. Трансгуманистический проект будущего / под ред. В. Прайд, А. В. Коротаева. – Москва, 2008. – С. 117-126. – Текст: непосредственный.

211. Трельч, Э. Историзм и его проблемы: Логическая проблема философии истории: пер. с нем. / Эрнст Трёлльч ; отв. ред. и авт. послесл. Л. Т. Мильская. – Москва : Юрист, 1994. – 719 с. – URL: https://rusneb.ru/catalog/000201_000010_BJVVV1189930/?ysclid=mdk6kuoqwr854645414 (дата обращения: 04.08.2025). – Текст : электронный.

212. Трубецкой, С. Н. Собрание сочинений кн. Сергея Николаевича Трубецкого : Т. 1–6. Философские статьи / С. Н. Трубецкой. – Москва : Тип. Г. Лисснера и Д. Собко, 1906–1912. – URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003983818/?ysclid=mf69tt0w93770821253 (дата обращения: 07.11.2024). – Текст : электронный.

213. Тугаринов, В. П. Избранные философские труды / В. П. Тугаринов. – Ленинград : Издательство Ленинградского университета, 1988. – 344 с. – URL: https://psv4.userapi.com/s/v1/d/wnH2eDbNguk95tLxgrj8orZhs22-Zb9FOFFDEZZOnc0BhUtn2EugegwaQ37HxhJvvkS6BAgGdo4fuVDkUAAiGT6OFmWveD6oodG3cp3W1HGI4a1Zfj1Hg/Tugarinov_V_P__Izbrannnye_filosofskie_trudy.pdf (дата обращения: 24.07.2025). – Текст : электронный.

214. Тургенев, И. С. Избранные произведения / И. С. Тургенев ; под ред. Б. М. Эйхенбаума ; биогр. очерк Л. С. Утевского ; коммент. М. К. Клемана и Л. С. Утевского. – Москва ; Ленинград : Изд-во детской лит., [б. и.], 1941. – 703 с. – Текст непосредственный.

215. Турен, А. Возвращение человека действующего. Очерк социологии / А. Турен ; пер. с французского Е. А. Самарской. – Москва : Научный мир, 1998. – 204 с. – Текст : непосредственный.

216. Тынянов, Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино / Ю. Н. Тынянов ; [предисл. В. Каверина ; АН СССР, Отд-ние литературы и яз., Комис. по истории филол. наук, Науч. совет по истории мировой культуры]. – Москва : Наука, 1977. – 574 с. – URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_007662181/?ysclid=mfloppl7u3254761913 (дата обращения: 25.07.2025). – Текст : электронный.

217. Тэн, И. А. Философия искусства [перевод] / И. Тэн; [подгот. к изд., общ. ред. и послесл. А. М. Микиша]. – Москва : Искусство, 1996. – 350 с. – URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_001737925/?ysclid=mflm7atubd694827864 (дата обращения: 14.03.2025). – Текст : электронный.

218. Уайльд, О. (1854–1900). Полное собрание сочинений / Оскар Уайльд. – [3-е изд.]. Т. 1. – Москва : В. М. Саблин, 1909–1911. – URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01003530284?ysclid=mfjqlzj7fh55888020> (дата обращения: 14.02.2025). – Текст : электронный.

219. Федотов, Г. П. Собрание сочинений : в 12 томах / Г. П. Федотов ; [сост., примеч., вступ. ст. С.С. Бычков]. – Москва : Мартис : SAM and SAM, 1996. – Т. 1: Абеляр. Статьи, 1911–1925 гг. – 1996. – 347 с. – URL: https://azbyka.ru/otechnik/Georgij_Fedotov/sobranie-sochinenij-tom-1/ (дата обращения: 11.03.2025). – Текст : электронный.

220. Фидченко, Е. В. Коммуникативное действие в гуманитарном познании (философско-методологический анализ) : автореферат дис. ... кандидата философских наук : 09.00.01 / Фидченко Елена Владимировна ; [Моск. пед. гос. ун-т]. – Москва, 2003. – 16 с. – URL: https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_RU_NLR_bibl_893421/?ysclid=mdk8dbtd6r84274411 (дата обращения: 02.05.2025). – Текст : электронный.

221. Философия: Энциклопедический словарь / под ред. А. А. Ивина. – Москва : Гардарики. – 2004. – 1072 с. – Текст : непосредственный.

222. Философский энциклопедический словарь. – Москва : Советская энциклопедия, 1983. – 840 с. – Текст : непосредственный.

223. Философов, Д. В. Критические статьи и заметки, 1899–1916 / Д. В. Философов ; Учреждение Российской акад. наук, Ин-т мировой литературы им. А. М. Горького. – Москва : ИМЛИ РАН, 2010. – 679 с. – URL: http://az.lib.ru/f/filosofow_d_w/?ysclid=mf6a2yt19b388457050 (дата обращения: 30.01.2025). – Текст : электронный

224. Флиер, А. Я. Очерки теории исторической динамики культуры. Культурные ландшафты социального пространства : избранные работы по теории культуры [сборник] / А. Я. Флиер ; [ред. совет: О. Н. Астафьева и др.], Науч. ассоц. исследователей культуры, Науч. об-ние «Высш. шк. культурологии». – Москва : Согласие [и др.], 2014. – 556 с. – URL: https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_RU_NLR_BIBL_-A_010459476/?ysclid=mf16d43b5x905651702 (дата обращения: 11.04.2025). – Текст : электронный.

225. Флоренский, П. А. Собрание сочинений : в 4 т. / П. А. Флоренский. – Москва : Мысль, 1994–2000. – URL: https://vk.com/wall-43625806_42?ysclid=mdk492as6z633600106 (дата обращения: 11.05.2025). – Текст : электронный.

226. Флоренский, Павел, священник. Столп и утверждение Истины / Павел Флоренский. – Москва : Путь, 1914. – URL: https://azbyka.ru/otechnik/Pavel_Florenskij/stolp-i-utverzhdenie-istiny/ (дата обращения: 30.05.2025). – Текст : электронный.

227. Флоренский Павел, священник. Философия культа (Опыт православной антропологии) / Павел Флоренский. – 2-е изд. – Москва : Академический проект, 2018. – 685 с. – (Философские технологии). – URL: https://imwerden.de/pdf/florensky_filosofiya_kulta_2018_izd.pdf (дата обращения: 16.05.2025). – Текст : электронный.

228. Флоровский, Г. В. Пути русского богословия / Прот. Георгий Флоровский; С предисл. прот. И. Мейендорфа и указ. имен. – Киев : Христиан.-благотвор. ассоц. «Путь к истине», 1991. – 599 с. – ISBN 5-7707-1614-2 (В пер.). – URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_001618647/?ysclid=mflou6p4m6469381601 (дата обращения: 16.05.2025). – Текст : электронный.

229. Фотиева, И. В. Онтологические основы морали: Комплексный подход в исследовании : автореферат дис. ... кандидата философских наук : 09.00.05 / Фотиева Ирина Валерьевна. – Москва, 1999. – 24 с. – URL: <https://www.dissercat.com/content/ontologicheskie-osnovy-morali-kompleksnyi-podkhod-v-issledovanii?ysclid=mfl6wdnjrb251085812> (дата обращения: 19.02.2025). – Текст : электронный.

230. Франк, С. Л. Реальность и человек / С. Л. Франк ; [примеч. Р. К. Медведевой]. – Москва : Республика, 1997. – 478. – (Мыслители XX века). – URL: https://vk.com/doc5787984_437357727?hash=50Aih1G0NkOiaUmuUPqkBtEzAcRSYbT4HbscJZihdC4&dl=AbgljroAXxcH3FMzkIsSQANDNFa5KVPoV56ZpqPDP0w (дата обращения: 07.02.2025). – Текст : электронный.

231. Фрейд, З. Собрание сочинений : в 26 т. / Зигмунд Фрейд ; [пер. с нем. Алексея Жеребина и Сергея Панкова]. – Изд. 2-е, испр. и доп. – Санкт-Петербург : Восточно-Европейский ин-т психоанализа, 2011. – Т. 2: Автопортрет. – 2011. – 251 с. – URL: https://vk.com/wall-187311489_1731?ysclid=mf6a7e5yo6805117784 (дата обращения: 16.01.2025). – Текст : электронный.

232. Фрейденберг, О. М. Миф и литература древности / О. М. Фрейденберг. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Вост. лит., РАН, 1998. – 798 с. – (Исследования по фольклору и мифологии Востока / РАН, Ин-т востоковедения и др.). – URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_000594871/?ysclid=mflkitiv7k847996859 (дата обращения: 18.08.2025). – Текст : электронный.

233. Фромм, Э. Здоровое общество / Эрих Фромм ; [пер. с англ. Т. В. Банкетовой, С. В. Карпушиной]. – Москва : АСТ : Астрель, 2011. – 446 с. – URL: https://psv4.userapi.com/s/v1/d/WB58EmitW_TEA-q5jxh9OHOgli57N6zcD0cv7ZXH8ANpgXgY28WuyGsW_X5_Ntv9DCLYsMDvS6w5sjVt1LayScZKnFzQmO4r4WKhjandZiHxnNeQyuLg/Fromm_EZdorovoe_obschestvo_Dogmat_o_Khriste.pdf (дата обращения: 08.05.2025). – Текст : электронный.

234. Фромм, Э. Революция надежды. Избавление от иллюзий / Э. Фромм ; перевод с англ. – Москва : Айрис-пресс, 2005. – 352 с. – Текст : непосредственный.

235. Фромм, Э. Революция надежды : о гуманизации технол. о-ва ; Избавление от иллюзий : сопоставление взглядов Маркса и Фрейда / Эрих Фромм ; [пер. с англ. Н. Г. Кротовской и др.]. – Москва : Айрис-пресс, 2005. – 344 с. – (Человек и мир). – Текст : непосредственный.

236. Фуко, М. «Нужно защищать общество» : курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975–1976 учеб. году / Мишель Фуко ; пер. с фр. Е. А. Самарской. – Санкт-Петербург : Наука, 2005. – 311 с. – URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_002841645/?ysclid=mdkb8sphqd63654639 (дата обращения: 30.04.2025). – Текст : электронный.

237. Хабермас, Ю. От картин мира к жизненному миру / Юрген Хабермас ; [пер. с нем. Дагмар Мироновой]. – Москва : Идея-Пресс, 2011. – 126 с. – (Лекции зарубежных профессоров на философском факультете МГУ им. М. В. Ломоносова). – URL: https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_RU_NLR_bibl_1865496/?ysclid=mf177pzuk490148185 (дата обращения: 02.05.2025). – Текст : электронный.

238. Хайдеггер, М. Время и бытие: Статьи и выступления / М. Хайдеггер ; пер. с немецкого. – Москва : Республика, 1993. – С. 221-238. – Текст : непосредственный.

239. Хакен, Г. Синергетика: принципы и основы, перспективы и приложения. Часть 1: Принципы и основы: Неравновесные фазовые переходы

и самоорганизация в физике, химии и биологии : пер. с англ. / Г. Хакен. – Изд. 2-е, доп. – Москва : URSS, 2015. – 448 с. – URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_007915127/?ysclid=mdk8xobcg4311460811 (дата обращения: 02.03.2025). – Текст : электронный.

240. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций / Самюэль Хантингтон ; [пер. с англ. Т. Велимеева]. – Москва : АСТ, 2014. – 571 с. – (Политика). – ISBN 978-5-17-072374-4. – URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_007514594/?ysclid=mf6a9fncvh786778573 (дата обращения: 02.05.2025). – Текст : электронный.

241. Хапсироков, А. Я. Отражение и оценка : диссертация ... доктора философских наук : 09.00.01 / Хапсироков Али Яхьяевич ; Моск. пед. гос. ун-т. – Москва, 1991. – 274 с. – URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_007909682/?ysclid=mdk6721qcz113438243 (дата обращения: 06.05.2025). – Текст : электронный.

242. Хлебников, В. В. Поэзия : Драматические произведения; Проза; Публицистика / Велимир Хлебников. – Москва : Слово, 2001. – 693 – ISBN 5-85050-472-9. – URL: https://primo.nlr.ru/primoexplore/-fulldisplay?vid=07NLR_VU1&docid=07NLR_LMS000283497&context=L&search_scope=default_scope (дата обращения: 11.02.2025). – Текст : электронный.

243. Ходасевич В. Ф. Литературные статьи и воспоминания / В. Ф. Ходасевич. – Нью-Йорк : Изд-во им. Чехова, 1954. – 414 с. – URL: https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_rc_4184995/?ysclid=mflodgcu4y159013595 (дата обращения: 12.06.2025). – Текст : электронный.

244. Хомяков, А. С. Сочинения : в 2 т. Т. 2: Работы по богословию / А. С. Хомяков. – Москва : Медиум МФФ, 1994. – 478 с. – Текст : непосредственный.

245. Хоркхаймер, М. Диалектика Просвещения : Философские фрагменты / М. Хоркхаймер, Т. В. Адорно ; пер. с нем. М. Кузнецова. – Москва : Медиум ; Санкт-Петербург : Ювента, 1997 – URL: https://rusneb.ru/catalog/005289_000028_RU_CCPL_KNIGA_87.3%284%D0%9

3%29_%D0%A5+796-858661/?ysclid=mflld259rl768852059 (дата обращения: 14.03.2025). – Текст : электронный.

246. Хоружий, С. С. Опыты из русской духовной традиции / С. С. Хоружий. – Москва : Парад, 2005. – 445 с. – (Современная философская мысль). – URL: https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_RU_NLR_bibl_809742/?ysclid=mf70qddlv1817876528 (дата обращения: 13.07.2025). – Текст : электронный.

247. Хьюттнер, Ч. Х. НБИК-1 Национальная стратегия в области конвергенции наук и техники / Ч. Х. Хьюттнер. – URL: <http://ru.transhumanism.wikia.com/wiki> (дата обращения: 16.03.2025). – Текст : электронный.

248. Цветущая сложность : Избр. ст. / Константин Леонтьев; [сост., вступ. ст. и коммент. Т. Глушковой]. – Москва : Мол. гвардия, 1992. – 318 с. – (Антология русской публицистики «Звонница»). – ISBN 5-235-01904-0. – URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_001628462/?ysclid=mf9apctsvr978914852 (дата обращения: 02.07.2025). – Текст : электронный.

249. Ценности и оценки : проблемы философии и науки : сборник научных трудов / Российская академия социальных наук, Смоленское отд-ние, Смоленский гуманитарный ун-т ; [отв. ред. : Г. Я. Головных]. – Смоленск : Универсум, 2005. – URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_002908226/?ysclid=mdk6akjwq339662171 (дата обращения: 11.05.2025). – Текст : электронный.

250. Чаадаев, П. Я. Сочинения / П. Я. Чаадаев; [сост., подгот. текста, примеч. В. Ю. Проскуриной; вступ. ст. В. А. Мильчиной, А. Л. Осповата; Журн. «Вопр. философии» и др.]. – Москва : Правда, 1989. – 655 с. – URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_001513279/?ysclid=mfjq860qgp97049493 (дата обращения: 30.05.2025). – Текст : электронный.

251. Чавчавадзе, Н. З. Культура и ценности / Н. З. Чавчавадзе. – Тбилиси : Мецниереба, 1984. – 171 с. – URL: https://rusneb.ru/catalog/-000199_000009_001199683/?ysclid=mdk5voc8le893019325 (дата обращения: 16.07.2025). – Текст : электронный.

252. Чеклецов, В. В. Проблема изменения природы человека в контексте становления нанотехнологии : автореферат дис. ... кандидата философских наук : 09:00:08 / Чеклецов Вадим Викторович ; [Место защиты: Ин-т философии РАН]. – Москва, 2012. – 22 с. – Текст : непосредственный.

253. Человек как открытая целостность: монография / [А. А. Лисенкова, М. Н. Эпштейн, А. Г. Асмолов и др.] ; отв. ред. Л. П. Киященко, Т. А. Сидорова. – Новосибирск : Академиздат, 2022. – 420 с. – ISBN 978-5-6048682-9-4. – Текст : непосредственный.

254. Черниговская, Т. В. Как искусство влияет на мозг : лекция / Т. В. Черниговская. – URL: <https://yandex.ru/video/preview/452831-7266173318616> (дата обращения: 16.05.2024). – Текст : электронный.

255. Черникова, И. В. Философия и история науки / И. В. Черникова. – URL: http://tainimirozdania.ucoz.ru/publ/1_1-10-159 (дата обращения: 16.05.2024). – Текст : электронный.

256. Чернышевский, Н. Г. Полное собрание сочинений : в 15 т. Т. 16 (Дополнительный). Статьи, рецензии, письма и другие материалы (1843–1889) / Н. Г. Чернышевский. – Москва : ГИХЛ, 1953. – 957 с. – Текст : непосредственный.

257. Чехов, А. П. Повести и рассказы / А. П. Чехов ; сост., авт. вступ. ст. и примеч. А. Б. Есин. – Москва : Просвещение, 1986 – 192 с. – URL: https://psv4.userapi.com/s/v1/d/h2_14X8WUB8g0887Mwbw_Kzp3wuz2swoyw8wcRfZ_bTpWkthPlh1vu5XQ0BkmLZluHk8cIA5gPrJKSddsOg71AxGEhpol4PhFoHb5iFZIZrbBCrQkKa8w/Chekhov_A_P_Povesti_i_rasskazy_1986.pdf (дата обращения: 12.06.2025). – Текст : электронный.

258. Чумаков, А. Н. Метафизика глобализации: культурно-цивилизационный контекст / А. Н. Чумаков ; Российская акад. наук,

Ин-т философии. – Москва : Канон+ РООИ «Реабилитация», 2006. – 514 с. – ISBN 5-88373-189-9. – URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003005966/?ysclid=mf6abv8y4t212496071 (дата обращения: 14.05.2025). – Текст : электронный.

259. Чучин-Русов, А. Е. Культурно-исторический процесс: форма и содержание / А. Е. Чучин-Русов. – Текст : непосредственный // Вопросы философии. – 1996. – № 4. – С. 3-14.

260. Шадриков, В. Д. Государственные образовательные стандарты высшего профессионального образования и Болонский процесс /

В. Д. Шадриков. – Текст : непосредственный // Вопросы образования. – 2004. – № 4. – С. 5-9.

261. Шах-Азизова, Т. Реальность и фантазия («Снегурочка» А. Н. Островского и ее судьба в русской истории последней трети XIX и начала XX в.) / Т. Шах-Азизова. – Текст : непосредственный // Взаимосвязь искусств в художественном развитии России второй половины XIX века. Идеиные принципы. Структурные особенности. – Москва : Наука, 1982. – 350 с.

262. Шевченко Н. И. Вопросы теории и истории философии [Конспект лекций] / Н. И. Шевченко ; М-во общ. и проф. образования Рос. Федерации, Белгородский гос. технол. акад. строит. материалов. – Белгород : Изд-во БелГТАСМ, 1997. – URL: https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_RU_NLR_bibl_2293/?ysclid=mf70y9zxqy932516127 (дата обращения: 14.06.2025). – Текст : электронный.

263. Шевченко, Ю. С. Конвергенция науки, технологий и человека : философский анализ : диссертация ... кандидата философских наук : 09.00.08 / Шевченко Юлия Сергеевна ; [Место защиты: Юж. федер. ун-т]. – Ростов-на-Дону, 2014. – 128 с. – URL: <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01007864099> (дата обращения: 12.08.2025). – Текст : электронный.

264. Шелгунов, Н. В. Очерки русской жизни / Н. В. Шелгунов ; с порт. автора и вступит. ст. Н. Михайловского. – Текст : непосредственный // Сочинения : в 3 т. – Изд. третье. – Санкт-Петербург : Издательство О. Н. Поповой, 1904.

265. Шелер, М. Избранные произведения / М. Шелер. – Москва : Гнозис, 1994. – 490 с. – (Феноменология. Герменевтика. Философия языка). – URL: https://vk.com/wall-90659087_895?w=wall90659087_895&ysclid=-mdkaaowr25382926590 (дата обращения: 24.05.2025). – Текст : электронный.

266. Шеллинг, Ф. В. Философия мифологии : в 2 т. Т. 1: Введение в философию мифологии / Фридрих Вильгельм Йозеф фон Шеллинг ; [пер. с нем. В. М. Линейкина]. – Санкт-Петербург : Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2013, – 479 с. – URL: https://rusne.ru/catalog/000199_000009_006595799/?ysclid=mf17a0wf85933088792 (дата обращения: 08.11.2024). – Текст : электронный.

267. Шестов, Л. Н. Сборник статей, посвященных интеллектуальному наследию Л. И. Шестова] / Л. Н. Шестов ; Ин-т философии РАН, Некоммер. науч. фонд «Ин-т развития им. Г. П. Щедровицкого» ; под ред. Т. Г. Щедринной. – Москва : РОССПЭН, 2016. – 463 с. – (Философия России первой половины XX века). – URL: https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_RU_NLR_BIBL_A_011211788/?ysclid=mf6bah0qrfg273528524 (дата обращения: 08.11.2024). – Текст : электронный.

268. Шипилов, А. В. Математика и метафизика в философии П. А. Флоренского / А. В Шипилов. – Москва, 2010. – Текст : непосредственный.

269. Шпенглер, О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории : в 2 томах / Освальд Шпенглер ; перевод с немецкого И. И. Маханькова. – Москва : Академический проект, 2022. – (Философские технологии: Теории цивилизаций). – ISBN 978-5-8291-3881-3. – URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_010935139/?ysclid=mf73dz93f5411891701 (дата обращения: 24.06.2025). – Текст : электронный.

270. Эйзенштадт Ш. Н. Революция и преобразование обществ Сравнит. изучение цивилизаций / Шмуэль Н. Эйзенштадт ; пер. с англ.

А. В. Гордона, науч. ред. пер. Б. С. Ерасов. – Москва : Аспект Пресс, 1999. – 416 с. – URL: https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_RU_NLR_bibl_36147/?ysclid=mf17cchkp660780687 (дата обращения: 08.11.2025). – Текст : электронный.

271. Эко У. Открытое произведение : форма и неопределенность в современной поэтике / Умберто Эко ; пер. с итал. Александра Шурбелева. – Санкт-Петербург : Symposium, 2006. – 408 с. – URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_002964295/?ysclid=mf17g8mn2j269361112 (дата обращения: 02.11.2025). – Текст : электронный.

272. Элиаде, М. Миф о вечном возвращении. Архетипы и повторяемость / Мирча Элиаде ; пер. с фр. Е. Морозовой, Е. Мурашкинцевой. – Санкт-Петербург : Алетейя, 1998. – 249 с. – (Миф, религия, культура). – URL: https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_RU_NLR_bibl_12480/?ysclid=mf17icjme5609601643 (дата обращения: 16.02.2025). – Текст : электронный.

273. Эрберг, Константин (1871–1942). Цель творчества : Опыты по теории творчества и эстетики / Константин Эрберг. – Москва : Рус. мысль, 1913. – 253 с. – URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003812001/?ysclid=mfjqwb6pzw141761894 (дата обращения: 16.04.2025). – Текст : электронный.

274. Юдин, Э. Г. Методология науки. Системность. Деятельность / Э. Г. Юдин. – URL: https://platona.net/load/knigi_po_filosofii/-filosofija_nauki_tekhniki/judin_eh_g_metodologija_nauki_sistemnost_dejatelnost/30-1-0-2801 (дата обращения: 02.05.2025). – Текст : электронный.

275. Юшкевич, П. С. В. Виндельбанд (1868–1915) / П. С. Юшкевич. – Текст : непосредственный // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. – 2020. – Т. 21, № 1. – С. 187-188.

276. Якобсон, Р. О. Работа по поэтике / Роман Якобсон ; сост. и общ. ред. М. А. Гаспарова ; вступ. ст. В. В. Иванова. – Москва : Прогресс, 1987. – 460 с. –

URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_008938621/?-ysclid=mf17ot97fo932137494 (дата обращения: 11.09.2025). – Текст : электронный.

277. Ясперс, К. Смысл и назначение истории : [сборник : пер. с нем.] / Карл Ясперс ; [вступ. ст. П. П. Гайденоко ; коммент. В. Н. Катасонова]. – 2-е изд. – Москва : Республика, 1994. – 527 с. – URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01001675184?ysclid=mf7160hh8p965050189> (дата обращения: 17.09.2025). – Текст : электронный.

278. Nowotny, H. The Increase of Complexity and Its Reduction: Emergent Interfaces Between the Natural Science, Humanities and Social Sciences / H. Nowotny // Theory, Culture and Society. – Vol. 22, No. 5. – 2005. – P. 15–31.

279. Roco M. C. & W. S. Bainbridge (eds.) Converging Technologies for Improving Human Performance. Arlington, ViA, 2002.

280. Converging Technologies for Improving Human Performance: nanotechnology, biotechnology, information technology and cognitive science. Edited by Mihail C Roco and William Sims Bainbridge, National Science Foundation, Report, 2002, 24 Converging Technologies-Shaping the Future of European Societies by Alfred Nordmann, Report, 2004.